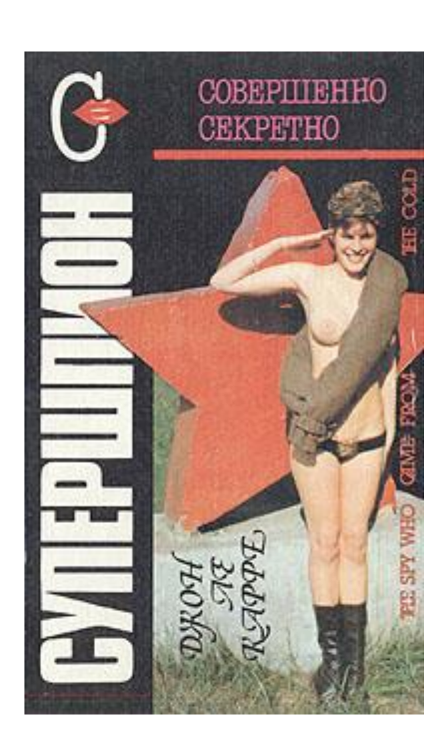
Ле Карре Джон

Звонок покойнику (Звонок мертвеца)

Глава первая
Краткая биография Джорджа Смайли

Когда леди Энн Серкомб вышла замуж за Джорджа Смайли, а случилось это в конце войны, она описала его своим друзьям из клуба «Мэйфер» как человека невообразимо банального. И вот два года спустя она ушла от своего мужа с одним кубинским автогонщиком, двусмысленно заявив, что если бы в этот момент она его не покинула, то уже никогда не смогла бы этого сделать. Виконт Соули специально отправился в свой клуб, чтобы сообщить, что «великое слово сказано».

Эти слова леди Энн, впоследствии ставшие широко известными, были понятны только тем, кто хорошо знал Смайли. Приземистый, дородный, со спокойным характером, Смайли производил впечатление человека, тратящего большие деньги на костюмы, лишенные всякой элегантности и висевшие на нем, как лягушачья кожа. Кстати, после свадьбы Соули заявил, что Серкомб вышла замуж за «жабу в штормовке». Смайли же, не знавший об этом замечании, вошел своей неуклюжей походкой в церковь, чтобы желанный поцелуй превратил его в прекрасного принца.

Богат он был или беден? Священник или крестьянин? Где леди Энн его откопала? Разительный контраст между красотой леди Энн и обликом ее супруга делал этот нелепый союз еще более загадочным. Но злые языки имеют обыкновение видеть своих подопытных кроликов либо в белом, либо в черном цвете, приписывая им те недостатки или побуждения, которые обычно подсказывает телеграфный стиль разговора. Никто не знал ни его родителей,

ни профессии, ни полка, где он служил, и Смайли влачил свое существование на задворках жизни, а после развода вообще стал напоминать обманутого простака. Ведь никому не придет в голову искать свежие новости на старой запылившейся этажерке.

Когда леди Энн последовала за своим чемпионом на Кубу, у нее мелькнула непроизвольная мысль о Смайли. Не без некоторого восхищения ей пришлось признать, что если она и знала в жизни хоть одного настоящего мужчину, то это был Смайли. И она была довольна тем, что доказала это, связав себя с ним священными узами брака.

Высшее общество, которое мало интересовалось продолжением сенсационных событий, осталось равнодушным к тому, как отразился отъезд леди Энн на ее муже. Хотя было интересно узнать, что именно Соули и его окружение думали о реакции Смайли, этого человека с мясистым, напряженным от постоянных интеллектуальных усилий лицом, носившего очки, с пухлыми, всегда потными руками, жадно читавшего «второсортных» немецких поэтов. Соули по этому случаю заметил, слегка пожимая плечами, что «расставание – это маленькая смерть», но он, похоже, не отдавал себе отчета в том, что если леди Энн просто уехала, то в душе Смайли что-то действительно умерло.

Но в нем осталась жить его работа, работа офицера разведки, и она так же плохо вязалась с его внешностью, как семейная жизнь или увлечение непризнанными немецкими поэтами. Ему нравилась его работа, и ему было легче от сознания того, что его коллеги были такими же невыразительными, как и он сам.

Его профессия давала ему также то, что некогда интересовало его в высшей степени, – возможность проникнуть в потемки человеческих поступков и делать теоретические экскурсы, исходя из практического применения собственных умозаключений.

В двадцатые годы, закончив свою заурядную школу и войдя своей тяжелой поступью в сумрачные стены такого же заурядного оксфордского колледжа, он мечтал добиться стипендии, чтобы посвятить себя изучению малоизвестных немецких поэтов семнадцатого века. Но наставник, хорошо знавший Смайли, с присущей ему мудростью оградил его от славы, которая, вне всякого сомнения, его ожидала. Одним прекрасным июльским утром 1928 года Смайли, краснея и теряясь, предстал перед Высшим советом центра научных исследований в заморских странах – организации, о которой он почему-то никогда не слыхал. Джебеде, его наставник, говорил об этой встрече в удивительно туманных выражениях. «Почему бы тебе не попробовать, Смайли? Эти люди, может быть, тебя примут, и к тому же они достаточно мало платят, так что можешь быть уверен, что твои сотрудники окажутся приятными людьми». Но Смайли колебался и не скрывал этого. Его беспокоило, что всегда точный Джебеде в этот раз был таким уклончивым. Без особого желания он согласился встретиться с «таинственными людьми» Джебеде, перед тем как дать ответ колледжу Олл Соулз.

Его не представили членам совета, но половину их он знал в лицо. Там был Филдинг из Кембриджа, признанный авторитет в истории средних веков Франции, Спарк из школы восточных языков и Стид-Эспри, ужинавший за преподавательским столом в тот вечер, когда Джебеде пригласил Смайли. Он должен был признать, что был поражен. Тот факт, что Филдинг покинул свой дом, не говоря уже о Кембридже, был сам по себе чудом.

Впоследствии Смайли всегда вспоминал об этой встрече, как о своеобразной тайне за семью печатями: это была продуманная цепь откровений, каждое из которых освещало новую часть загадочного целого. Наконец Стид-Эспри, который, по-видимому, был председателем совета, раскрыл все карты, и истина предстала во всей своей ослепительной наготе. Ему предлагали место в учреждении, которое Стид-Эспри, не найдя лучшего слова, назвал, краснея, секретной службой.

Смайли попросил время на размышление. Ему дали неделю. О жалованьи речи не было.

Этим вечером он остался в Лондоне, остановился в неплохом отеле и отправился в театр. В его голове не было никаких мыслей, и это его беспокоило. Он прекрасно знал, что примет

предложение и что сразу мог дать положительный ответ. Единственным, что помешало это сделать, была инстинктивная осторожность и еще, может быть, вполне понятное желание набить себе цену перед Филдингом.

Как только он дал согласие, началась подготовка: тайные загородные дома, засекреченные инструкторы, постоянные переезды и все приближающаяся заманчивая перспектива работать совершенно самостоятельно.

Его первое задание было относительно приятным: два года работы в провинциальном немецком университете в качестве «энглишер доцент», лекции о Китсе[1] и каникулы в охотничьих клубах в компании серьезных и торжественно-смущенных немецких студентов. Он мысленно выделял для себя тех, кто мог бы быть полезным, и перед каждым выпуском, отъезжающим в Англию, тайно отправлял свои рекомендации анонимному адресату в Бонн. За эти два года он так и не узнал, были они учтены или нет. Он не мог узнать, связались ли с его кандидатами, у него даже не было сведений о том, доходили ли вообще его послания до места назначения; приезжая в Англию, он не имел никаких контактов со своим ведомством.

Выполняя это задание, он испытывал противоречивые чувства. Для него представляло интерес беспристрастно выявлять в человеке черты «потенциального агента», с помощью неуловимых тестов изучать характеры и поведение кандидатов, чтобы получить представление об их качествах. Это занятие полностью обесчеловечивало его; здесь он выступал в роли хладнокровного наемника, занимающегося этим ради собственного удовольствия.

Однако он с грустью замечал, что естественные радости понемногу отмирают в нем. Он всегда был довольно сдержанным, а теперь особенно опасался поддаться искушению дружбы и товарищеской привязанности; он тщательно скрывал в себе малейшие проявления человеческих слабостей. Благодаря своему интеллекту он смог заставить себя наблюдать за людьми с беспристрастностью врача и, не будучи бессмертным и непогрешимым, ненавидел двусмысленность существования и опасался ее.

Но Смайли был сентиментален, и продолжительное изгнание удваивало его глубокую любовь к Англии. Он предавался ностальгическим воспоминаниям об Оксфорде, его красоте, его рациональной небрежности, расчетливой медлительности и завершенности его суждений. Он мечтал об осеннем отпуске в Хартленд Кэй, открытом всем ветрам, о продолжительных прогулках меж крутых скал Корнуолла и о том, как он подставлял бы свое усталое лицо свежему бризу. Такой была иная, скрытая жизнь Смайли, и он возненавидел похабное вторжение новой Германии в мир, громкие шествия студентов в военной форме с искаженными наглыми лицами, их мировоззрение, подобное мировоззрению уличных торговок. Его также раздражало то, как на факультете изуродовали его любимую немецкую литературу. А потом была ночь, ужасная зимняя ночь 1937 года, когда Смайли, стоя у окна, видел большой огонь во дворе университета; сотни ликующих студентов окружили костер, и танцующие блики пламени отражались на их потных лицах. Они бросали в этот языческий костер сотни книг. Смайли знал, что это были за книги: Томас Манн, Гейне, Лессинг… И Смайли, прикрывая рукой огонек сигареты, наблюдал за происходящим. Его сердце наполнялось ненавистью, но разум его торжествовал – он знал своего врага.

В 1939 году он находился в Швеции в качестве торгового представителя известной торговой фирмы, производившей оружие малого калибра; для большей безопасности его контракт с фирмой был подписан задним числом. Кроме того, он открыл в себе талант перевоплощения и пошел в этом намного дальше простого изменения прически и наклеивания фальшивых усиков, что значительно облегчило ему жизнь. Смайли играл эту роль в течение четырех лет, курсируя взад-вперед между Швейцарией, Германией и Швецией. Он никогда бы не поверил, что человек может так долго жить в тревоге. Следствием этого явилось то, что левый глаз начал подергиваться, и этот нервный тик преследовал его пятнадцать лет. Постоянное беспокойство оставило глубокие отметины на его лице. Он понял, что значит ежедневно недосыпать, никогда не расслабляться, и днем и ночью слышать ускоренное биение

своего сердца, познать одиночество и острую жалость к себе, сильное безрассудное желание обладать женщиной, выпить, заняться тяжелой физической работой, принять наркотик только для того, чтобы снять сильнейшее нервное напряжение.

Такими были условия, в которых он постигал ремесло коммерсанта и выполнял работу шпиона.

Со временем агентурная сеть росла, другие страны постарались восполнить недостаток своей прозорливости. В 1943 году его отозвали. Через полтора месяца он стал просить, чтобы ему разрешили поехать снова, но ответа не последовало. «Для вас это уже кончено, – сказал Стид-Эспри. – Вербуйте новых агентов, берите отпуск, женитесь, занимайтесь чем угодно. Проводите время в свое удовольствие».

Смайли сделал предложение секретарше Стид-Эспри, леди Энн Серкомб.

Война закончилась. Смайли получил деньги и повез свою очаровательную супругу в Оксфорд, где он собирался с головой окунуться в потемки немецкой литературы семнадцатого века. Но через два года леди Энн уехала на Кубу. В это время вследствие признаний, сделанных молодым русским шифровальщиком в Оттаве, вновь возникла необходимость в человеке с компетентностью Смайли.

Работа была новой; вначале даже понравилась Смайли и к тому же не представляла никакой опасности. Но у него появились коллеги помоложе; кто знает, может быть, у них были более светлые головы. И Смайли понемногу понял, что он достиг зрелости, хотя никогда не был молодым, и что его корабль подходит к причалу, впрочем, очень удачно.

Времена менялись. Стид-Эспри отправился в Индию на поиски затерянных цивилизаций. Джебеде погиб. В 1941 году вместе со своим молодым бельгийским радистом он сел в поезд, идущий в Лилль, и больше никто о нем ничего не слышал. Филдинг посвятил себя написанию новой диссертации, на этот раз о Роланде. В отделе остался только Мастон, принятый на работу во время войны, теперь советник кабинета министров по работе секретной службы. Создание Североатлантического альянса качественно изменило облик организации, в которой работал Смайли. Навсегда канула в Лету эпоха, когда Стид-Эспри лично давал вам наставления у себя дома в Магдален, потягивая вместе с вами портвейн. Державшееся на голом энтузиазме дилетантство небольшой группы высококвалифицированных и малооплачиваемых работников сменили косность, бюрократия, интриганство большого правительственного ведомства. Теперь здесь заправлял Мастон, носивший шикарные костюмы, титул кавалера, представительные седеющие волосы и серебристые галстуки, Мастон, никогда не забывающий поздравить с днем рождения свою секретаршу и манеры которого восхищали обывательниц, Мастон, расширявший свои владения и не отказывавший себе во все более просторных кабинетах, делая, правда, вид, что это его смущает, Мастон, устраивавший пышные приемы в Хенли и использовавший успехи подчиненных. Его признавали во время войны, этого профессионального функционера, вышедшего из-под обломков старого ведомства, прекрасно умеющего вести бумажные дела и приспосабливать работу своего штаба к бюрократическому механизму. Высокопоставленным особам спокойнее было иметь дело с человеком, умеющим представлять любую вещь в выгодном свете, твердо знающим своих хозяев и вхожим в их крут. И он отлично справлялся. Всем нравились его скромный вид, когда он извинялся за общество, в котором ему приходилось вращаться, недостаточная искренность, с которой он оправдывал причуды своих подчиненных, его гибкость, когда он предлагал новые финансовые вклады. И он не отказывался от преимуществ, которые ему предоставляла роль невольного рыцаря плаща и шпаги. Для хозяев он носил плащ, а свою шпагу, или, скорее, кинжал, приберег для подчиненных.

Официально его положение было довольно любопытным: он был не директором службы, а министерским советником по вопросам службы безопасности, и Стид-Эспри назвал его раз и навсегда «главным евнухом».

Смайли отныне находился в новом измерении: просторные освещенные коридоры, элегантные молодые люди. Он чувствовал себя всадником, выбитым из седла, ему казалось, что он отстал от жизни, и он с ностальгией вспоминал старый дом в Найтсбридже, где все начиналось. Все это отражалось на его внешнем виде; он сгорбился и стал еще больше похож на лягушку. Он постоянно щурил глаза, из-за чего его прозвали «кротом». Но молодая секретарша его обожала и называла не иначе как своим «плюшевым мишкой».

Теперь Смайли был слишком стар, чтобы работать за границей, к тому же Мастон недвусмысленно дал ему это понять. «Как бы там ни было, дорогой мой друг, все эти скитания во время войны не пошли вам на пользу. Оставайтесь лучше здесь, старина, и поддерживайте наш домашний очаг».

Вот почему Джордж Смайли в два часа ночи в среду четвертого января ехал в такси по направлению к Кембриджской площади.

Глава вторая
У нас всегда открыто

В такси он чувствовал себя безопасно и уютно. Его тело еще хранило тепло постели, и это тепло ограждало от ненастья январской ночи. Но безопасность была нереальной, так как по улицам Лондона проносился лишь призрак Смайли, обозревающий несчастных полуночников под зонтами, проституток, упакованных в целлофан и похожих на дешевые подарки. Только призрак, повторил он про себя, призрак, вырванный из глубины сна пронзительным телефонным звонком. Оксфорд-стрит… Почему из всех столиц только Лондон теряет ночью свое лицо? Смайли, плотнее закутавшись в пальто, тщетно пытался вспомнить какой-нибудь другой город, от Лос-Анджелеса до Берна, который бы так же легко проигрывал повседневную борьбу с безликостью.

Такси повернуло на Кембриджскую площадь. Смайли вздрогнул. Он вспомнил причину, из-за которой его вызвал дежурный офицер, и это воспоминание грубо оборвало его мечтательную задумчивость. Он сразу вспомнил весь разговор, слово в слово.

«Алло, Смайли? Говорит дежурный офицер. Соединяю вас с советником.»

– Смайли? Это Мастон. В понедельник вы говорили с Сэмюэлом Артуром Феннаном в министерстве иностранных дел, не так ли?

– Да, это так.

– О чем?

– В анонимном письме его обвинили в принадлежности к коммунистической партии в период учебы в Оксфорде. Разговор был простой формальностью и был санкционирован директором службы безопасности.

«Феннан не мог донести, – подумал Смайли. – Он знал, что я буду его выгораживать. Все было по правилам».

– Вы с ним резко обошлись? Между вами что-то произошло, Смайли?

«Черт возьми, он, кажется, вне себя. Феннан, наверное, настроил весь кабинет против нас».

– Нет, это был очень сердечный разговор. По-моему, мы даже прониклись друг к другу симпатией. По правде говоря, я пошел несколько дальше, чем предполагалось в инструкциях.

– Что значит «дальше», что вы имеете в виду?

– Ну, я ему как бы сказал, чтобы он не беспокоился.

– Что?!

– Я сказал, чтобы он не переживал; он был сильно взволнован, и я постарался его успокоить.

– Что именно вы ему сказали?

– Что ни я, ни сама служба не наделены полномочиями, но что я не вижу никаких причин для того, чтобы продолжали ему досаждать.

– И это все?

На мгновение Смайли задумался. Никогда еще Мастон не был таким нервным и беспомощным.

– Да, все, абсолютно все.

«Он мне этого никогда не простит, после всех его кремовых рубашек и серебристых галстуков, изысканных обедов с министрами и его вышколенного хладнокровия».

– Он заявил, что вы усомнились в его лояльности, что теперь на его карьере в министерстве поставлен крест и что он стал жертвой платного информатора.

– Он это сказал? Да он не в своем уме! Он ведь знает, что он вне всяких подозрений. Что же ему еще нужно?

– Ничего: он мертв. Он покончил с собой сегодня в половине одиннадцатого вечера, оставив министру письмо. Полиция связалась с одним из его секретарей и получила разрешение вскрыть письмо, затем сообщила обо всем нам. Будет начато дело. Смайли, вы абсолютно уверены в…

– Уверен в чем?

– Ладно. Приезжайте как можно скорее.

Он долго не мог найти такси, безрезультатно обзвонив три парка. Наконец ему ответили из Слоун Сквер. Он ждал, стоя у окна, укутавшись в пальто, пока не увидел остановившийся у двери автомобиль. Это тревожное ночное ожидание напомнило ему ночные налеты в Германии.

На Кембриджской площади отчасти по привычке, отчасти из необходимости привести в порядок мысли перед разговором с Мастоном он остановил такси за сотню метров от управления.

Показав охраннику пропуск, он медленно направился к лифту. Наверху его встретил со вздохом облегчения дежурный офицер, и Смайли последовал за ним по кремовому коридору, освещенному люминесцентными лампами.

– Мастон поехал к Спарроу в Скотланд-Ярд. Они никак не могут решить, какой из отделов полиции будет вести расследование. Спарроу предлагает спецотдел, Эвелин – уголовную полицию, а полиция Саррэя вообще ничего не понимает. Это все так же запутанно, как дела о наследстве. Хотите, выпьем кофе у меня в каморке? Суррогат, правда, но пить можно.

Смайли был рад, что в эту ночь дежурил Питер Гиллэм, специалист по шпионажу в странах-сателлитах. Это был внимательный и учтивый человек, добродушного склада и всегда готовый чем-нибудь помочь.

– В пять минут первого позвонили из спецслужбы. Жена Феннана была в театре. Вернувшись без четверти одиннадцать домой, она нашла мужа мертвым и вызвала полицию.

– Он жил где-то в Саррэе?

– Да, в Уоллистоне. Как раз вне границы участка, охраняемого муниципальной полицией. Прибыв на место, полиция обнаружила возле трупа письмо, адресованное в министерство иностранных дел. Они позвонили старшему инспектору, который сообщил в министерство внутренних дел, дежурному офицеру, а тот, в свою очередь, позвонил в МИД. В конце концов они получили разрешение вскрыть письмо. Вот тут началось.

– Дальше.

– Нам позвонил директор по кадрам министерства иностранных дел. Он потребовал домашний телефон советника. Он заявил, что служба безопасности в последний раз

вмешивается в дела его работников и что Феннан был лояльным и компетентным служащим, и так далее, и тому подобное.

– Верно.

– И что вся эта история доказывает, что служба безопасности превысила свои права, использовала методы гестапо, и что это не оправдывалось никакой реальной опасностью. Я дал ему номер телефона советника, а сам в это время связался с ним, так что, пока директор продолжал орать, я ухитрился ввести Мастона в курс дела по параллельному телефону. Было двадцать минут первого. Мастон приехал в час. Он находился на грани нервного припадка. Сегодня утром он должен представить рапорт министру.

Они помолчали, пока Гиллэм готовил кофе.

– А что это был за человек?

– Кто, Феннан? До сегодняшнего дня я не мог бы сказать, но этот его поступок необъясним. Если судить по внешности, он, наверное, был евреем. Из ортодоксальной семьи. Но в Оксфорде он отошел от этого и стал марксистом. Чувствительный, умный, здравомыслящий. Учтивый, умеющий слушать. Эрудит. Тот, кто донес на него, был прав: когда-то Феннан был коммунистом.

– Сколько ему было лет?

– Сорок четыре. Но он выглядел старше. – Смайли продолжал говорить, рассматривая комнату. – Ухоженное лицо, жесткие темные волосы, ученическая прическа, профиль двадцатилетнего юноши, бледная сухая кожа, покрытая густой сеткой морщин. Очень тонкие пальцы. Человек, который, казалось, привык полагаться только на себя. Но об этом я мало знаю. Очень хорошо владел собой. Развлекался один и страдал он, думаю, тоже в одиночестве.

Увидев входящего Мастона, они встали.

– А, Смайли! Входите.

Он открыл дверь и жестом предложил Смайли войти первым. В кабинете Мастона не было ничего казенного. Несколько акварелей, коллекцию которых он купил когда-то, висело на стене. Все же остальное, безусловно, было не к месту, подумал Смайли. Да и сам Мастон здесь не к месту. Костюм был слишком светлым, чтобы выглядеть респектабельно. Шнурок монокля бросался в глаза на его неизменной кремовой рубашке. На нем был светло-серый шерстяной галстук. Немец назвал бы его «флотт», подумал Смайли. Именно таким представляют себе официантки «настоящего джентльмена».

– Я виделся со Спарроу. Это, без сомнения, самоубийство. Тело уже увезли, и, если не принимать во внимание обычных формальностей, старший комиссар не проявил никакой инициативы. Через день-другой будет начато дело. Было решено, – да и я не особо возражал, Смайли, – что мы не дадим газетчикам никакой информации по делу Феннана.

– Я понимаю.

«Вы опасны, Мастон. Вы слабы и боитесь. Я прекрасно знаю, что вы принесете в жертву любого для того, чтобы спасти собственную шкуру. И на меня вы смотрите так, как будто примеряете мне веревку».

– Смайли, только не подумайте, что я вас осуждаю. Как бы то ни было, если этот разговор был санкционирован шефом, у вас нет никаких причин для беспокойства.

– За исключением того, что касается Феннана.

– Конечно. К несчастью, шеф не зафиксировал время, когда дал согласие на эту частную беседу, но он, конечно же, дал устное разрешение?

– Да, я уверен, он это подтвердит.

Мастон снова оценивающе посмотрел на Смайли, и у того перехватило дыхание. Смайли отдавал себе отчет в своей принципиальности и знал, что Мастон хотел бы его видеть более уступчивым и податливым.

– Знаете ли вы, что ведомство Феннана вышло на меня?

– Да.

– Обязательно будет открыто дело, и, может быть, даже не удастся утаить это от прессы. Завтра с утра меня наверняка вызовет министр иностранных дел. (Хотите меня запугать… Я немолод… мне пора подумать об отставке. Мне уже не найти другой работы. Но я не буду содействовать вашей лжи.)

– Необходимо, чтобы я находился в курсе всех событий, это мой долг. Если вы хотите что-то доложить по поводу того разговора, быть может, вы не указали в рапорте какие-то подробности, скажите сейчас и предоставьте мне право самому судить о важности этого.

– Мне действительно нечего добавить ни к тому, что имеется в деле, ни к тому, что я только что рассказал. Возможно, вам пригодится тот факт, что разговор был крайне доброжелательным. Обвинения против Феннана не стоили выеденного яйца. Вступление в 1930 году в студенческий коммунистический кружок, неясные намеки на то, что он продолжает симпатизировать коммунистам. В тридцатые годы половина членов кабинета числилась в списках партии. (Мастон нахмурил брови.) Когда я зашел в кабинет в МИДе, там было что-то вроде проходного двора, и я предложил пойти в парк.

– Дальше.

– И мы пошли туда. День был прохладный, но солнечный и довольно приятный. Мы смотрели на уток. (Мастон сделал нетерпеливый жест.) В парке мы находились полчаса. Говорил все время Феннан, – человек умный, красноречивый и интересный, но издерганный. Впрочем, в этом нет ничего удивительного: люди такого сорта любят говорить о себе. Я полагаю, что он почувствовал облегчение, открывшись мне. Он выложил мне всю свою историю, и, казалось, он был рад возможности назвать имена. Он знал эспрессо возле Милл-банка, и мы пошли туда.

– Куда?

– В эспрессо. Бар. Там готовят особый кофе по шиллингу за чашку. Мы выпили кофе…

– Понятно. И вот во время этой… пирушки вы поставили его в известность, что Служба не готовит никаких санкций против него.

– Да, так часто бывает, но мы об этом в отчетах не упоминаем.

Мастон наклонил голову. Вот это он может понять, подумал Смайли. Черт возьми, он действительно достоин презрения.

Смайли испытывал истинное удовлетворение, видя, что Мастон в самом деле такой неприятный тип, каким он его себе представлял.

– Из этого я делаю вывод, что его самоубийство и письмо, конечно же, вам кажутся совершенно непонятными. Что вы не находите им никаких объяснений.

– Обратное было бы удивительно.

– Вы, конечно, не предполагаете, кто бы мог его оклеветать?

– Нет.

– Он был женат, вы знали это?

– Да.

– Я вот думаю… может быть, его жена могла бы внести ясность. Я не хочу к этому подталкивать, но, может быть, кто-нибудь из Службы мог бы к ней пойти и тактично расспросить об этой истории.

– Сейчас? – бесстрастно спросил Смайли.

Мастон, стоя возле своего большого плоского стола, поигрывал обычными побрякушками делового человека – ножом для бумаги, сигарной коробкой, зажигалкой – полный набор официального гостеприимства. Он выставляет напоказ свои кремовые манжеты, подумал Смайли, и любуется белизной своих рук.

Мастон поднял глаза, изобразив гримасу сочувствия.

– Смайли, я знаю, что вы переживаете, но, не смотря на эту трагедию, необходимо, чтобы вы прочувствовали ситуацию. Министры иностранных и внутренних дел будут требовать полный и подробный отчет об этом деле, и моя задача заключается в том, чтобы в точности им его представить. В частности, все сведения, касающиеся его душевного состояния сразу же после разговора с… нами. Быть может, он об этом говорил с женой. Он не должен был с ней говорить, но мы должны быть реалистами.

– Вы хотите, чтобы к ней поехал я?

– Туда должен кто-то поехать. Это в интересах дела. Конечно, принимать решение будет министерство внутренних дел, но в настоящий момент мы не располагаем фактами. Время не терпит, вы знаете, как обстоят дела, ведь вы же занимались предварительным расследованием, и никто быстрее вас не успеет войти в курс дела. Если кто-то и должен туда отправиться, то скорее всего вы, Смайли.

– Когда я должен поехать?

– Говорят, мисс Феннан довольно оригинальная женщина. Иностранка. Я полагаю, тоже еврейка. Во время войны она многое испытала, и это, несомненно, усложняет задачу. Это особа с характером, создается впечатление, что смерть мужа оставила ее относительно равнодушной. Но, несомненно, это всего лишь видимость. Спарроу говорит, что она расположена нам помочь и, скорее всего, примет вас. Полиция Саррэя предупредит ее, и вы, думаю, сможете зайти к ней завтра с утра. Я позвоню вам в течение дня.

Смайли собрался уходить.

– Да, Смайли… (Мастон тронул его за плечо, и он обернулся. На лице Мастона была улыбка, которую он обычно приберегал для женщин определенного возраста, работавших в его ведомстве). – Знаете, Смайли, вы можете рассчитывать на мою помощь.

Черт возьми, подумал Смайли, вы действительно работаете двадцать четыре часа в сутки. Кабаре с вывеской: «У нас всегда открыто».

И он вышел.

Глава третья
Эльза Феннан

Мэрридэйл Лэйн – один из тех уголков Саррэя, в которых обитатели ведут постоянную борьбу с неизменными атрибутами пригорода. Деревья, которые жители выращивают в каждом палисаднике с помощью постоянного ухода и удобрений, лишь наполовину скрывают невзрачные, разбросанные за ними «живописные гнездышки». Незатейливость пейзажа еще больше подчеркивают деревянные совы, бодрствующие днем и ночью на крышах домов, и осевшие гномы, без устали сохраняющие равновесие над лужами с золотыми рыбками.

Жители Мэрридэйл Лэйн не спешат перекрашивать своих гномов, пренебрегая этим деревенским ритуалом, и воздерживаются по той же причине от наведения лоска на своих совах, предпочитая, чтобы годы оставили на них свой отпечаток и чтобы балки гаража сами показали следы того, что их по достоинству оценили черви и дряхлость.

Главная улица поселка, вопреки утверждению агентов по продаже недвижимости, не заканчивается тупиком. Минуя перекресток Кингстон, она нервно превращается в мощенную гравием зигзагообразную аллею, которая, в свою очередь, в районе Меррис Филд вырождается в грязную жалкую тропинку, чтобы в конце концов влиться чуть дальше в другую улицу, как две капли воды похожую на Мэрридэйл Лэйн.

На центральной площади возвышается что-то напоминающее хижину людоеда под соломенной крышей; это было построено в 1951 году в память о жертвах двух войн и теперь служит пристанищем старикам и путникам. Казалось, никто не задавался вопросом о том, что старики и путники делают в Меррис Филд. Вместе с ними под крышей памятника ютились пауки. В последнее время хижина была признана пригодной в качестве домика для рабочих, возводящих линии электропередач.

Этим утром Смайли прибыл туда пешком, оставив машину возле полицейского участка, который был расположен в десяти минутах ходьбы.

Шел холодный проливной дождь. Его капли безжалостно хлестали Смайли по лицу.

Полиция Саррея потеряла всякий интерес к делу, хотя Спарроу и отправил по своей собственной инициативе представителя спецслужбы, который должен был оставаться в комиссариате и при необходимости осуществлять связь между службой безопасности и полицией. То, каким образом погиб Феннан, не оставляло никаких сомнений. Пуля, выпущенная в упор, попала в висок; оружием послужил маленький французский пистолет образца 1957 года, изготовленный в Лилле. Его обнаружили возле тела. Все подходило под версию о самоубийстве.

Номер 15 по Мэрридэйл Лэйн оказался приземистым домом в стиле Тюдор со спальнями наверху и деревянным гаражом. Он выглядел запущенным, почти развалившимся. Смайли отметил про себя, что он производит впечатление дома, где живут артисты. Эта декорация была не в духе Феннана. Он скорее наводил на мысль о шикарных виллах и молодых иностранках.

Смайли отодвинул щеколду в калитке сада и медленно поднялся по дорожке, ведущей к двери, пытаясь разглядеть какие-нибудь признаки жизни через окна в свинцовой оправе. Было холодно. Смайли нажал на кнопку звонка.

Ему открыла Эльза Феннан.

– Мне звонили, чтобы узнать, смогу ли я вас принять. Я не знала, что ответить. Заходите, прошу вас.

Легкий немецкий акцент.

Она выглядела старше Феннана. Хрупкая женщина пугливого вида, пятидесяти лет, с коротко стриженными волосами никотинового цвета. Несмотря на внешнюю хрупкость, она производила впечатление женщины смелой и стойкой, и ее темные блестящие глаза на маленьком неправильном лице обладали какой-то поразительной силой. Лицо ее было сморщенное, изборожденное давними морщинами, как у постаревшего ребенка, всегда голодного и изнуренного. Типичное лицо беглеца или заключенного, отметил Смайли.

Она протянула ему очень чистую розовую костлявую руку. Он представился.

– Вы и есть тот человек, который расспрашивал моего мужа о его… лояльности?

Она провела Смайли в низкую темную гостиную. Вдруг Смайли стало неудобно; ему показалось, что он играет гнусную роль. Лояльность по отношению к кому, к чему? Она не была настроена враждебно. Смайли был угнетателем, а она безропотно покорялась гнету.

– Я очень симпатизировал вашему мужу. Его бы оправдали.

– Оправдали? В чем его вина?

– По предварительным данным, необходимо было провести расследование. Анонимное письмо. (Он умолк и посмотрел на нее с искренним сочувствием.) Вы понесли ужасную потерю, миссис Феннан… Вы, наверное, совсем измучились. И, должно быть, совсем не спали.

Казалось, слова Смайли ее совсем не тронули.

– Благодарю вас, однако я не думаю, что смогу заснуть сегодня. Сон – привилегия, в которой мне отказано. (С бесстрастным видом она опустила глаза.) Я и мое тело должны выносить друг друга двадцать часов в сутки. Мы уже прожили дольше большинства людей.

Конечно, я понесла тяжкую потерю. Но знаете, мистер Смайли, долгие годы единственным моим имуществом была лишь зубная щетка, поэтому я не привыкла чем-нибудь владеть, даже после восьми лет супружеской жизни. Более того, я научилась страдать не жалуясь.

Кивком головы она показала ему на стул и, подобрав юбку, села напротив. В этой комнате было прохладно. Смайли думал, стоит ли ему заговорить первым; не осмеливаясь на нее взглянуть, он отвлеченно смотрел в одну точку, отчаянно пытаясь угадать, что скрывает изнуренное лицо Эльзы Феннан. Ему показалось, что ее молчание длилось вечность.

– Вы сказали, что он вам понравился. По-видимому, вы не произвели на него такое же впечатление.

– Я не видел письма вашего мужа, но меня ознакомили с его содержанием. – Серьезное одутловатое лицо Смайли снова повернулось к ней. – Все это не поддается осмыслению. Практически я сказал, что он… что мы будем рекомендовать закрыть дело.

Она не двигалась, ожидая продолжения. Что он мог ей сказать?

– Я удручен смертью вашего мужа, миссис Феннан. Но я только выполнял свой долг. (Господи, долг перед кем?) Он был членом компартии в Оксфорде двадцать четыре года назад; его новое назначение давало доступ к совершенно секретной информации. Какой-то пустозвон прислал анонимное письмо, и мы должны были принять его во внимание. Расследование повергло вашего мужа в депрессивное состояние, что и послужило причиной самоубийства.

Смайли помолчал.

– Это была игра, – вдруг сказала она. – Бессмысленная борьба идей; это не имеет ничего общего ни с ним, ни с любым живым существом. Что вам от нас нужно? Возвращайтесь в Уайтхолл и ищите других шпионов на своей чертежной доске. (Она выдержала паузу. И лишь блеск ее темных глаз выдавал волнение.) Государство существует для войны, не так ли? Они держат в тюрьмах людей. Питать мечты теориями – как это чисто! Мы с мужем были оба «очищенными», правда?

Она пристально посмотрела на Смайли. Сейчас ее акцент был заметен еще больше.

– Имя вам – Государство, Смайли; ваше место не среди людей из плоти и крови. Это вы сбросили бомбу с небес. Так не спускайтесь же на землю, чтобы слышать крики и видеть кровь.

Она даже не повысила голос; ее взгляд блуждал где-то в пространстве за спиной Смайли.

– Вы поражены. Я, наверное, должна заплакать, но у меня нет больше слез, мистер Смайли. У меня нет детей, дети моего горя умерли. Спасибо, что пришли, мистер Смайли. Теперь вы можете уходить: вам здесь больше нечего делать.

Сцепив руки на коленях, Смайли, сгорбившись, сидел на стуле. Он казался задумчивым и походил на лавочника, читающего ежедневную молитву. Его мертвенно-бледное лицо блестело от капелек пота, которые выступили на висках и над верхней губой. Лишь из-под массивной оправы очков проглядывали лиловые мешки под глазами.

– Выслушайте же, миссис Феннан. Тот разговор с глазу на глаз был почти формальностью. Я полагаю, что ваш муж был удовлетворен беседой и даже рад, что во всю эту историю наконец внесли ясность.

– Как вы можете заявлять такое, как вы можете, в то время как…

– Но я вам еще раз повторяю, что это правда. Разговор состоялся даже не в кабинете. Когда я зашел к нему, я заметил, что его рабочий кабинет был чем-то вроде проходного двора, вот почему мы вышли в парк и в конце концов очутились в кафе. Поймите, это был совсем не допрос. Я даже сказал ему, что у него нет причин для беспокойства, – да, я именно так ему и сказал. Я вообще не могу понять это письмо; в этом нет никакого…

– Мистер Смайли, я думаю вовсе не о письме, а о том, что он мне сказал.

– Что же?

– Этот разговор вывел его из душевного равновесия. Возвратившись в понедельник вечером, он был в отчаянии и немного не в себе. Он устало опустился в кресло, и я решила уложить его спать. Он заснул только после того, как я дала ему снотворное, но проспал лишь несколько часов. На следующее утро он все еще говорил об этой истории. Она его преследовала до самой смерти.

На втором этаже зазвонил телефон. Смайли встал.

– Простите… Это, наверное, из управления. Вы позволите?

– Телефон в кабинете, прямо над нами.

В полной растерянности Смайли медленно поднялся по лестнице. Черт возьми! Что он скажет Мастону?

Он поднял трубку, машинально взглянул на номер на аппарате. «Уоллистон, 2944».

– Это центральная. Добрый день. Ваш вызов на восемь тридцать.

– О… О да, большое спасибо.

Он положил трубку с чувством облегчения от небольшой отсрочки. Он быстро осмотрелся. Это был кабинет Феннана, строгий, но удобный. Возле газового отопителя стояли два кресла.

Смайли вспомнил, что после войны Эльза Феннан в течение трех лет вынуждена была находиться в постели.

Без сомнения, следуя этой привычке, супруги проводили вечера в спальне. По обе стороны камина стены были уставлены книгами. В дальнем углу стоял стол с пишущей машинкой. В этой обстановке было что-то интимное и трогательное, и, может быть, в первый раз Смайли по-настоящему почувствовал трагедию смерти Феннана. Он вернулся в гостиную.

– Это вас. Ваш вызов на восемь тридцать из центральной.

Поскольку она молчала, он бросил на нее быстрый взгляд, лишенный любопытства. Но она отвернулась и смотрела в окно; ее костлявая спина была неподвижной и абсолютно прямой, жесткие короткие волосы в утреннем свете казались темными.

Смайли пристальней всмотрелся в нее. Вдруг ему пришла в голову мысль, которая должна была прийти еще наверху, там, в комнате. Мысль столь невероятная, что он даже не сразу смог ее осознать. Машинально он продолжал говорить; ему необходимо было уйти отсюда, уйти от телефона и от раздражающих вопросов Мастона, уйти от Эльзы Феннан, из ее сумрачного, неуютного дома. Уйти и подумать.

– Я достаточно долго злоупотреблял вашим терпением, миссис Феннан. Я воспользуюсь вашим советом и вернусь в Уайтхолл.

Снова пожатие холодной хрупкой руки, обычный обмен любезностями. В прихожей он надел пальто и вышел, погрузившись в утренний свет. Зимнее солнце, показавшись на мгновение после дождя, окрасило дома и деревья в свежие мягкие тона.

Смайли спустился на вымощенную гравием дорожку, опасаясь, как бы Эльза Феннан его не окликнула.

Полный беспокойных мыслей, он вернулся в участок.

В это утро миссис Феннан не ждала вызова из центральной в восемь тридцать.

Глава четвертая

Кафе «У фонтана»

Старший комиссар уголовной полиции Уоллистона был человеком полным, жизнерадостным, привыкшим судить о профессиональной компетентности по количеству лет службы и не видящим ничего предосудительного в этом способе оценивать людей.

Инспектор Мендель, напротив, был человеком худым, с лисьим лицом; он говорил очень быстро, едва открывая рот. Мысленно Смайли сравнивал его с лесником, знающим свою территорию и не любящим посторонних.

– Я получил предписание от вашего ведомства. Вас просят немедленно позвонить советнику. – Своей громадной рукой комиссар указал на телефон и вышел из кабинета.

Мендель остался. Мгновение Смайли смотрел на него пристальным взглядом ночной птицы.

– Закройте дверь.

Мендель подошел к двери и тихо закрыл.

– Я хочу кое-что узнать на центральной телефонной станции Уоллистона. К кому мне обратиться?

– К помощнику дежурного по станции. Дежурный все время витает в облаках, и всю работу делает его помощник.

– Кто-то по Мэрридэйл Лэйн, пятнадцать, заказывал вызов на восемь тридцать утра. Я хотел бы узнать, когда и кем был сделан заказ. Еше я хотел бы узнать, идет ли речь об одном заказе или это повторяется каждое утро. Тогда мне необходимы все детали.

– У вас есть номер?

– Уоллистон, 2944. Абонентом, скорее всего, является Сэмюэл Феннан.

Мендель подошел к телефону и набрал на диске ноль. Ожидая ответа, он спросил у Смайли:

– Конечно, никто не должен знать о вашем запросе, не так ли?

– Да. Даже вы. Хотя он все равно ничего не даст. Если мы начнем говорить об убийстве, кол…

Наконец Мендель связался с центральной и попросил позвать помощника дежурного.

– Это Уоллистон, уголовная полиция. Кабинет комиссара. Мы ведем расследование… Да, конечно… тогда позвоните мне… по служебному кабелю, Уоллистон, 2421.

Он положил трубку и ждал, пока ему позвонят.

– Эта девчонка неглупа, – пробормотал он, не глядя на Смайли.

Телефон зазвонил, и Мендель без вступления начал:

– Мы расследуем дело об ограблении на Мэрридэйл Лэйн. Номер восемнадцать. Мы подозреваем, что дом номер пятнадцать был использован как наблюдательный пункт, из которого следили за домом напротив. Не могли бы вы узнать, заказывал ли абонент Уоллистон, 2944 разговор с кем-либо и не вызывал ли его кто-нибудь за последние сутки?

Последовала пауза. Мендель закрыл трубку рукой и, слегка улыбаясь, повернулся к Смайли. Внезапно Смайли почувствовал к нему симпатию.

– Она спросит у своих коллег и попросит квитанции заказов.

Он снова повернулся к телефону, записывая в блокнот суперинтенданта цифры. Вдруг он напрягся и выпрямился над столом.

– Вот как? – проронил он безразлично, что контрастировало с его позой. – Мне интересно, когда она заказывала это? (Снова пауза.) Девятнадцать пятьдесят пять… Мужчина, да? Ваш приятель уверен? Понятно… Ну вот, вопрос улажен. Все же благодарю вас. По крайней мере мы теперь знаем, с чего начать… Да нет, вы мне оказали большую услугу… Просто версия, вот и все… Нам нужно искать в другом месте. Хорошо, большое спасибо. Вы очень любезны… Пусть эта история останется между нами… Пока.

Положив трубку, он вырвал страницу из блокнота и спрятал ее в карман. Смайли с живостью сказал:

– На углу улицы есть ужасная харчевня, а мне хочется перекусить. Пойдемте выпьем по чашечке кофе.

Зазвонил телефон; Смайли почти ощутил Мастона на другом конце провода. Мендель посмотрел на него и, кажется, понял. Они быстро вышли из комиссариата, оставив телефон звонить, и пошли по направлению к Хай-стрит.

Кафе «У фонтана» (хозяйка мисс Глория Адамс) было построено в стиле Тюдор, безвкусно украшено медью и доспехами и славилось в округе медом, который продавали там на шесть пенсов дороже, чем везде. Мисс Адамс лично продавала самый скверный кофе к югу от Манчестера и называла своих клиентов «мои друзья». Ее прошлое было туманным, хотя она величала своего покойного отца полковником. «Друзья» мисс Адам, которым эта «дружба» стоила особо недешево, распускали слухи, что чин полковника ему был пожалован Армией спасения.

Мендель и Смайли сели за столик в самом углу возле огня и стали ждать заказанный кофе. Мендель как-то странно посмотрел на Смайли.

– Телефонистка отлично помнит заказ, его сделали вчера вечером в тот момент, когда у нее заканчивалось дежурство. Просили позвонить сегодня в восемь тридцать утра. Феннан сделал заказ сам, она в этом уверена.

– Почему?

– Феннан, кажется, вызывал центральную в предновогодний вечер, как раз, когда дежурила эта девушка. Он всем им пожелал счастливого Нового года. Малышка нашла это милым. Они довольно долго болтали. Она уверена, что голос, заказывавший вызов накануне, был тем же. «Очень обходительный джентльмен», как она сказала.

– Но ведь этого не может быть. Он написал письмо в десять тридцать. А что же произошло между восемью и десятью тридцатью?

Мендель взял старый кожаный портфель без замка, который, как подумал Смайли, походил на бухгалтерскую книгу, достал из него желтую папку и протянул Смайли.

– Вот факсимиле письма. Шеф сказал, чтобы я вам передал копию. Оригинал послали в МИД, а другую копию – Марлен Дитрих.

– А она здесь при чем?

– Прошу прощения. Так мы называем вашего советника. Этим прозвищем его называет вся спецслужба. Извините еще раз.

Это великолепно, подумал Смайли. Нет, действительно великолепно. Он открыл папку и начал просматривать дубликат. Мендель продолжал:

– Впервые вижу, чтобы человек, который собирается покончить с собой, напечатал последнее письмо на машинке. И, к тому же, с числом. Хотя подпись, кажется, подлинная. Я ее сравнивал в комиссариате с квитанцией на утерянные вещи, которую он когда-то подписывал. Они абсолютно идентичны. Письмо, скорее всего, было отпечатано на портативной машинке. Так же, как и анонимный донос. Однако подпись была разборчивой: подпись Феннана. Вверху страницы – адрес, а внизу – время: десять тридцать вечера.

«Уважаемый сэр Дэвид.

Все обдумав, я решил уйти из жизни. Я не хочу провести остаток жизни в атмосфере подозрения. Я отдаю себе отчет в том, что моя карьера окончена и что я – жертва продажного информатора.

Искренне ваш, Сэмюэл Феннан».

Нахмурив брови, плотно сжав губы, Смайли перечитал эти строки несколько раз. Мендель спросил:

– Как вы это узнали?

– Что?

– Что этим утром был вызов из центральной?

– Так случилось, что я подошел к телефону. Я думал, это меня. Но это была центральная. Я сразу не понял. Я решил, что вызывают миссис Феннан. Я спустился вниз, чтобы ей сообщить.

– Спустились?

– Да, у них телефон в спальне. Фактически это кабинет… Миссис Феннан долгое время была прикована к постели, и после этого они ничего не меняли в комнате, я полагаю. На первый взгляд, это скорее кабинет, чем спальня: книги, пишущая машинка, рабочий стол и так далее.

– Пишущая машинка?

– Да, портативная. Как мне кажется, письмо было напечатано на ней. Понимаете, когда я поднял трубку, я и предположить не мог, что вызывают миссис Феннан.

– Почему?

– Она мне говорила, что страдает бессонницей. И даже мрачно пошутила по этому поводу. Я посоветовал ей отдохнуть, на что она ответила: «Мое тело и моя душа вынуждены терпеть друг друга двадцать часов в сутки. Мы уже и так живем дольше остальных». И добавила, что сон – это роскошь, которой она лишена. В таком случае зачем бы ей понадобилось заказывать вызов на восемь тридцать?

– А зачем мужу или кому-либо другому понадобилось заказывать вызов на это время? Ведь это время завтрака.

– Точно. Меня это тоже заинтриговало. Мне известно, что министерство иностранных дел начинает работать в десять часов. Даже если предположить, что Феннан проснулся в восемь тридцать, ему надо было еще успеть одеться, побриться, позавтракать и сесть в поезд. Вообще-то жена могла его разбудить.

– Вполне возможно, что она лгала, говоря о бессоннице. Женщины часто сетуют на бессонницу, на мигрень и тому подобное. Это один из способов показать, какие они нервные и чувствительные. Хотя в большинстве случаев это блажь.

Смайли покачал головой.

– Нет, заказать вызов она не могла, так как вернулась только в двадцать два сорок пять. Впрочем, если допустить, что она неправильно указала время своего возвращения, она не могла бы подойти к телефону, не заметив труп мужа. И не говорите мне, что, обнаружив труп, она первым делом поднялась на второй этаж и позвонила на телефонную станцию, чтобы заказать вызов на раннее утро.

Какое-то время они молча пили кофе.

– И еще, – сказал Мендель.

– Ну?

– Вы согласны, что его жена вернулась из театра без пятнадцати одиннадцать?

– Она это утверждает.

– Она ходила одна?

– Не знаю.

– Держу пари, что нет. Держу пари, что она вынуждена была по этому поводу сказать правду и что она сама напечатала время на письме, чтобы обеспечить себе алиби.

Смайли вспомнил Эльзу Феннан, ее гнев, ее покорность судьбе. Говорить о ней в таком тоне ему показалось нелепым. Нет, это не она. Нет.

– Где нашли тело?

– У лестницы.

– У лестницы?

– Да, он лежал навзничь в передней, а пистолет под ним.

– А записка? Где она была?

– Рядом на полу.

– Еще что-нибудь?

– Да, чашка какао в гостиной.

– Понятно. Феннан решил покончить с собой. Он заказывает вызов на восемь тридцать, готовит какао и относит его в гостиную, поднимается наверх и печатает прощальное письмо, затем спускается, чтобы убить себя, и по рассеянности забывает выпить какао. Все складывается очень мило.

– А что, разве не так? Кстати, не позвонить ли вам в вашу контору?

Смайли двусмысленно посмотрел на Менделя.

– Вот и конец старой дружбе, – сказал он.

Направившись к телефону-автомату, висевшему у двери с надписью «Служебный вход», он услышал, как Мендель пробормотал:

– Держу пари, что то же самое вы говорите всем.

Смайли с улыбкой набрал номер Мастона. Мастон хотел его немедленно видеть. Он вернулся за столик. Мендель помешивал вторую чашку кофе с таким видом, будто бы эта операция требовала максимума внимания. Он жевал большой пирожок. Смайли остановился напротив него.

– Я должен вернуться в Лондон.

– Ну что ж, тогда волк останется в овчарне. (Он резко повернулся к Смайли.) Или я ошибаюсь?

Он говорил сквозь зубы, не переставая жевать.

– Если Феннан был убит, ничто не помешает газетчикам узнать об этом деле… Я полагаю, что это не понравилось бы Мастону. Он предпочел бы самоубийство, – добавил он как бы для себя. – Как бы там ни было, мы должны допустить такую возможность.

Смайли молчал. Он уже слышал, как Мастон разбивает его подозрения раздраженным смешком.

– Я ничего не знаю, – произнес он. – Я действительно абсолютно ничего об этом не знаю.

Надо возвращаться в Лондон, думал Смайли. В сверкающие палаты Мастона. И снова круговерть подозрений и упреков. И все то же нелепое отгораживание от человеческой трагедии тремя страницами отчета.

Снова пошел дождь, теплый и назойливый, и Смайли успел промокнуть по дороге в комиссариат. Он снял пальто и бросил его на сиденье машины. Смайли с облегчением покидал Уоллистон, несмотря на то, что ему предстояло вернуться в Лондон. Повернув на автостраду, краешком глаза он заметил силуэт Менделя в мокрой бесформенной шляпе, потемневшей от дождя, который упорно двигался своим тяжелым шагом к вокзалу. Смайли даже не подумал предложить подвезти его в Лондон и теперь упрекал себя за отсутствие предупредительности. Мендель, безразличный к щекотливости ситуации, открыл дверцу и сел в машину.

– Повезло, – заметил он. – Я боюсь поездов. Вы едете на Кембриджскую площадь? Вы можете меня подбросить до Вестминстера, а?

Автомобиль тронулся. Мендель вытащил старый зеленоватый кисет и свернул сигарету. Он поднес ее к губам, передумал, протянул Смайли и зажег ее своей необычной зажигалкой, которая выбросила громадное голубое пламя.

– У вас раздосадованный вид.

– Еще бы.

Молчание. Мендель продолжал:

– Беда всегда приходит оттуда, откуда не ждешь.

Они проехали семь или восемь километров, и Смайли остановил машину на обочине.

– Вы не будете возражать, если мы вернемся в Уоллистон?

– Неплохая мысль. Поедем расспросим миссис Феннан.

Смайли развернулся и медленно поехал по дороге в Мэрридэйл Лэйн.

Оставив Менделя в машине, он проследовал хорошо знакомой вымощенной гравием дорожкой.

Она открыла дверь и молча пригласила его войти в салон. На ней было то же платье, и Смайли спрашивал себя, что она делала после того, как он оставил ее.

Может быть, она бродила по дому или неподвижно сидела в гостиной? Или в комнате с кожаными креслами? Как она представляет себя вдовой? Осознала ли она уже до конца то, что с ней произошло, или она в том состоянии скрытого возбуждения, которое быстро сменяет траур? Может быть, она смотрелась в зеркало, безуспешно пытаясь заплакать, увидеть волнение, ужас, написанные на лице?

Ни он, ни она не садились – оба инстинктивно избегали повторения утреннего разговора.

– Я очень сожалею, что мне снова проходится вас беспокоить, миссис Феннан; но есть вопрос, который я должен был вам задать.

– Я думаю, это по поводу звонка, звонка из центральной?

– Да.

– Я так и знала, что это вас заинтригует. Женщина, страдающая бессонницей, которая просит, чтобы ее разбудили ранним утром.

Она старалась говорить непринужденно.

– Да. Я должен признаться, что мне это показалось странным. Вы часто ходите в театр?

– Раз в две недели. Вы знаете, я член Вэйбриджского театрального клуба. Я участвую во всех их начинаниях. Каждый первый вторник для меня автоматически бронируют место на все спектакли. В тот вторник мой муж работал допоздна. Он со мной никогда не ходил; он интересовался только классическими постановками.

– Но он любил Брехта, не так ли? Он очень интересовался гастролями «Берлинер ансамбль» в Лондоне.

Она посмотрела на него, потом внезапно улыбнулась. Впервые Смайли увидел эту улыбку. Она была пленительной; лицо ее засияло, как у ребенка. Смайли на мгновение представил, какой она была в детстве – неудавшийся мальчишка, проворный, тонкий, похожий на гадкого утенка. Полуженщина, полудевочка, говорливая обманщица. Он представил ее лукавым подростком, независимую, как дикая кошка, потом – голодную, съежившуюся в концлагере и цепляющуюся за жизнь любыми средствами. Эта патетическая улыбка напоминала то светлую невинность, то грозное оружие, используемое в борьбе за выживание.

– Боюсь, что причина этого звонка покажется вам смехотворной, – сказала она. – У меня очень плохая память, просто ужасная. Когда я иду прогуляться, то постоянно забываю сделать необходимые покупки, или, например, назначаю встречу и, как только кладу трубку, сразу об этом забываю. Я приглашаю друзей к себе на уик-энд, но когда они приходят, дома никого нет. Иногда, когда мне просто необходимо не забыть что-нибудь, я звоню в центральную и прошу, чтобы мне позвонили в назначенное время. Это как узелок на память, но узелок не может вам позвонить, так ведь?

Смайли проницательно посмотрел на нее. В горле у него пересохло, и, проглотив слюну, он спросил:

– И по какому поводу этот звонок, миссис Феннан?

И снова чарующая улыбка:

– Проблема в том… что я абсолютно не помню.

Глава пятая

Мастон в огнях рампы

Смайли не спеша ехал в Лондон, совершенно забыв о присутствии Менделя.

Было время, когда Смайли расслаблялся, ведя машину, находя в нереальности длительного уединенного путешествия шанс отдохнуть своему беспокойному мозгу, так как усталость, приходящая после долгих часов езды, предоставляла возможность отвлечься от более серьезных проблем.

То, что он больше не может так укрощать свой мозг, наверное, было одним из неуловимых признаков зрелости. Сейчас он прибегал к мерам более суровым: однажды он даже пытался представить себя в европейском городе, отмечая, к примеру, магазины и дома Берна, перед которыми он прошел бы по дороге из собора в университет. Но, несмотря на эти энергичные умственные упражнения, тень действительности преследовала его и охотилась за его мечтаниями. Его спокойствие похитила Энн, придававшая большое значение действительности, научившая мужа осознавать реальность; и в конце концов, покинув Смайли, она лишила его всего.

Он и мысли не допускал, что Эльза Феннан убила своего мужа. Должно быть, инстинкт заставил ее защищать и накапливать ценности жизни, воздвигнуть вокруг себя символы обыденного существования. В ней не было никакой агрессивности, кроме желания защитить свои приобретения.

Кто знает? Как там у Гессе: «Странная вещь: в тумане каждый блуждает в одиночестве. Ни одно дерево не знает своего соседа, каждое само по себе». Мы не знаем ни тех, ни других, вздохнул Смайли. Как я могу осуждать Эльзу Феннан? Я могу понять ее страдания, ее выдумки, которые диктует ей страх, но что я о ней знаю? Ничего.

Мендель показал на указатель:

– Вон там я живу. Митчем. Это в самом деле недурно. Мне надоела неустроенность. Там я купил себе приличный домишко, чтобы в нем отдохнуть после отставки.

– Отставки? Вам еще долго ждать.

– Да. Три дня. Потому-то мне и доверили это дело. Все просто. Никаких осложнений. Дайте это старому Менделю, он все равно все испортит.

– Постойте, постойте. Я полагаю, что в понедельник мы оба станем безработными.

Он высадил Менделя у Скотланд-Ярда и поехал на Кембриджскую площадь.

Войдя в здание, он понял, что все уже в курсе; он понял это по выражению их лиц, по неуловимому изменению взглядов и поведения. Он направился прямо в кабинет Мастона. Когда он вошел, секретарша быстро подняла голову.

– Советник у себя?

– Да, он вас ждет. Он один. На вашем месте я бы постучала и вошла.

Но Мастон сам открыл дверь и пригласил Смайли. На нем был черный пиджак и полосатые брюки. Вот и пришел конец безвкусной элегантности, подумал Смайли.

– Я пытался с вами связаться. Вы получили мое сообщение? – спросил Мастон.

– Да, но я не имел возможности вам ответить.

– Не понимаю.

– Так вот, я думаю, что Феннан не застрелился. Я уверен – его убили. Я не мог вам это сообщить по телефону.

Мастон снял очки и ошарашенно посмотрел на Смайли.

– Убит? С чего вы взяли?

– Феннан написал письмо в десять тридцать вчера вечером, если верить времени, указанному на письме.

– Ну?

– Так вот, в девятнадцать пятьдесят пять он звонил в центральную, чтобы заказать звонок на сегодняшнее утро. На восемь тридцать.

– Откуда, черт возьми, вы это знаете?

– Я был в доме, когда звонили с центральной. Думая, что звонят из управления, я снял трубку.

– Откуда у вас такая уверенность в том, что разговор заказывал Феннан?

– Я проверял. Телефонистка из центральной прекрасно знает голос Феннана. Она утверждает, что вчера вечером, в без пяти восемь, звонил именно он.

– Они что, знали друг друга?

– Да нет же, они по случаю просто обменялись когда-то любезностями.

– И из этого вы делаете вывод, что его убили?

– Я разговаривал с его женой по поводу этого звонка…

– И?..

– Она солгала. Она сказала, что сама его заказывала. Она, дескать, чрезвычайно рассеянна и иногда звонит в центральную, чтобы ей напомнили… так же, как другие завязывают узелок на память… когда у нее срочное свидание. И еще одна деталь: перед тем как пустить себе пулю в висок, Феннан приготовил какао. Он так его и не выпил.

Мастон молча слушал, потом улыбнулся и встал.

– Мне кажется, между нами произошло недоразумение, – сказал он. – Я отправил вас туда только затем, чтобы узнать, почему Феннан застрелился. Сейчас вы утверждаете, что он не покончил с собой. Мы не полицейские, Смайли.

– Нет. Иногда я задаюсь вопросом, кто же мы.

– Вы узнали что-либо такое, что может отразиться на нашей деятельности? Или что могло бы объяснить его поступок? Какой-нибудь факт, который увязывается с его письмом?

Смайли колебался, прежде чем ответить. Он предвидел вопрос.

– Да. Если верить миссис Феннан, наш разговор вывел Феннана из равновесия. (Пожалуй, придется все выложить.) Его это преследовало, он не мог заснуть. Она дала ему снотворное. То, что она мне сказала о настроении Феннана после нашего с ним разговора, полностью соответствует письму… (Мгновение он помолчал, с глупым видом моргая глазами.) Я вот к чему веду: я не думаю, что она говорит правду. Я не верю ни в то, что Феннан написал это письмо, ни в то, что он хотел умереть. (Он повернулся к Мастону.) Мы не должны отвергать априори все эти противоречия. И еще. Я не обращался к экспертам, но существует сходство между анонимным письмом и запиской Феннана. Складывается впечатление, что они напечатаны на одной машинке. Это кажется нелепым, но это так. Мы должны предупредить полицию… и представить им факты.

– Факты? – повторил Мастон. – Какие факты? Допустим, что она лжет. Конечно, эта женщина довольно странная. Иностранка. Черт ее знает, что у нее в голове. Мне говорили, что она многое перенесла во время войны, что она подвергалась преследованиям, и тому подобное. Может быть, она увидела в вас угнетателя, инквизитора. Она почувствовала, что вы вынюхиваете что-то. Ее охватила паника, и она рассказала вам первое, что пришло в голову. И из-за этого она преступница?

– В таком случае почему Феннан звонил в центральную? Зачем готовил какао?

– Кто может вам ответить? (Мастон говорил теперь звонче и убедительнее.) Если, к примеру, вы или я, Смайли, дойдем до этой крайности, если решимся уйти из жизни, кто может знать наши последние мысли? Так же и с Феннаном. Он видит, что его карьера кончена, жизнь теряет всякий смысл. Разве мы не можем понять, что он хотел в момент слабости или нерешительности услышать человеческий голос, почувствовать еще раз перед смертью теплоту человеческого общения? Может быть, это абсурдно, сентиментально, но это понятно в человеке, доведенном до отчаяния, решившем покончить с собой.

Смайли обнаружил в нем новое качество: Мастон хорошо играл комедию. И в этой области Смайли был не в состоянии соперничать с ним. Вдруг он почувствовал, что в нем нарастает паника, рожденная невыносимым обманом. И в то же время им овладела неудержимая ненависть к этому льстивому лицемеру, к этому омерзительному франту с его седеющими волосами и заученной улыбкой. Паника и ярость пробежали как зыбь, охватив его с ног до головы. Его лицо побагровело, очки затуманились, слезы подступили к глазам, что еще больше унизило его.

Мастон, к счастью, ничего не заметивший, продолжал:

– Вы не должны настаивать, чтобы я внушил министру внутренних дел, опираясь на подобное заявление, что полиция идет по ложному следу; вы же знаете, насколько наши отношения деликатны. С одной стороны, у нас есть ваши подозрения, которые в двух словах сводятся к тому, что вчера вечером поведение Феннана не соответствовало намерению покончить с собой. Очевидно, жена Феннана вам лгала. С другой стороны, мы получили заключение полицейских экспертов, которые не нашли ничего подозрительного в обстоятельствах смерти Феннана. И, кроме того, из показаний миссис Феннан следует, что ее муж был потрясен разговором с вами. Я очень сожалею, Смайли, но это так.

Наступила полная тишина. Смайли медленно овладел собой, и это усилие отобрало у него ясность мысли и дар речи. Его близорукие глаза часто мигали, толстощекое морщинистое лицо было все еще багровым, рот глупо приоткрыт. Мастон ждал, когда он заговорит, но Смайли чувствовал себя уставшим, и вся история сразу же перестала его интересовать. Не глядя на Мастона, он встал и вышел.

Он добрался до своего кабинета и сел за стол. Машинально просмотрел бумаги. На подносе для писем не было ничего интересного: несколько служебных циркуляров и письмо, адресованное лично Джорджу Смайли, эсквайру, в министерство обороны. Почерк был незнакомый. Он вскрыл конверт и прочел:

«Уважаемый Смайли,
Мне крайне необходимо встретиться с вами завтра в кафе „Комплит Энглер" в Марлоу.
Очень прошу, обязательно приходите в час. Я должен вам кое-что сказать.
Искренне ваш, Сэмюэл Феннан».

Письмо было написано от руки и датировано вчерашним числом: вторник, 3 января. Его бросили в ящик в Уайтхолле в шесть вечера.

Держа письмо кончиками пальцев, Смайли несколько минут пристально его разглядывал. Потом он положил его на стол и вытащил из ящика чистый лист бумаги. В кратком послании он просил Мастона принять его отставку и присоединил письмо Феннана к рапорту. Затем он вызвал секретаршу, оставил письмо на подносе для отправки и направился к лифту. Но, как всегда, лифт стоял в подвале, занятый тележками для чая, и, подождав несколько минут, он пошел пешком. На полпути он вспомнил, что оставил в кабинете плащ и кое-какие вещи. Неважно, подумал он. Все это мне пришлют.

На стоянке, сев в машину, он стал пристально смотреть через лобовое стекло, по которому катились капли дождя. Ему было все безразлично, абсолютно все. Конечно, он был удивлен. Тем, что чуть не сорвался. Беседы с людьми играли значительную роль в работе Смайли, и он считал, что давно уже привык к разговорам особого рода. Они вселяли в его скрытую натуру

страх; он ненавидел их давящую близость, их неизбежную реальность. Он вспомнил веселый вечерок с Энн в «Куаглинос». Во время ужина он объяснил ей систему хамелеона-броненосца, задуманную, чтобы развить в допрашиваемом комплекс неполноценности.

Они ужинали при свете свечей; белая кожа и натуральный жемчуг. Они пили коньяк. Влажные, чуть навыкате глаза Энн смотрели только на него. Смайли изображал страстного влюбленного, и это ему прекрасно удавалось. Энн была нежна и взволнована их полной гармонией.

– …Вот как я научился быть хамелеоном.

– Ты хочешь сказать, что ты был похож на этакую злую жабу?

– Нет. Это вопрос цвета. Хамелеоны меняют цвет.

– Ах да, верно! Когда они сидят на листьях, они зеленеют. И ты зеленел, жаба?

Его пальцы легко прикоснулись к руке Энн.

– Послушай меня, ехидина. Я тебе сейчас объясню технику хамелеона-броненосца, разработанную Смайли специально для любопытных наглецов.

Лицо Энн было совсем близко от лица Смайли, и она с обожанием смотрела на него.

– Ты напыщенная жаба. Но умный любовник.

– Тихо. Случается, что этот метод терпит неудачу из-за идиотизма или недоброжелательности твоего собеседника. В таком случае – превращайся в броненосца.

– Так что, надо выставлять защитный панцирь, жаба?

– Нет. Ты ставишь его в такое неудобное положение, что сам становишься выше. Я был подготовлен к конфирмации одним бывшим епископом. Его паства состояла лишь из меня одного. И за половину каникул я получил достаточно советов, чтобы руководить епархией. Созерцая лицо епископа и представив, что под моим взглядом он покроется шерстью, я сохранил свое влияние на него. С тех пор мое умение только увеличивалось. Я мог превратить его в пыль, подставить под нож гильотины, заставить его появиться совершенно голым на масонском собрании, пресмыкаться как змею…

– Злая жаба!

С этим проблем не было. Но в течение недавних разговоров с Мастоном он потерял способность к защите; он слишком глубоко был втянут в это дело. Как только Мастон перехватил инициативу, Смайли почувствовал слишком большую усталость и отвращение, чтобы возражать. Он предполагал, что Эльза Феннан убила своего мужа, что у нее были на это веские причины. И вследствие этого обстоятельства он потерял всякий интерес к делу. Загадка перестала существовать: подозрения, опыт, восприятие, здравый смысл – все это Мастон не расценивал как факты. Для него неоспоримыми фактами были бумаги, указания министров и, в частности, министра внутренних дел. Смутные подозрения одного функционера не принимались во внимание, когда шли вразрез с линией департамента.

Смайли устал. Это было глубокое тягостное утомление. Он медленно направился домой. Этим вечером он собирался поужинать в городе, чтобы хотя бы ужин не был заурядным. Но было только время обеда. Он проведет остаток дня, как Олеарий в своем «Ганзейском путешествии по русскому континенту». Потом он поужинает в «Куаглинос» и поднимет бокал за убийцу, которому удалось сделать свое дело и которым, возможно, являлась Эльза Феннан; и поблагодарит его за то, что тот прервал карьеру Джорджа Смайли, убив Сэма Феннана.

Он не забыл забрать свое белье в прачечной на Слоун-стрит, наконец повернул на Байсуотер-стрит, где оставил машину в трех кварталах от дома. Он вышел из машины, держа завернутый в коричневую бумагу пакет с бельем, тщательно закрыл дверцы и по привычке обошел машину, чтобы проверить замки. Все еще моросил дождь. Он с раздражением отметил, что кто-то опять поставил машину перед его домом. Слава Богу, что миссис Шейпл догадалась закрыть окно его комнаты, иначе бы дождь…

Внезапно он насторожился. Что-то промелькнуло в гостиной. Свет, тень, человеческий силуэт – в любом случае что-то было. Он увидел это или сработал инстинкт? Отпечаток его профессии? Может быть, его предупредило какое-то неуловимое чувство, какой-то нерв, и он это уловил.

Не колеблясь, он положил ключи в карман, поднялся по ступенькам и позвонил в свою дверь.

По дому разнеслось пронзительное эхо. Тишина. Затем Смайли отчетливо услышал шаги, тяжелые и уверенные, приближающиеся к двери. Скрежет цепочки, щелканье замка, и дверь открылась быстро и уверенно.

Смайли никогда раньше не видел этого человека. Крупный, светловолосый, симпатичный, около тридцати пяти лет. Светло-серый костюм, белая рубашка, серый с отливом галстук. Прямо дипломат. Немец или швед. Рука небрежно опущена в карман пиджака.

Смайли посмотрел на него, как будто бы хотел извиниться.

– Здравствуйте. Извините, мистер Смайли дома?

– Да. Вы зайдете?

Долю секунды он колебался.

– Нет, благодарю. Не могли бы вы передать ему вот это?

Он протянул пакет с бельем, спустился по ступенькам, сел в машину. Он знал, что за ним наблюдают. Он тронулся, повернул и поехал по улице, ни разу не обернувшись. Он нашел стоянку на Слоун-сквер, припарковался и быстро записал в блокнот семь номеров машин, стоявших возле его дома.

Что делать? Сообщить в полицию? Но к тому времени его уже там не будет. Кроме того, возникли другие проблемы. Смайли вновь закрыл дверцу машины, пересек улицу и вошел в телефонную будку. Он позвонил в Скотланд-Ярд, связался со спецслужбой и попросил позвать инспектора Менделя. Оказалось, что инспектор написал рапорт суперинтенданту и чуть раньше срока воспользовался радостями отставки. Смайли, наврав с три короба, получил наконец его адрес и снова сел за руль.

За мостом Альберт он заказал сэндвич и большую рюмку виски в маленьком кафе на берегу реки и полчаса спустя выехал на мост, ведущий в Митчем. А дождь по-прежнему хлестал по его непримечательной машине. Он был взволнован, необычайно взволнован.

Глава шестая
Чай и симпатия

Смайли приехал, все еще шел дождь. В саду он заметил Менделя в необыкновенной шляпе, каких Смайли никогда и не видел. Она напоминала одновременно анзакскую шапку и головной убор канадского полицейского, что придавало Менделю вид гигантского гриба. Мендель, с угрожающим видом согнувшись над колодой, держал в жилистой руке большой топор.

Мгновение он пристально вглядывался в Смайли, затем его лицо медленно расплылось в улыбке, и, протягивая руку, он произнес:

– У вас неприятности?

– Да.

Смайли пошел за ним в уютный дачный домик.

– В гостиной света нет. Я только что вселился. Может, мы выпьем чаю на кухне?

Они вошли туда. Смайли с улыбкой отметил безукоризненную чистоту, почти женский порядок, царивший вокруг него. Лишь полицейский календарь, висевший на стене, разрушал это впечатление. Пока Мендель ставил чайник на плиту, искал чашки и блюдца, Смайли

беспристрастно рассказывал о том, что произошло на Байсуотер-стрит. Когда он закончил, Мендель долго молча смотрел на него.

– Почему вам предложили войти?

Смайли моргнул и слегка покраснел.

– Я уже задавался этим вопросом. На секунду меня это поставило в тупик. К счастью, у меня был пакет.

Он отхлебнул чаю.

– Учтите, я не думаю, что пакет сбил его с толку. Это возможно, но было бы удивительно.

– Вы полагаете, что этот фокус с пакетом ничего не дал?

– Я бы все равно не зашел. На его месте я бы не поверил. Простой развозчик белья, приехавший на «Форде». Это было подозрительно… Кроме того, я спросил Смайли, а затем отказался войти… Это, наверное, ему показалось странным.

– Но что он искал? Что бы он вам сделал? За кого вас принял?

– В этом-то и весь вопрос. Я думаю, что он поджидал меня, но, конечно же, не предполагал, что я позвоню. Я застал его врасплох. Я полагаю, что он намеревался меня убить. Вот из-за чего он приглашал меня войти; без сомнения, он узнал меня по фотографии, но не до конца был уверен.

Некоторое время Мендель смотрел на него.

– Черт возьми, – произнес он.

– Допустим, что я прав по всем статьям, – сказал Смайли. – Предположим, вчера вечером Феннан был убит и что этим утром наступила моя очередь. Но моя профессия, в отличие от вашей, как правило, не выдает по трупу в день.

– Что вы хотите этим сказать?

– Ничего. Совсем ничего. Не могли бы вы прежде всего собрать сведения об этих машинах? Утром они стояли на Байсуотер-стрит.

– Почему бы вам самому этим не заняться?

Смайли растерянно посмотрел на него, потом вспомнил, что он еще не сказал, что подал в отставку.

– Извините, я забыл вам сказать. Утром я подал в отставку. Я сделал это вовремя, не дожидаясь, пока меня выставят за дверь. Итак, я свободен, как ветер, без настоящего и будущего.

Взяв у него список с номерами, Мендель пошел в прихожую звонить. Спустя две минуты он вернулся.

– Они перезвонят через час. Пойдемте, я покажу вам мои владения. Вы разбираетесь в пчелах?

– Немного разбираюсь. В свое время в Оксфорде я был помешан на естественных науках.

Он собирался рассказать Менделю, как он штудировал тексты Гете, осмысливая превращения растений и животных в надежде открыть, как Фауст, «то самое тайное, на чем держится мир».

Он хотел ему объяснить, почему было невозможно понять Европу девятнадцатого века, не имея познаний в естественных науках. Он чувствовал себя распухшим от откровений и от важных идей, зная, что в глубине этого состояния чрезмерного нервного возбуждения покоятся события дня, которые его мозг, не переставая, переваривал. У него вспотели ладони.

Мендель провел его через заднюю дверь: три хорошо ухоженных улья возвышались у низенькой кирпичной стены в глубине сада. Они стояли под дождем, и Мендель сказал:

– Мне всегда хотелось их разводить, наблюдать за ними. Я прочел множество вещей об этом. Забавные козявки.

Он несколько раз покачал головой, чтобы придать больше значения этому заявлению, и Смайли снова посмотрел на него с интересом. У него было худое жесткое лицо молчуна; его серо-стальные коротко подстриженные волосы щетинились, как колючки. Он, казалось, так же мало обращал внимания на время, как и время на него. Смайли в точности знал, какую жизнь провел Мендель. Он видел у всех полицейских мира эту обветренную кожу, один и тот же запас терпения, горечи и гнева. Он угадывал долгие бесплодные часы, проведенные в засаде при любой погоде в ожидании того, кто, может быть, никогда и не придет… А если и придет, то уйдет слишком быстро. И он знал, в какой мере Мендель и другие были во власти эгоистичных, странных, угрюмых и беспокойных личностей, редко проявлявших понимание и здравый смысл. Он знал, как умный человек может быть нейтрализован глупостью своего начальства и как недели терпеливой напряженной работы – двадцать четыре часа в сутки – сводятся на нет такого рода людьми.

Мендель провел его по каменистой дорожке к ульям, все такой же безразличный к дождю, и принялся разбирать один, не переставая объяснять. Он говорил отрывистыми, обрубленными фразами с длинными паузами, его тонкие пальцы двигались медленно и точно.

Наконец они вернулись в дом, и Мендель показал гостю две нижние комнаты. Гостиная была похожа на цветок: цветущие коврики и занавески, цветущие накидки на мебели. В маленьком стеклянном шкафу находились пивные бокалы и пара очень неплохих пистолетов рядом с кубком за победу в соревнованиях по стрельбе.

Смайли прошел за инспектором на второй этаж. Печка распространяла запах керосина, а из умывальника исходило глухое урчание. Мендель показал свою комнату.

– Свадебная комната. Кровать я купил за фунт на одном аукционе. Матрац с пружинами. Удивительно, что только можно отыскать. Коврики от самой королевы. Она их меняет каждый год. Я их купил в магазине Уотфорда.

Смайли в замешательстве стоял на пороге. Мендель вернулся и прошел перед ним, чтобы открыть дверь следующей комнаты.

– А вот и ваша комната. Если, конечно же, она вам подходит. На вашем месте я бы не возвращался сегодня домой. Всякое бывает. Впрочем, здесь вам будет лучше спаться. Прекрасный воздух.

Смайли начал возражать.

– Решать вам. Делайте, что хотите. (Казалось, Мендель в плохом настроении.) Откровенно говоря, я не понимаю вашу работу, так же как и вы не понимаете профессию полицейского. Делайте, что хотите. Насколько я вас знаю, вы умеете защищаться.

Они спустились. Мендель зажег в гостиной газовый отопитель.

– Разрешите хотя бы пригласить вас поужинать вместе, – сказал Смайли.

В прихожей зазвонил телефон. Звонил секретарь Менделя по поводу номеров машин. Мендель вернулся с листом в руках и протянул его Смайли. Там было семь имен и адресов.

– Четверо из них не представляют никакого интереса – они живут на Байсуотер-стрит. Остается три: машина, взятая напрокат в фирме «Адам Скарр и сын» в Бэттерси, грузовик, принадлежащий Севернской керамической компании из Ист-Торна; третья принадлежит посольству Панамы. Я поручил своему человеку заняться третьей машиной. Это будет нетрудно: в посольстве только три машины. Бэттерси недалеко, – продолжал Мендель. – Мы можем вместе туда поехать на вашей машине.

– Конечно, конечно, – поспешил ответить Смайли. – И мы могли бы поужинать в Кенсингтоне. Я закажу столик в «Антраша».

Четыре часа. Двое все еще бессвязно беседовали о пчелах и о доме. Мендель, в хорошем расположении духа, и Смайли, предупредительный и смущенный, пытающийся подобрать подходящий тон к этому разговору, чтобы не показаться самодовольным. Он представил, что Энн сказала бы о Менделе. Она бы его нашла очаровательным, оригинальным. Она бы в разговоре с ним подстраивалась под его голос и выражение лица; а дома стала бы придумывать о нем разные истории, чтобы развеять окружавшую его тайну и сделать его похожим на них самих.

«Дорогой, кто бы мог подумать, что он такой простой! Вот уж от него я никак не ожидала услышать, где можно недорого купить рыбу. И какой прелестный домик! Такой непритязательный. Он должен знать, что пивные бокалы совершенно уродливы и безвкусны, но ему все равно. Я его нахожу милашкой. Жаба, пригласи же его на ужин. Это будет очень кстати. Совсем не для того, чтобы над ним насмехаться, а чтобы приласкать».

Этого приглашения, конечно же, не последовало бы, но Энн была бы довольна; она бы нашла способ проникнуться к Менделю привязанностью, а после этого сразу же о нем забыть.

Это было то, чего Смайли добивался: найти способ проникнуться к Менделю привязанностью. Он не был наделен, как Энн, нужными для этого качествами. Энн – это была Энн. Она чуть не убила племянника, студента Итона, за то, что тот пил красное бордоское с рыбой, но если бы Мендель курил трубку и одновременно ел блинчики, она бы, конечно, этого не заметила.

Мендель приготовил чай, и они выпили его. В пятнадцать минут шестого они выехали в Бэттерси на машине Смайли.

По дороге Мендель купил вечернюю газету и принялся за чтение, с трудом разбирая написанное при свете фонарей. Но вдруг спустя несколько минут он воскликнул:

– Чертовы сосисочники! Ненавижу!

– Сосисочники?

– Боши, квадратные головы, фрицы… В общем, эти проклятые немцы! Да этот сброд плотоядных овец и ломаного гроша не стоит! Они опять начали донимать евреев, чтобы еще раз нам досадить. Как кегли: сначала сбивают, потом вновь ставят, и так далее. Затем прощают и забывают. Господи, зачем прощать, зачем забывать! Вот что я хотел бы знать! Почему забыли грабежи, насилия и убийства под предлогом, что их совершали миллионы? И вот, черт побери, бедный жалкий служащий банка берет несколько марок в кассе, и теперь его преследует вся полиция страны, тогда как Крупп и вся его банда… О нет, если бы я был евреем, да еще в Германии, Господи, я…

Вдруг Смайли словно проснулся:

– Что бы вы сделали? Что бы вы сделали, Мендель?

– О! Я бы, наверное, молча терпел. Сегодня все это лишь политическая… статистика. Вопрос не стоит, чтобы дать им водородную бомбу. Это политический абсурд. А посмотрите на янки; миллионы проклятых евреев в Америке. А что же они делают, черт возьми? Они им всучивают, этим бошам, еще больше бомб. Все союзники, как свиньи. Каждый старается уничтожить другого.

Мендель дрожал от гнева, а Смайли молчал, думая об Эльзе Феннан.

– Что же нужно делать, по-вашему? – спросил он, чтобы не молчать.

– А черт его знает, – ответил Мендель безнадежно.

Они повернули на Бэттерси Бридж Роуд и остановились напротив полицейского, расхаживавшего по тротуару. Мендель показал ему свое удостоверение.

– Гараж Скарра? Это даже не гараж, сэр, а что-то вроде ангара или депо. Скарр занимается коммерцией в основном в области металлолома и подержанных автомашин. «Если они не подходят одним, то подойдут другим». Так говорит Адам. Спуститесь на проспект Принс

де Галлъ и поезжайте до больницы. Это между разборными домами. А вообще-то когда-то во время войны туда попала бомба. Старик Адам засыпал воронки шлаком, и никто его оттуда не прогонял.

– Вы, оказывается, много знаете о нем, – сказал Мендель.

– Ничего удивительного. Я его отвозил в участок много раз. Он совершил все возможные и вообразимые нарушения. Он постоянно возвращается к старому.

– Постойте, постойте, а в чем его сейчас обвиняют?

– Я не знаю, сэр. Но его можно посадить когда угодно за заключение незаконных сделок. Он и сейчас не в ладах с законом.

Они пошли к больнице. Справа был темный, мрачного вида парк.

– Что он хотел сказать словами «не в ладах с законом»? – спросил Смайли.

– А, он просто хотел пошутить. Это значит, что в его досье столько всего, что он является кандидатом на пожизненное заключение. Этот Скарр, похоже, по моей части. Оставьте его для меня.

Ангар был таким, как его описал полицейский, зажатый между двумя полуразвалившимися разборными домиками в неровном ряду бараков, сооруженных на территории, подвергавшейся бомбардировкам. Обломки, шлак, мусор, разбросанные повсюду. Куски асбеста и бетона, груды металлолома, без сомнения, приобретенные Скарром для перепродажи, а также для использования, были свалены в углу; на них падал свет из окон ближайшего домика. Некоторое время они все это молча осматривали. Мендель пожал плечами, засунул два пальца в рот и пронзительно свистнул.

– Скарр! – позвал он.

Молчание. Освещение позволяло видеть смутные очертания двух или трех полуразвалившихся машин довоенного выпуска. Дверь дома медленно открылась, и на пороге показалась девочка лет двенадцати.

– Малышка, папа дома? – спросил Мендель.

– Не-а. Он, наверное, пошел в «Прод».

– Спасибо, деточка.

Они посмотрели на дорогу.

– Что такое «Прод», если я могу задать этот вопрос? – спросил Смайли.

– «Продигалз Каф», кафе на углу улицы. Пойдем пешком. Это в сотне метров. Машину оставим здесь.

Кафе только что открылось. В баре никого не было. Пока они ждали хозяина, какой-то очень полный человек в черном костюме появился на пороге. Он уверенно подошел к бару и постучал по стойке монетой в полкроны. «Вильф, – прорычал он, – топай сюда, у тебя клиенты, счастливчик!» (Он повернулся к Смайли.)

– Добрый вечер, приятель.

Из глубины кафе донесся голос:

– Скажи им, пусть оставят деньги на стойке и придут попозже!

Толстяк внимательно посмотрел на Менделя и Смайли, потом разразился хохотом:

– На это не надейся, Вильф, это легавые!

Эта шутка так его рассмешила, что ему даже пришлось сесть на длинную скамейку у стены; руки на коленях, громадные плечи, сотрясающиеся от смеха, слезы на щеках. Время от времени он повторял между приступами сумасшедшего смеха: «Черт побери, черт побери!»

Смайли с интересом смотрел на него. Белый жесткий грязный воротник с загнувшимися уголками, красный цветастый галстук, тщательно приколотый к черному жилету, армейские

ботинки, лоснящийся изношенный черный костюм, брюки, не имеющие и намека на стрелки. Манжеты были засаленными от пота и грязи и черными от мазута. Куски бумаги придавали им форму.

Появился хозяин и принял заказы. Незнакомец заказал большой виски с имбирным пивом и сел в отдельном кабинете с камином. Хозяин неодобрительно посмотрел на него.

– В этом он весь, старый хрыч. За место не платит, а погреться любит.

– Кто это, – спросил Мендель.

– Этот? Его зовут Скарр. Адам Скарр. Одному Богу известно, почему Адам. Увидите вы его в раю! Он бы там смотрелся. Здесь говорят, что, если бы Ева дала ему яблоко, он слопал бы его с огрызком.

Хозяин причмокнул и покачал головой.

– Однако ты еще годишься кое на что, правда, Адам? Люди приезжают издалека, чтобы тебя увидеть. Молодое чудовище с другой планеты, вот ты кто. Взгляните: Адам Скарр. Посмотрите на него хоть одним глазом, и вы дадите обет воздержания.

Снова приступ смеха. Мендель шепнул Смайли:

– Подождите меня в машине. Будет лучше, если вы не будете вмешиваться. Вы можете дать пять фунтов?

Смайли вынул пять банкнот из портмоне и, нагнув голову, вышел. Для него не было ничего ужаснее, чем общаться со Скарром.

– Вы Скарр? – спросил Мендель.

– Точно, приятель.

– ТРС 08-91– ваша машина?

Скарр, нахмурив брови, посмотрел на стакан. Казалось, вопрос его опечалил.

– Итак?

– Была моей, начальник, была моей.

– Что, черт подери, вы хотите этим сказать?

Скарр развел руками.

– Темная загадка, начальник. Ужасная тайна.

– Послушайте, у меня есть дела поинтереснее, чем ваши, и поважнее. У меня мало терпения. Мне наплевать на ваши темные делишки. Где машина?

Казалось, Скарр прикидывал выгоду.

– Понимаю, дружок. Вам нужна информация.

– Представьте себе, нужна.

– Тяжелые времена, начальник. Жизнь стремительно дорожает. Любая информация имеет цену, не так ли?

– Скажите, кому вы дали напрокат машину, и вы не умрете от голода.

– Знаешь, приятель, я не умираю от голода. Я хочу лучше есть.

– Пять фунтов.

Скарр мгновенно опорожнил стакан и поставил его на стол. Мендель встал и пошел за вторым.

– У меня ее угнали. Вот уже несколько лет я давал ее напрокат без шофера. Из-за залога.

– Ну?..

– Например, какому-то типу нужна тачка на день. Он дает вам двадцать фунтов в залог, понимаете? Когда он возвращается, он оставляет вам два фунта, а вы выписываете ему чек на

восемнадцать; проводите чек по статье расходов, и операция приносит вам десять фунтов. Улавливаете?

Мендель кивнул головой.

– Итак, три недели назад подваливает парень. Здоровый шотландец. При деньгах. С тросточкой в руке. Он оставил залог, взял машину, и после этого я не видел ни машины, ни его. Кража.

– Почему вы не сообщили в полицию?

– На это были свои причины, начальник.

– Короче говоря, вы сами ее сперли.

Скарр изобразил возмущение.

– До меня дошли скорбные слухи о человеке, который достал для меня эту тачку. Я больше ничего не скажу, – закончил он благоговейно.

– Когда вы давали эту машину, он заполнял квитанцию? Страховой полис, расписку и тому подобное? Где они?

– Липа, все вранье. Он мне оставил адрес в Илинге. Я пошел по этому адресу, но его не существует. Я уверен, что имя также вымышленное.

Мендель вынул деньги из кармана и протянул Скарру. Скарр развернул их и пересчитал без малейшего стеснения, не обращая внимания, что он не один.

– Я знаю, где вас найти, – сказал Мендель. – И вообще я вас знаю достаточно. Если вы рассказали сказку, я разобью вам морду.

Снова пошел дождь, и Смайли пожалел, что он без шляпы. Он перешел дорогу, повернул на боковую улицу, где стоял гараж Скарра. В гараже стояла машина с зажженными габаритами. Заинтригованный, он свернул к ней. Это был старый «МГ», вероятно, зеленого или коричневого цвета, в который его покрасили до войны. Номер был плохо освещен и забрызган грязью. Смайли нагнулся, чтобы разглядеть, проводя по буквам пальцем. ТРС 08-91. Без сомнения, это был один из тех номеров, которые он заметил накануне.

За спиной послышались шаги. Он выпрямился, успел обернуться только наполовину. Не успел он поднять руку, как на него обрушился удар.

Удар был ужасным. Смайли показалось, что его череп раскалывается надвое. Падая, он почувствовал теплую кровь на левом ухе. «Боже мой, это не должно повториться», – подумал Смайли. Он почти не осознавал, что было дальше. Ему виделось только собственное тело, медленно дробящееся, как скала, с треском разваливающаяся на куски, больше ничего. Ничего, только кровь, стекавшая по его лицу на шлак двора, и где-то далеко – удары молотка. Далеко-далеко.

Глава седьмая
Рассказ мистера Скарра

Мендель увидел его и не смог сразу понять, жив он или мертв. Он опустошил карманы его пальто и, осторожно прикрыв Смайли, помчался как сумасшедший к больнице и ворвался через дверь прямо в приемную неотложной помощи. Дежурил молодой темнокожий врач. Мендель показал ему удостоверение, прорычал что-то, схватил за руку, намереваясь вытащить на улицу. Врач терпеливо улыбнулся, покачал головой и по телефону вызвал машину скорой помощи.

Мендель выбежал на улицу и начал ждать. Через несколько минут приехала скорая помощь. Санитары ловко подняли Смайли и занесли в машину. «Похороните его, – подумал Мендель. – Я отплачу этой сволочи».

Он задержался на мгновение, глядя на грязь, смешанную с золой в том месте, где лежал Смайли. Красноватый свет задних фонарей машины не позволял ничего рассмотреть. Санитары

и жители соседних домов приходили и уходили, как призрачные грифы, вытоптали землю. Произошла грязная история. Они не любили грязных историй.

– Мерзавец, – прохрипел Мендель, медленно направляясь в кафе.

Зал был полон. Скарр заказывал еще стаканчик. Мендель схватил его за руку. Тот обернулся:

– Салют, приятель. Ты опять здесь? Выпей же немного яду, который убил Тантина.

– Заткнись! Выйди, мне надо с тобой поговорить.

Скарр качнул головой и сочувственно чмокнул языком.

– Не могу, приятель. Не могу, я занят.

Он указал на блондинку лет восемнадцати с накрашенными бледно-сиреневыми губами и неестественно большой грудью, сидящую совершенно неподвижно за столиком в углу. Ее подведенные глаза выражали постоянное удивление.

– Послушай, – прошипел Мендель, – ровно через две секунды я оторву тебе уши, грязный лжец.

Скарр отдал стакан хозяину и медленно, с достоинством вышел, не посмотрев на девчонку. Мендель повел его в сторону гаража. Фары машины Смайли виднелись в ста метрах впереди в конце улицы. Они вошли во двор. «МГ» все еще стоял там. Мендель крепко держал Скарра за руку, готовый в любой момент сломать ему руку или вывихнуть плечевой сустав.

– Смотри-ка! – воскликнул Скарр с притворным ликованием. – Она уже возвратилась в родные пенаты!

– Но она была украдена? Шотландцем высокого роста, с тросточкой, обитающим в Пойнте. С его стороны это здорово – вернуть машину. Дружеский жест после всего этого. Ты ошибся в твоем проклятом клиенте, Скарр. (Менделя трясло от ярости.) Интересно, почему же подфарники горят? Открой дверцу.

Скарр повернулся к Менделю и свободной рукой попытался найти ключ в кармане. Он вытащил связку из трех или четырех ключей, нащупал нужный и наконец открыл дверь. Мендель залез в машину и зажег свет внутри. Затем принялся тщательно осматривать салон. Скарр ждал, стоя рядом.

Инспектор начал быстро, но внимательно искать. Ящик для принадлежностей, сиденья, пол, пространство за задним сиденьем… Ничего. Он сунул руку в карман, где обычно хранят дорожные карты, и вынул оттуда схему дорог и вощеный длинный серо-синий конверт. На нем не было никаких пометок. Мендель вскрыл его. Там было десять потертых банкнот по пять фунтов и клочок почтовой открытки. Он поднес его к свету и прочел послание, написанное шариковой ручкой: «Все. Продавайте ее». Подписи не было.

Мендель вышел из машины и схватил Скарра за локоть. Тот резко отскочил.

– Неприятности, дружище?

Мендель ласково произнес:

– Не у меня, Скарр. У тебя. Самые крупные неприятности, которые у тебя когда-либо были. Участие в банде, покушение на убийство, многочисленные действия, подрывающие безопасность государства. Можешь добавить к этому нарушение правил дорожного движения, уклонение от уплаты налогов и дюжину других обвинений, которые мне взбредут в голову, пока ты будешь размышлять о своей несчастной судьбе в камере.

– Минутку, начальник, не будем горячиться. Что за история? Какой черт говорит об убийстве?

– Послушай, Скарр. Ты был жалким мошенником на поводу у крупных махинаторов. А сейчас ты сам попал в их число. Если тебе интересно мое мнение – это тебе будет стоить пятнадцати лет каталажки.

– Да ладно, перестаньте!

– Нет, не перестану, мой милый. Ты попал между двух огней, понимаешь? И расхлебывать кашу придется именно тебе. А что я буду делать? Я буду хохотать до упаду, клянусь Богом, в то время, как ты будешь гнить в тюрьме. Видишь эту больницу? Там умирает человек, которого пытался убить твой шотландец. Его нашли полчаса назад на твоем дворе истекающим кровью. В Саррэе тоже есть труп, и я не удивлюсь, если в каждом графстве Англии появится еще по одному. Так что это ты, дурачок, в затруднительном положении, а не я. И еще: ты единственный, кто знает этого шотландца, так? Быть может, он попытается это исправить?

Скарр медленно обошел машину.

– Залезай, начальник, – сказал он.

Мендель сел за руль и открыл дверь Скарру. Тот уселся рядом. Свет они не выключали.

– У меня здесь неплохое занятие, – тихо проговорил Скарр. – И прибыль хоть небольшая, но постоянная. По крайней мере, так было до приезда этого парня.

– Какого парня?

– Спокойно, не перебивай. Это было четыре года назад. До встречи с ним я не верил в сказки. Он сказал, что он голландец и занимается торговлей драгоценными камнями, Я не буду говорить, что он мне показался порядочным, потому что ни вы, ни я с луны не свалились. Я никогда его не спрашивал, чем он занимается, а он мне никогда не говорил. Но я предполагаю, что контрабандой. Он был при деньгах; они сыпались из его карманов, как листья осенью. Он сказал мне: «Скарр, вы деловой человек. Я не люблю рекламы и никогда не любил. Я знаю, что в этом мы сходимся. Мне нужна машина. Не навсегда, а напрокат». Я спросил: «Так что вы мне предлагаете?» «Я скромный, – ответил он. – Мне нужна машина, которую не смогли бы опознать в случае аварии. Купите ее для меня, Скарр. Старую хорошую машину с мощным двигателем. Оформите на свое имя и держите для меня. Для начала я даю вам пятьсот фунтов, и двадцать вы будете получать каждый месяц. За каждую мою поездку, Скарр, будет премия. Но я застенчив, понимаете? Поэтому вы меня не знаете. Именно за это я вам и плачу. За то, что вы меня не знаете». Я никогда не забуду этот день. Шел проливной дождь, и я осматривал старое такси, которое мне достал один тип из Уондсворта. Я задолжал сорок фунтов букмекеру, и легавые положили на меня глаз из-за машины, которую я купил в кредит и перепродал в Клэпхеме.

Скарр глубоко вздохнул.

– А тут вдруг появился он и засыпал меня банкнотами, будто использованными карточками со скачек.

– Его приметы? – спросил Мендель.

– Он очень молодой. Крупный, светловолосый, но холодный. Холодный, как мрамор. С того дня я его ни разу не видел. Он присылал мне письма с лондонским штемпелем, отпечатанные на обычной бумаге. Очень просто: «Будьте готовы в понедельник вечером», «Будьте готовы в четверг вечером» и так далее. Все было предусмотрено. Отрегулировав и заправив, я оставлял машину во дворе. Он никогда не сообщал, когда вернется. Он пригонял машину ко времени закрытия или позже, не выключая огней и не закрыв дверь на ключ. В кармане для карт я находил деньги из расчета два фунта за день поездки.

– Что ты предусматривал на случай непредвиденных осложнений или твоего ареста?

– У меня был номер телефона. Он мне сказал – звонить и называть определенное имя.

– Какое?

– Он сказал, чтобы я сам придумал. Я выбрал «Блонди». Он нашел его не очень забавным, но согласился. «Примроз, 00-98».

– Ты им когда-нибудь пользовался?

– Да, два года назад я провел десять дней в Маргейте. Я подумал, что надо его предупредить. Трубку взяла девушка, голландка, судя по акценту. Она сказала, что Блонди в Голландии и что она ему все передаст. После этого я больше не звонил.

– Почему?

– Я начал замечать одну вещь: он регулярно приезжал раз в две недели – первый и третий вторник каждого месяца, кроме января и февраля. Это был первый раз, когда он приехал в январе. В основном машину он возвращал по четвергам. Странно, что он вернулся сегодня вечером. Но больше-то он, небось, не появится?

Скарр держал в своей громадной руке обрывок почтовой открытки, который взял у Менделя.

– Бывало, что он не приходил? Или отсутствовал в течение долгого времени?

– Зимой он приезжал менее часто. В январе и феврале он вообще не приезжал, я же вам говорил.

Мендель все еще держал в руке пятьдесят фунтов. Потом бросил их на колени Скарру.

– Не думай, что ты легко отделался. Я не хотел бы оказаться на твоем месте даже ради суммы в десять раз большей. Я еще приду.

Скарр казался обеспокоенным.

– Я бы не проболтался, – сказал он. – Но я не хочу быть втянутым в грязную историю, понимаешь? Даже если от этого пострадает старая Англия, а, начальник?

– Ладно, заткнись, – сказал Мендель.

Он устал. Взяв открытку, он вышел из машины и направился в больницу.

Ничего нового он там не узнал. Смайли не приходил в себя. Сообщили в уголовную полицию. Мендель решил, что лучше оставить свой адрес и имя и вернуться домой. Из больницы обещали позвонить, если будут новости. После долгих объяснений Мендель добился, чтобы медсестра дала ключ от машины Смайли.

Он подумал: Митчем – невыносимое место.

Глава восьмая

Размышления в больничной палате

Он ненавидел эту кровать, как утопающий ненавидит море. Он ненавидел это одеяло, сковавшее его так, что он не мог пошевельнуть ни ногой, ни рукой.

И он боялся этой вселяющей страх палаты. Возле двери стоял столик на колесиках с множеством предметов, наводящих ужас на непосвященного. Ножницы, бинты, пузырьки, скрывающиеся под белой, как при последнем причастии, простыней. Бутыли, большие – наполовину покрытые салфеткой – стояли, как белые орлы, готовые вырвать внутренности Смайли, а внутри тех, что поменьше, как змеи, свернулись резиновые трубки. Все это пугало Смайли. Ему было жарко, и пот струился по его телу. Ему было холодно, и пот сжимал его, стекая по бокам, как замороженная кровь. Ночи сменяли дни, но Смайли не мог отличить ночь от дня. Он вел бесконечную борьбу со сном, ибо стоило глазам закрыться, Смайли видел хаос своего рассудка. И как только под собственной тяжестью смежались веки, он собирал все силы, чтобы поднять их и снова пристально смотреть на мерцающий бледный огонек где-то над ним.

Потом наступил благословенный день, когда кому-то в голову пришло открыть ставни, дав доступ серому зимнему свету. Он услышал шум и движение и понял, что будет жить.

Смерть становилась академичной проблемой, долгом, отсроченным до времени, когда он будет богатым и сможет уплатить его на свой лад.

Это было ощущение комфорта, почти невесомости. Свет над ним раздражал, он хотел бы обозревать другой «пейзаж». Виноград, запах медовых пирожных, цветов, шоколада – все это нагоняло тоску. А он хотел книг, литературных журналов; как он сможет быть в курсе

литературных событий, если ему не дают книг? И без того было сложно узнать что-нибудь о периоде, который его интересовал, раздобыть толковую статью о семнадцатом веке.

Через три недели Менделю разрешили навестить его. Он вошел, в одной руке держа новую шляпу, в другой – книгу о пчелах. Он положил шляпу на кровать, а книгу – на ночной столик, улыбаясь до ушей.

– Я принес книжонку о пчелах, – сказал он. – Чертовски любопытные создания! Наверное, это вас заинтересует. (Он сел на край кровати.) Я купил новую шляпу. Очень трогательно с моей стороны. В честь отставки.

– А, я и забыл. Вас ведь тоже сдали в архив.

И они оба рассмеялись. Потом умолкли. Смайли моргнул.

– Я вижу вас не очень четко, и это меня пугает. Мне запретили носить старые очки. Вместо них дадут другие. (Он сделал паузу.) Вы не знаете, кто это сделал?

– Трудно сказать. Мне кажется, я напал на верный след. Но я продвинулся недалеко, вот в чем досада. Я мало знаю о том, чем вы занимались. Представительство Восточногерманской сталелитейной компании, вам говорит о чем-нибудь это название?

– Мне кажется, да. Они обосновались здесь четыре года назад и начали переговоры с министерством торговли.

Мендель подробно рассказал о сделке со Скарром.

– …А тот представился голландцем. Для Скарра единственной возможностью связаться с ним было позвонить по телефону: «Примроз» и что-то там дальше. Я проверил. Абонентом является Восточногерманская компания. Я послал одного из моих парней узнать все на месте. Они уехали, не оставив ничего, даже мебели, даже телефона, остался только провод.

– Когда они уехали?

– Третьего января. В день, когда был убит Феннан.

Он лукаво посмотрел на Смайли. Мгновение подумав, Смайли сказал:

– Завтра же найдите Питера Гиллэма из министерства обороны и хоть за шиворот приведите сюда.

Мендель взял шляпу и направился к двери.

– До свидания, – сказал Смайли, – и спасибо за книгу.

– До завтра, – ответил Мендель и вышел.

Смайли снова опустился на подушку. У него разболелась голова. Черт возьми, вздохнул он, я забыл поблагодарить его за мед. А ведь он покупал его в «Фортнамс»[2].

Утренний звонок. Вот что интриговало Смайли больше всего. Это, конечно, было глупо, но из всех необъяснимых деталей дела этот вопрос особенно смущал Смайли.

Объяснение Эльзы Феннан было нескладным и глупым. Вот Энн – та бы перевернула всю центральную вверх дном, если бы захотела. Но только не Эльза Феннан. Ничего в этом маленьком, настороженном и умном лице, в ее полном независимости виде не говорило, что она была так легкомысленна, как хотела казаться. Она могла бы сказать, что в центральной ошиблись номером, перепутали день, еще что-нибудь. Вот у Феннана были причуды. Это была одна из странностей его характера, на которую проведенное накануне разговора расследование пролило свет. Он зачитывался вестернами, страстно играл в шахматы, любил иногда пофилософствовать и помузицировать, был человеком интеллигентным и думающим, но рассеянным. Однажды он прихватил с работы секретные документы, что послужило причиной ужасного скандала. В конце концов выяснилось, что он их положил в портфель вместе с «Таймс» и вечерней газетой перед тем, как идти домой. Вспомнила ли она в панике причуды своего мужа? Или же позаимствовала у него линию своего поведения? Может быть, Феннан заказал звонок, чтобы ему напомнили о чем-нибудь, а Эльза воспользовалась этим

поводом? Но в таком случае, что же Феннан должен был вспомнить? И что его жена пытается утаить?

Сэмюэл Феннан. Старое и новое столкнулось в нем. Верный сын своего времени в глазах Смайли, преследуемый, как Эльза, и изгнанный из усыновившей его Германии, он поступил в английский университет. Благодаря своим знаниям он преодолел трудности и предрассудки, чтобы в конце концов поступить на работу в Форейн Офис[3]. Это был блестящий успех, которым он был обязан своим выдающимся способностям.

Культурный, чувствительный, равно известный как в Уайтхолле, так и в Саррэе, где он посвящал множество часов в конце каждой недели благотворительным акциям. Его любимым увлечением были лыжи. Каждый год он ездил на полтора месяца в Швейцарию или в Австрию. После изгнания он лишь раз побывал в Германии с женой четыре года назад.

То, что Феннан примкнул к левым в Оксфорде, было вполне естественным. Это было время расцвета фашизма в Германии и Японии, франкистского мятежа в Испании. В Америке царил кризис, в Европе бушевал особенно мрачный антисемитизм: было вполне естественно, что Феннан в этом искал выход своему гневу и возмущению.

Смайли мог представить Феннана в то время: серьезного, приводящего своим товарищам примеры пережитых страданий; настоящий ветеран среди новичков. Его родители умерли. Отец был достаточно предусмотрителен, чтобы сохранить небольшой счет в Швейцарии. Не ахти какие деньги, но хватало, чтобы оплачивать обучение Феннана в Оксфорде и оградить его от холодного ветра бедности.

Смайли отчетливо вспомнил тот разговор; такой же человек, как все, но в то же время другой. Отличающийся речью. Феннан говорил легко, живо, убедительно.

«Самый счастливый день был тот, – рассказывал он, – когда пришли шахтеры. Они пришли из шахт, понимаете, и для товарищей это был символ свободы, спустившейся с ними с гор. Они объявили марш голода. Моим товарищам по организации никогда бы не пришла мысль, что протестовавшие действительно хотели есть. Но я думал иначе. Тогда мы взяли напрокат грузовик, и женщины приготовили рагу. Тонны рагу. С мясом, купленным по сходной цене у одного сочувствующего торговца. Все это погрузили в машину и поехали навстречу. Они съели рагу и продолжали марш. Между нами говоря, мы им были неприятны. Нам не верили, понимаете? (Он рассмеялся и продолжал.) Они были такие мелкие… Вот что меня поразило больше всего. Маленькие и совсем черные, как домовые. Мы думали, что они будут петь. И они действительно запели, но не для нас. Для себя. Впервые я встретил валлийцев. Мне кажется, что именно они помогли мне понять мой род. Я еврей, понимаете? (Смайли кивнул головой в знак согласия.) Когда валлийцы ушли, у моих соратников опустились руки. Что делать, когда мечта уже осуществилась? Там мы поняли, почему партия не очень нуждается в интеллигенции. Я думаю, что они чувствовали себя униженными, даже пристыженными. Им было неловко за свои комнаты, за свои кровати, за свой талант и юмор. Они, при всяком удобном случае поминавшие Харди[4], который изучил стенографию без чьей-либо помощи, с кусочком мела, на угольной стенке, они стыдились своих бумаг и карандашей, понимаете? Но не выбрасывать же их. Тогда я все понял, и это заставило меня выйти из партии».

Смайли хотел его спросить, что же он сам чувствовал, но Феннан снова заговорил. Феннан отдавал себе отчет в том, что его не многое связывало с партией. Это были не взрослые, а дети, мечтающие о Празднике свободы, радостных огнях, цыганской музыке, пересекающие Бискайский залив на белых лошадях и испытывающие детскую радость, расплачиваясь за пиво для приехавших из Уэльса домовых. Послушные мальчики, разом поворачивающие покорные вихрастые головы к восточному солнцу. Малыши, которые любили друг друга, а думали, что сражаются против всего мира. Вскоре он нашел все это комичным и трогательным. По его мнению, они с таким же успехом могли бы вязать носки солдатам. Несоответствие между

мечтой и реальностью заставило Феннана пересмотреть и то и другое; он принялся поглощать тома истории и философии и, к своему большому изумлению, нашел мир и покой в завершенности марксистских идей. Он смаковал их неумолимую строгость, чувствуя себя охваченным решимостью, с которой они ниспровергали традиционные ценности. И в конце концов именно это, а не сама партия, обрекло его на одиночество: философия, требовавшая всеобщей покорности догмам, одновременно унизительным и будоражащим. А так как успех и процветание пришли, а с ними и врастание в общество, он с чувством грусти и сожаления отказался от своих увлечений молодости как от богатства, которое нужно было оставить в Оксфорде вместе с годами юности.

Вот как Феннан все ему изложил, и Смайли понял. Поскольку он ожидал обычной язвительной и полной обиды истории и готовился отнестись к ней с предубеждением, он сразу ему поверил. Во всяком случае, Смайли вынес для себя другое из этого разговора: уверенность, что Феннан не сказал самого главного.

Была ли прямая связь между покушением на Байсуотер-стрит и смертью Феннана? Смайли упрекал себя за то, что дал волю своему воображению. Если все рассмотреть в развитии, ничего, кроме последовательности событий, не указывало, что Феннан и Смайли играли в одной трагедии. Конечно, была последовательность событий. Конечно, но была и интуиция Смайли, или его опыт, шестое чувство, подсказавшее ему позвонить и не воспользоваться своим ключом, но тем не менее не предупредившее его о скрывающемся в темноте ночи убийце со свинцовой трубой в руках.

В разговоре не было и намека на торжественность. Прогулка по парку больше напоминала Оксфорд, чем Уайтхолл. Парк, кафе у Миллбанка – да, развитие было разным, но результат… Чиновник из Форейн Офис, серьезно разговаривающий с непримечательным незнакомцем… Разве что незнакомца кто-то узнал!

Смайли взял первую попавшуюся книгу и начал записывать карандашом на форзаце:

«Допустим абсолютно недоказуемую вещь: убийство Феннана и покушение на Смайли связаны. Тогда какие же связи между Смайли и Феннаном были до смерти Феннана?

1. До разговора в понедельник второго января я ни разу не встречался с Феннаном. Я изучал его досье в управлении и занимался предварительным расследованием.

2. Второго января я один поехал в такси в Форейн Офис. Форейн Офис организовал встречу, но не знал, кому поручает ее провести. Ни Феннан, ни кто-либо другой, кроме работников моего отдела, заранее не знали, что приду именно я.

3. Разговор проходил в двух местах: сначала в Форейн Офис, где люди проходили кабинет, не обращая на нас внимания, потом на улице, где нас мог видеть кто угодно.

Что же было дальше? Ничего, разве что… Да, это был единственно возможный вывод: разве что кто-нибудь, увидев их вместе, узнал не только Феннана, но и Смайли и при этом имел веские причины помешать их встрече. Зачем? Для кого опасен Смайли?..»

Вдруг глаза его широко открылись. Ну конечно же, он был опасен только как агент службы безопасности.

Он отложил карандаш.

Стало быть, убийца Феннана любыми средствами пытался помешать ему встретиться с представителями службы безопасности. Может, это кто-то из Форейн Офис? Но тогда он должен был бы знать также и Смайли. Какой-то знакомый Феннана по Оксфорду, о котором тот знал, что он был коммунистом, опасающийся разоблачения и подозревающий, что Феннан что-то скажет или уже сказал? Тогда в последнем случае Смайли должен был быть немедленно ликвидирован до того, как он укажет определенное признание в докладе.

Все это объяснило бы убийство Феннана и покушение на Смайли. Это логично, но не более того. Он построил карточный домик, такой большой, какой только мог построить. Но в его

руках еще оставались карты. А Эльза? Ее ложь, ее страх? А машина, а телефонный звонок в восемь тридцать? А анонимное письмо?

Если убийца опасался встречи Смайли с Феннаном, он не стал бы привлекать к Феннану внимание, написав на него донос. Тогда кто? Кто?

Он опустился на подушку и закрыл глаза. Голова раскалывалась от боли. Может, Питер Гиллэм поможет? Это единственная надежда.

Голова пошла кругом. Боль была невыносимой.

Глава девятая
Эскизы

Мендель, улыбаясь до ушей, впустил в палату Питера Гиллэма.

– Вот и он! – сказал Мендель.

Разговор не клеился. Внезапная отставка Смайли, несуразность этой встречи в больнице – все это смущало Гиллэма. На Смайли был синий больничный халат, его волосы выбивались из-под бинтов, а на левом виске еще оставался громадный кровоподтек.

После какой-то неловкой тишины Смайли заговорил:

– Питер, Мендель рассказал вам, что со мной произошло. Что вы как эксперт знаете о Восточногерманской сталелитейной компании?

– На них у нас ничего нет, старина, если не принимать во внимание их внезапный отъезд. Там было только трое и собака. Они обосновались где-то в Хэмпстеде. Никто так до конца и не понял, зачем они приехали, но они неплохо поработали за эти четыре года.

– Что входило в их функции?

– Черт его знает. Мне кажется, что сначала они вообразили, что покорят министерство торговли, разобьют европейские сталелитейные корпорации, но их приняли холодно. Тогда они занялись коммерческими связями как обычное ведомство под эгидой консульства, особое внимание уделив станкам и легкой промышленности, обмену производственной и технической документацией и тому подобное. Это не имело никакого отношения к цели их приезда, но в качестве прикрытия это могло бы им подойти.

– Кто там был?

– А, два техника. Доктор Шварцкопф и доктор Копшварц, что ли. Две девушки и фактотум[5].

– Что за фактотум?

– Не знаю. Какой-то молодой дипломат, предназначенный для сглаживания углов. У нас в департаменте есть досье на него, и я думаю, что смогу вам прислать подробности.

– Если это вам не покажется затруднительным…

– Ну конечно же, нет.

Снова неловкое молчание. Тишину нарушил Смайли:

– Мне очень бы пригодились фотографии, Питер. Вы могли бы их найти?

– Да-да, естественно. (Гиллэм с несколько смущенным видом отвел от Смайли взгляд.) Правда, о ГДР мы знаем очень мало. Только разрозненная информация – то отсюда, то оттуда. Но вообще они остаются загадкой. Обычно они работают без прикрытия коммерции или дипломатии. Вот почему я с трудом поверил, если вы не ошиблись по поводу вашего типа, что он работал в представительстве сталелитейной компании.

– Вот как? – невозмутимо проронил Смайли.

– Как, как работают? – спросил Мендель.

– Очень трудно делать обобщения, исходя из отдельных известных нам случаев. Мне кажется, что агентов они забрасывают прямо из Германии, не вступая в контакт с резидентом и агентами в зоне действия.

– Но, должно быть, это ужасно ограничивает их деятельность, но их цели кажутся такими ничтожными. Они предпочитают посылать иностранцев – шведов, польских эмигрантов, еще кого-нибудь – на краткосрочные задания, не требующие особой компетентности. В исключительных случаях, когда их агенты помещаются в страны-мишени, они используют систему курьеров, скопированную с советского образца.

Смайли внимательно слушал.

– В самом деле, – продолжал Гиллэм, – недавно американцы перехватили одного из курьеров, и так мы узнали кое-что о технике ГДР.

– В смысле?

– Ну, они никогда не ждут встречи. Всегда встречаются не в назначенное время, а на двадцать минут раньше; есть опознавательные сигналы, обычные фокусы конспираторов, придающих огромное значение сведениям третьего сорта. Курьер может связаться с тремя или четырьмя агентами, резиденту подчиняются около пятнадцати. Они никогда не пользуются псевдонимами.

– Как это? А как же без них?

– Агент сам выбирает себе имя на месте. Любое имя. А резидент утверждает. Система очень…

Он умолк и удивленно посмотрел на Менделя. Тот подпрыгнул на стуле.

* * *

Гиллэм устроился на стуле и спросил себя, можно ли курить. Конечно, нет, ответил он сам себе с сожалением. А он с удовольствием закурил бы сигарету.

– Ну? – спросил Смайли.

Мендель описал Гиллэму свой разговор со Скарром.

– Это сходится, – сказал Гиллэм. – Похоже, это сходится с тем, что мы знаем. Но мы знаем немного. Если Блонди – курьер, странно, по крайней мере для меня, чтобы его штабом было представительство.

– Вы говорите, что компания находится здесь уже четыре года? – начал Мендель. – Четыре года назад Блонди приехал к Скарру в первый раз.

Секунду все молчали. Потом Смайли серьезно спросил:

– Питер, это возможно, не так ли? Я имею в виду, что для того, чтобы совершать определенные операции, им наверняка нужен был здесь постоянный пункт и курьеры.

– Да, конечно, это возможно, если бы они готовили из ряда вон выходящее.

– Вы хотите сказать, что если бы у них действовал агент, занимающий здесь высокий пост?

– Да, что-то в этом роде.

– Предположим, что такой агент существует. Какой-нибудь Маклин или Фукс. Тогда они устраивают здесь пункт под прикрытием торгового представительства, которое предназначено только для поддержки агента?

– Да, это возможно. Но вы далековато зашли, Джордж. Как вы утверждаете, агент получает задание из-за границы с помощью курьера, которого, в свою очередь, поддерживает

представительство, которое, кроме всего, играет роль ангела-хранителя для агента. Тогда это, должно быть, важная птица.

– Я, конечно, не совсем так говорил, но что-то в этом роде. Я думаю, что система требует агента первой величины. Блонди, кажется, говорил, что приехал из-за границы, но это заявление ничто не подтверждает.

Мендель добавил ложку дегтя:

– Этот агент должен входить в непосредственный контакт с представительством?

– Боже мой, да нет же! – воскликнул Гиллэм. – Он употребляет, по-видимому, специальный метод, чтобы связаться с ним в случае необходимости. Телефонный код или что-то в этом роде.

– А как это? – спросил Мендель.

– Когда как. Возможно, с помощью системы ложного номера. Вы звоните из телефона-автомата и просите позвать Джорджа Брауна. Вам отвечают, что Джордж Браун здесь не живет. Вы извиняетесь и вешаете трубку. Время и место встречи назначены заранее. Имя, которое вы спрашивали, означает, что дело срочное, и кто-то придет на встречу.

– А для чего еще представительство? – спросил Смайли.

– Трудно сказать. Платит агенту, наверное. Оно назначает место и согласовывает связь. Резидент обеспечивает все необходимые условия для агента, а инструкции ему передает курьер. Как я вам уже говорил, они работают по советской системе: резидент занимается всем. «Исполнители» имеют очень ограниченную свободу действий.

Снова молчание. Смайли посмотрел на Гиллэма и Менделя и сказал:

– Блонди никогда не навещал Скарра в январе и феврале, не так ли?

– Нет, – ответил Мендель, – это произошло впервые.

– Феннан постоянно отправляется кататься на лыжах в январе и феврале. В этом году, впервые за четыре года, он никуда не ездил. Я задаюсь вопросом, – продолжал Смайли, – должен ли я встретиться с Мастоном?

Гиллэм с наслаждением потянулся и улыбнулся:

– Почему бы и нет? Он придет в восторг, узнав, что вам проломили череп. У меня смутное предчувствие, что он подумает, что Бэттерси находится на берегу моря, но неважно. Скажите ему, что на вас напали во время прогулки по территории частного владения. Он поймет. Расскажите также о том, кто на вас напал, Джордж. Учтите, что вы его никогда не видели, не знаете его имени, но это связной немецкой разведки. Мастон подтвердит ваши слова. Он всегда так делает. Особенно когда он должен представить рапорт министру.

Смайли посмотрел на Гиллэма, но ничего не ответил.

– Вам проломили череп, – добавил Гиллэм. – Его это убедит.

– Но, Питер…

– Знаю, Джордж, знаю.

– Но дайте мне сказать еще кое-что. Блонди приходил за автомобилем в первый вторник каждого месяца.

– Ну и что?

– Именно в этот день Эльза Феннан посещала Вэйбриджский театральный клуб. По ее словам, Феннан работал допоздна по вторникам.

Гиллэм встал.

– Я вас ненадолго оставлю, Джордж. Вечером я вам обязательно позвоню, – сказал он Менделю. – Во всяком случае, я не знаю, что бы мы могли сейчас предпринять, но было бы приятно знать, с чего начинать, не так ли? (Он направился к двери.) Кстати, где сейчас вещи Феннана? Бумажник, записная книжка и так далее. Все то, что при нем нашли.

– Все вещи, наверное, еще в комиссариате, – ответил Мендель. – Все это будет там до окончания следствия.

Некоторое время Гиллэм смотрел на Смайли, не зная, что еще сказать.

– Может, вам еще что-нибудь нужно, Джордж?

– Нет, спасибо. Разве что…

– Что?

– Не могли бы вы сделать так, чтобы уголовная полиция оставила меня в покое? Они уже приходили ко мне три раза, но для них у меня ничего нет. Не могли бы вы устроить, чтобы разведка занялась этим немедленно? Примите таинственный вид, подсластите им пилюлю.

– Думаю, мне это удастся.

– Я знаю, что это трудно, Питер, так как я уже не…

– А! У меня есть новость, которая поднимет вам настроение. По моему поручению сравнили последнее письмо Феннана и анонимное послание. Они были напечатаны разными людьми на одной машинке. Нажим пальцев и интервал различны, но шрифт идентичен. До встречи, старина.

Гиллэм закрыл за собой дверь. Они услышали его шаги, гулко отдающиеся в пустынном коридоре.

Мендель свернул сигарету.

– Господи! – произнес Смайли. – Вы уже ничего не боитесь? Вы что, не видели дежурную медсестру?

Мендель иронично улыбнулся.

– Живем только раз, – ответил он, прикуривая сигарету.

Смайли смотрел, как он прикуривает. Он вытащил зажигалку, своим грязным большим пальцем крутанул колесико, быстро сложил руки, чтобы прикрыть пламя, направляя его к сигарете. Можно было подумать, что начался ураган.

– Так вы эксперт по составу преступления, – сказал Смайли. – Как ваши успехи?

– Плохо. Ничего не ясно.

– Почему?

– Куча вопросов без ответа. Это работа не для полицейского. Ничего нельзя проверить. Как в алгебре.

– При чем тут алгебра?

– Надо сначала доказать то, что возможно доказать. Найти ответы на вопросы; действительно ли миссис Феннан ходила в театр? Была ли она одна? Слышали ли соседи, как она вернулась? Если да, то в каком часу? В действительности ли Феннан возвращался поздно по вторникам? В действительности ли его жена посещала театр раз в две недели, как она это утверждает?

– А вызов на восемь тридцать? Вы можете его объяснить?

– Это вас мучает, да?

– Да, из всех оставшихся нерешенных вопросов этот – самый загадочный. Я его рассматриваю со всех сторон и ничего не понимаю. Я проверил распорядок Феннана. Это был пунктуальный человек, он часто приезжал в Форейн Офис первым. Сам открывал сейф. Он ездил поездом на 8.54 или же на 9.08, а если же опаздывал, то на 9.14. Первый поезд прибывал в 9.38. Он не любил приходить в без пятнадцати десять. Таким образом, он, конечно же, не мог попросить, чтобы его разбудили в восемь тридцать.

– Может быть, он любил слушать звонок? – сказал Мендель поднимаясь.

– Еще и письма, – продолжал Смайли. – Напечатанные на одной машинке, но разными людьми. Не считая убийцы, два человека могли воспользоваться машинкой: Феннан и его жена. Предположим, что предсмертное письмо напечатал Феннан, а подписал его, несомненно, он. Мы должны из этого заключить, что Эльза Феннан напечатала анонимное письмо. Зачем она это сделала?

Смайли устал. Он почувствовал облегчение, увидев, что Мендель уходит.

– Я удаляюсь. Чтобы постараться найти неизвестные этого уравнения.

– Вам будут нужны деньги, – сказал Смайли, доставая несколько банкнот из бумажника, лежащего на столе у кровати.

Мендель без стеснения взял деньги и вышел. Смайли лег на спину. Его голова гудела, как барабан, пылала, как раскаленное железо. Он хотел позвать медсестру, но из-за малодушия не сделал этого. Мало-помалу боль отступила. Он услышал сирену скорой помощи, которая свернула с аллеи Принс де Галль и заехала во двор больницы. «Может быть, ему нравилось слушать звонки?»– пробормотал Смайли и заснул.

Его разбудил разговор. Он услышал протестующий голос медсестры, затем настойчивый – Менделя. Рывком открылась дверь, и кто-то зажег свет. Смайли приподнялся, протер глаза и взглянул на часы. Без пятнадцати шесть. Мендель что-то ему говорил, почти кричал. Что он говорит? Что-то по поводу моста в Бэттерси… Речная полиция… Исчез вчера…

Он полностью проснулся. Адам Скарр погиб.

Глава десятая

Рассказ девы

Мендель вел машину замечательно, даже немного педантично, что Смайли находил забавным. Как обычно, на дороге в Вэйнбридж было интенсивное движение. Мендель ненавидел автомобилистов. Дайте человеку машину – и он оставит всякое смирение и весь здравый смысл в гараже. Мендель видал епископов, облаченных в пурпур, едущих со скоростью сто десять километров в час по оживленным кварталам и наводящих ужас на пешеходов.

Ему нравились машина Смайли и та тщательность, с которой он за ней ухаживал: зеркала на крыльях и фары заднего хода блестели. Это была приличная небольшая машина.

Ему нравились обстоятельные люди, которые заканчивали то, что начинали. Он любил профессиональную сознательность и точность. Без заусениц. Как у этого убийцы. Как там о нем сказал Скарр? «Молодой, но холодный. Холодный, как мрамор». Он знал этот взгляд, и Скарр тоже с ним познакомился… Выражение полнейшего равнодушия в глубине глаз молодого убийцы. Это не оскал дикого животного, не кровожадная гримаса сумасшедшего, но взгляд, порожденный испытанной и подтвержденной компетентностью палача. Этот взгляд таил в себе бóльшую опасность, чем та, которой он подвергался во время войны. Видеть смерть в лицо во время войны – это притупляет чувства. Но убеждение в собственном превосходстве, которым наполняется сердце наемного убийцы, проникает глубже, намного глубже. Мендель уже видел такое: парень, державшийся особняком от банды, бесцветные глаза, ничего не выражавшее лицо, из тех, которыми интересуются женщины и о которых они говорят без улыбки. Точно, тот был очень холодным, как мрамор.

Смерть Скарра взволновала Менделя. Он заставил Смайли пообещать, что тот, выйдя из больницы, не вернется на Байсуотер-стрит. Впрочем, была небольшая надежда, что «они» считают его мертвым. Убийство Скарра явно доказывало: преступник все еще в Англии и все еще занимается уничтожением тех, кто мог бы его выдать. «Когда я смогу встать, – говорил Смайли накануне, – надо будет заставить его вылезти из норы. Мы приманим его сыром». Мендель знал, что это за сыр: Смайли. Но если они узнали истинные мотивы, то будет и другая

приманка: жена Феннана. Конечно, с горечью думал Мендель, то, что она еще не убита, не говорит в ее пользу. Ему стало стыдно за себя, и он начал думать о другом: снова о Смайли.

Чудак этот Смайли. Он напоминал Менделю толстого паренька, с которым он играл в футбол в школе, неспособного бегать, попасть по мячу, близорукого, как крот, но игравшего как одержимый до тех пор, пока его майка не превращалась в лохмотья. А на тренировках по боксу он неуклюже передвигался по рингу, открыв лицо и беспорядочно размахивая руками, и к концу раунда его избивали до полусмерти.

Мендель остановил машину возле придорожного кафе, чтобы выпить кофе, затем поехал в Вэйбридж. Вэйбриджский театр был расположен на улице с односторонним движением, идущей от Хаф-стрит, следовательно, припарковать машину там не представлялось возможным. В конце концов он оставил ее невдалеке от вокзала и вернулся в город пешком.

Центральный вход в театр был закрыт на замок. Мендель обогнул здание, пройдя через кирпичную арку. Выкрашенная в зеленый цвет дверь с решеткой и написанными вверху мелом словами «Служебный вход» была приоткрыта. Звонка не было. Из темно-зеленого коридора доносился слабый аромат кофе. Мендель вошел и спустился в проход, в конце которого он обнаружил каменные ступени, снабженные железными перилами и ведущие к другой зеленой двери. Запах кофе усилился, и он услышал голоса.

– О черт! Послушай, дорогой, нам на это наплевать! Если городским театралам три месяца подряд не надоедает смотреть Бэрри, то пусть смотрят. Пусть это будет Бэрри или «Кукушка в гнезде», но Бэрри, правда, я ценю чуть больше.

Эти слова были произнесены женщиной средних лет. Мужской голос едко отвечал:

– Людо вполне может сыграть Питера Пэна, не так ли, Людо?

– Ах ты негодяй! – вмешался еще один мужской голос.

В это время Мендель открыл дверь.

Он оказался за кулисами. Слева от него с дюжину корзинок было поднято на деревянное панно. Нелепый стул в стиле рококо, весь в позолоте и завитушках, стоял рядом для суфлера или режиссера. В середине сцены двое мужчин и одна женщина, сидя на бочонках, курили и пили кофе. Декорация изображала корабельный мостик с оснасткой. Мачты и веревочные лестницы занимали середину подмостков; большая пушка из картона угрюмо взирала на полотно с изображением моря и неба.

Появление Менделя резко оборвало разговор. Кто-то пробормотал:

– Господи, вот и дух пиршества!

И все трое, фыркнув, посмотрели на вошедшего. Женщина первой нарушила молчание:

– Вы кого-нибудь ищете, приятель?

– Извините за беспокойство, я хотел бы с вами поговорить по поводу абонемента. Я хочу стать членом клуба.

– Да-да, конечно. Как это мило с вашей стороны! – сказала она, поднимаясь и приближаясь к нему. – Это действительно очень любезно.

Двумя руками она пожала его левую руку, затем отступила и сделала характерный жест владелицы замка – Леди Макбет, встречающая Дункана. Склонив голову набок, она по-детски улыбнулась, снова взяла его за руку и через сцену провела к противоположным кулисам. Одна из дверей вела в крошечный кабинет, оклеенный старыми программами и афишами, заставленный баночками с кремом, париками и броскими костюмами моряков.

– Вы смотрели нашу пантомиму в этом году? «Остров сокровищ». Успех чрезвычайно ободряющий. И, говоря официально, успех гораздо более весомый, чем все эти затертые бабушкины сказки. Вы не находите?

– Да, может быть, – пробормотал Мендель, не имея ни малейшего представления о том, что она хотела сказать.

Его взгляд упал на кучу счетов, аккуратно сложенных и скрепленных зажимом. Верхний предназначался миссис Людо Ориель и был четырехмесячной давности.

Миссис Ориель пронзительно смотрела на него сквозь очки. Она была маленькая, темноволосая, с морщинистой шеей и сильно накрашенным лицом. Толстым слоем крема она безуспешно пыталась скрыть морщины у глаз. Она была в брюках и вязаной кофте с пятнами от краски. Она непрерывно курила. У нее был громадный рот, и поскольку она держала сигарету посредине губ, то они образовывали преувеличенную выпуклую кривую, которая искажала нижнюю часть лица и придавала ему неуживчивое и нетерпеливое выражение.

Мендель подумал, что она, без сомнения, окажется хитрой и упрямой. К счастью, она не может оплатить счета, и это облегчит дело.

– Вы действительно хотите стать членом клуба?

– Нет.

Она пришла в ярость.

– Если вы один из этих чертовых поставщиков, можете убираться. Я сказала, что заплачу, и сделаю это, но не докучайте мне. Если вы внушите людям, что я погибла, конечно, я погибну. Но потеряете вы, а не я.

– Я не кредитор, миссис Ориель. Я пришел, чтобы предложить вам деньги.

Она ждала.

– Я занимаюсь разводами. Есть один богатый клиент. Я хотел бы задать вам несколько вопросов. Мы компенсируем ваше потерянное время.

– Черт побери, – вздохнула она облегченно. – Почему же вы сразу не сказали?

Они рассмеялись. Мендель отсчитал пять банкнот по фунту и положил их на стопку счетов.

– Каким образом составляется список членов вашего клуба? Какие у них льготы?

– Ну, мы подаем кофе каждое утро в одиннадцать часов. Члены клуба могут общаться с актерами между репетициями, с одиннадцати ноль-ноль до одиннадцати сорока пяти. Разумеется, они оплачивают угощение. Но войти могут только члены клуба.

– Я понимаю.

– Возможно, вас это интересует: утром у нас бывают только гомосексуалисты и нимфоманки.

– Возможно. Дальше.

– Раз в две недели меняется представление. Члены клуба могут заказать места на определенный день: на вторую среду каждой серии представлений, к примеру. Мы постоянно меняем репертуар в первый и третий понедельник каждого месяца. Представление начинается в девятнадцать тридцать; места членам клуба бронируются до девятнадцати тридцати. У кассира есть схема мест, и по мере того, как они распродаются, она отмечает их крестиками. Места, забронированные для членов клуба, отмечены красным и не продаются до последней минуты.

– Понятно. Следовательно, если кто-нибудь из ваших приверженцев не занимает свое постоянное место, то оно зачеркивается в плане.

– Только в том случае, если оно куплено кем-то другим.

– Конечно.

– В первую неделю нам очень редко удается собрать полный зал. Мы пытаемся ставить по спектаклю в неделю, но не очень-то легко найти… э-э… возможности. Честно говоря, у нас нет средств продолжать представление в течение двух недель.

– Да-да, я понимаю. Вы сохраняете старые планы?

– Иногда, для бухгалтерии.

– А у вас есть план на вторник, третьего января?

Она открыла шкаф и достала оттуда кипу отпечатанных планов.

– Это, разумеется, относится к четвертой неделе нашей пантомимы. Традиция…

– Да-да.

– Но кто вас так интересует? – спросила миссис Ориель, кладя папку с бумагами на стол.

– Невысокая блондинка сорока двух или сорока трех лет. Ее зовут Эльза Феннан.

Миссис Ориель открыла папку. Мендель нахально заглянул ей через плечо.

Фамилии членов клуба были старательно выписаны в левой колонке; красная черта с левой стороны страницы означала, что член клуба оплатил взнос. С правой стороны были отмечены места, забронированные на год. Постоянных членов клуба было около сорока.

– Имя мне ничего не говорит. Где она живет?

– Без понятия.

– Ах да, вот… Мэридэйл Лэйн, Уоллистон. Мэридэйл! Подождите! Посмотрим… Боковое место в заднем ряду. Странный выбор, вы не находите? Место НР-2. Но бог его знает, сидела ли она на нем третьего января. Я не уверена, что мы сохранили план, хотя я никогда ничего не выбрасываю. Иногда вещи исчезают сами по себе, а? (Она посмотрела на него украдкой, мысленно спрашивая себя, заработала ли уже свои пять фунтов.) Погодите, сейчас спросим у Девы. (Она встала и пошла к двери.) Феннан… Феннан… Секунду. Да, это мне что-то напоминает. Но что? Ах, Господи, конечно… Папка для нот! (Она открыла дверь.) А где Дева? – спросила она у кого-то на сцене.

– Черт ее знает…

– Как это мило! – произнесла миссис Ориель, закрывая дверь. Она повернулась к Менделю. – Дева – наша светлая надежда. Маленькая английская роза. Дочь местного адвоката, помешанная на театре. Мы ее ненавидим. Время от времени мы даем ей роль только из-за того, что отец платит неплохие деньги за ее обучение. Иногда, когда у нас аншлаг, она помогает гардеробщице, миссис Торр. Когда все спокойно, миссис Торр сама со всем справляется, а Дева горемычно бродит за кулисами в надежде, что ей представится случай заменить главную героиню. (Она помолчала.) Да, Феннан – это мне говорит кое о чем. Где же эта дура?

Она исчезла и спустя две минуты вернулась вместе с крупной, довольно симпатичной девушкой со светлыми растрепанными волосами и розовыми щечками; что-то типа чемпионки по теннису или по плаванию.

– Знакомьтесь: Элизабет Пиджен. Быть может, она вам поможет. Дорогая, мы хотели бы узнать о некоей миссис Феннан, члене нашего клуба. Вы ничего нам не расскажете по этому поводу?

– О, конечно, Людо.

Она, должно быть, убеждена, что все ее находят милой. Одарив Менделя бесцветной улыбкой, она склонила голову набок и сцепила пальцы. Мендель устремил на нее взгляд.

– Вы ее знаете? – спросила миссис Ориель.

– В последний раз она ужасно рассердилась из-за соседнего места. Оно забронировано для члена клуба, понимаете, но было уже страшно поздно. Сезон пантомимы только начался, и было тысячи желающих, и тогда я отдала место кому-то. Она постоянно говорила, что джентльмен, которому забронировано это место, придет, что он всегда приходит.

– Он пришел?

– Нет. И я отдала место. Должно быть, она была разъярена, так как ушла после первого акта и оставила свою папку.

– А этот человек, который должен был, по ее словам, прийти, он что, ее друг?

Людо Ориелъ красноречиво посмотрела на Менделя.

– Наверняка, ведь это ее муж, не так ли? – сказала Людо.

Мендель с улыбкой взглянул на нее.

– Может быть, вы присядете, Элизабет? – предложил он.

– Ах, благодарю вас! – ответила Дева, садясь на краешек старого позолоченного стула, точно такого же, как стул суфлера. Она положила свои большие красные руки на колени, и довольная улыбка мелькнула на ее лице от сознания того, что она находится в центре внимания. Миссис Ориель с ненавистью посмотрела на нее.

– Элизабет, что вас натолкнуло на мысль, что это ее муж? – спросил Мендель, голос которого вдруг стал решительным.

– Ну, я знала, что они приходят раздельно, но так как их места расположены обособленно от мест остальных членов клуба, я подумала, что это муж и жена. И к тому же у него тоже всегда была нотная папка.

– Понятно. Это все, что вы помните о том вечере, Элизабет?

– Я помню еще много чего, конечно, так как мне надоели ее упреки, и к тому же тем же вечером, немного позже, она позвонила. Она представилась и сказала, что ушла раньше и забыла свою папку. Она также потеряла номерок от раздевалки и была вне себя. Мое показалось, что она плакала.

В трубке был слышен еще какой-то голос, и миссис Феннан сказала, что за папкой придет человек, и поинтересовалась, дадут ли ему ее без номерка. Я согласилась, и через полчаса пришел какой-то мужчина. Симпатичный высокий блондин.

– Понятно, – сказал Мендель. – Спасибо, Элизабет, вы мне оказали большую услугу.

– Ну что вы, не за что.

Она встала.

– Да, кстати, – добавил Мендель, – мужчина, который приходил за папкой… Случайно не тот, который обычно сидит возле миссис Феннан?

– Ах да! Черт, извините, я должна была это вам сказать.

– Вы с ним разговаривали?

– Я ему просто сказала: «Вот ваша вещь» или что-то в этом роде.

– Какой у него голос?

– Он говорил с акцентом, как миссис Феннан. Она ведь иностранка? Судя по ее поведению, я поняла, что у нее темперамент иностранки.

Она улыбнулась Менделю и, подождав мгновение, вышла.

– Идиотка! – сказала миссис Ориель в сторону закрытой двери. Потом посмотрела на Менделя. – Итак, я надеюсь, что вы получили информацию на свои пять фунтов?

– Думаю, да, – ответил Мендель.

Глава одиннадцатая
Дитер Фрей

Мендель застал Смайли сидящим в кресле и полностью одетым. Питэр Гиллэм, с наслаждением растянувшись на кровати, небрежно держал в руке бледно-зеленую папку с досье. За окном было сумрачно и угрожающе.

– Входит третий убийца, – произнес он, заметив Менделя.

Мендель сел на край кровати и ободряюще кивнул Смайли, бледному и подавленному.

– Поздравляю. Очень приятно, что выздоравливаете.

– Благодарю вас. Боюсь, что если бы вы увидели меня стоящим, вы бы воздержались от поздравлений. Я чувствую себя слабым, как новорожденный котенок.

– Когда вас выписывают?

– Не знаю.

– Вы не спрашивали?

– Нет.

– Так спросите. У меня для вас новость. Я не знаю, что это означает, но что-то да значит.

– Послушайте! – воскликнул Гиллэм. – У всех есть новости друг для друга. Это захватывающе. Джордж только что смотрел мой семейный альбом. (Он слегка приподнял зеленую папку…) И он узнал всех старых друзей.

Мендель смутился, подумав, что от него что-то скрывают. Вмешался Смайли:

– Завтра вечером во время ужина я вам обо всем этом расскажу. Завтра я выйду отсюда, разрешат мне это или нет. Я предпочитаю, чтобы мы нашли убийцу и много еще чего. А теперь мы вас слушаем.

В его глазах не было триумфа, только беспокойство.

* * *

Вступление в клуб, в котором состоял Смайли, не упоминалось среди прочей великосветской деятельности, украшающей страницы «Ху из ху?»[6]. Клуб был основан молодым отступником «Юниор Картлон» по имени Стид-Эспри, исключенным секретарем за богохульство в присутствии одного южноафриканского епископа. Он убедил свою бывшую квартирную хозяйку покинуть спокойный домик в Холливелл и взять две комнаты с подвалом на Манчестер-сквер, которые Стид-Эспри оставили зажиточные родители. Клуб насчитывал около сорока членов, которые платили каждый год пятьдесят гиней. Из них осталось тридцать один. Это был клуб без женщин, без устава, без секретаря и епископа. Вы могли туда принести сэндвичи и купить бутылку пива или вообще ничего не покупать. Если вы не напивались и занимались своими делами, никто не обращал на вас внимания – на ваш костюм, ваше поведение и ваших гостей.

Естественно, большинство членов клуба учились в Оксфорде почти в то же время, что и Смайли. Он был убежден, что клуб создан только для одного поколения, что он состарится и умрет вместе со своими членами. Война внесла свои мрачные коррективы, но никто никогда не предлагал заменить ушедших.

Это было в субботу вечером, и там находилось только человек шесть. Смайли заказал закуску и сел за столиком в подвале, где жарко горел огонь в кирпичном камине. Кроме них, никого не было; им подали говяжью вырезку с бордо. А на улице шел непрекращающийся дождь. В этот вечер весь мир казался им спокойным и приятным, вопреки тому странному делу, ради которого они собрались.

– Чтобы вы поняли, что я хочу сказать, – начал Смайли, – обращаясь главным образом к Менделю, – мне нужно вам долго рассказывать о себе. Как вам известно, я офицер разведки. Я работал в службе со времен великого потопа, то есть задолго до того, как вопросы престижа начали противопоставлять нас высокому начальству. В то время не хватало людей, нам плохо платили. После обычных тренировок и испытаний в Южной Америке и Центральной Европе меня устроили на место преподавателя в одном немецком университете. Моим заданием было отыскивать молодых немцев, способных в случае необходимости стать агентами. До второй мировой войны оставалось не много времени. В Германии была ужасная обстановка

нарастающей нетерпимости. С моей стороны было бы безумием зондировать кого бы то ни было. Единственным шансом было оставаться незаметным, социально и политически бесцветным и обозначать кандидатов, которые вербовались кем-то другим. Я пытался вывезти кого-нибудь в Англию во время кратких периодов межуниверситетских обменов. Для меня стало правилом не вступать ни в какие контакты с департаментом во время моего пребывания здесь, потому что тогда мы совершенно не знали возможностей немецкой контрразведки. Я никогда не знал, кто был завербован, и это, конечно же, было к лучшему. Я имею в виду в случае, если бы меня засветили. По-настоящему моя история началась в 1938 году. Одним летним вечером я сидел в своей комнате. День был прекрасным, спокойным и теплым. Я даже забыл о существовании фашизма. Я работал, сидя у окна, без особого пыла, так как погода не располагала к напряженной работе.

Он вдруг прервал рассказ, смущенный какой-то мыслью, и отхлебнул портвейна. На его скулах выступили розовые пятна. Он почувствовал легкое опьянение, хотя выпил совсем немного вина.

– Короче, я сидел там, когда в дверь постучали, и на пороге показался один молодой студент. Ему было девятнадцать, но выглядел он моложе. Его звали Дитер Фрей. Это был один из моих учеников, умный и симпатичный парень.

Смайли снова остановился, глядя прямо перед собой. Быть может, его болезнь, его слабость делали сейчас эти воспоминания такими живыми?

– Дитер был очень красивым молодым человеком с высоким лбом и копной черных густых волос. Его нижние конечности были деформированы болезнью, перенесенной в детстве. Он ходил с тросточкой, тяжело опираясь на нее во время движения. В маленьком университете он слыл, конечно, романтическим персонажем. Его находили похожим на Байрона, хотя лично я не видел в нем ничего романтического. У немцев страсть отыскивать незрелую гениальность, понимаете? Преувеличивать ее, делать знаменитостью с колыбели. Но с Дитером этот номер не прошел. Его дикая независимость, его беспощадный характер обескураживали тех, кто хотел сделать из него звезду. Он всегда защищался – не из-за своего физического недуга, а из-за своей национальности. Я так никогда и не узнал, как ему удалось остаться в университете. Может быть, никто не знал, что он еврей? Может быть, его южная красота наводила на мысль, что он был итальянцем? Хотя это было маловероятно, потому что лично мне его происхождение сразу бросилось в глаза. Дитер был социалистом. Даже тогда он не скрывал своих взглядов. Сначала я думал его завербовать, но это было бы абсурдом, потому что он обязательно закончил бы в концлагере. Кроме того, он был слишком своенравным, слишком живым в своей реакции, слишком ярким и тщеславным. Он руководил всеми студенческими объединениями. Он занимал почетные места во всех атлетических клубах. У него было достаточно твердости не употреблять алкоголь в университете, где, чтобы доказать свою зрелость, вам полагалось быть пьяным большую часть времени на первом курсе. Таким был тогда Дитер: калека, красивый, рослый, привыкший всегда быть первым – настоящий идол своего поколения; и еврей. И этот человек пришел ко мне в тот вечер. Я пригласил его сесть и налил стаканчик вина, от которого он отказался. Тогда я подогрел кофе на маленькой газовой плитке. Мы бессвязно болтали о моей последней лекции о Китсе. Он мне жаловался на методы, которые немецкая критика применяла к английской поэзии, и это, как всегда, повлекло за собой дискуссию о нацистском толковании декаданса в искусстве. Дитер принялся все это обсуждать. Он все более открыто порицал современную Германию и, в конце концов, сам фашизм. Конечно, я был начеку, и думаю, что тогда я был менее глупым, чем сегодня. Наконец он меня прямо спросил, что я думаю о нацистах. Я ответил не без определенной иронии, что не собираюсь критиковать хозяев в их собственном доме и что в любом случае в политике нет ничего забавного. Я никогда не забуду его ответа. Разъяренный, он вскочил и прорычал: «Никто не собирается забавляться!»

Смайли прервался и посмотрел на Гиллэма поверх стола.

– Извините, Питер, я слишком многословен.

– Да что вы, старина, рассказывайте так, как считаете нужным!

Мендель издал одобрительное хрюканье. Он сидел неестественно прямо, положив руки на стол. Зал был освещен только живым огоньком камина, отбрасывавшим большие тени на штукатурку стен. Бутылка бордо была почти пустой; Смайли налил себе и передал ее Гиллэму.

– Он меня обозвал всеми именами. Он был не в состоянии понять, как я могу беспристрастно судить об искусстве и оставаться безразличным к политике, как я могу бросаться в рассуждения по поводу свободы искусства, в то время как треть Европы опутана цепями. Разве мне безразлично, что современная цивилизация истекает кровью? Как я могу превозносить семнадцатый век, презирая двадцатый? Он пришел ко мне потому, что оценил мои лекции и думал, что у меня светлый рассудок. Но теперь он понял, что я хуже других.

Я отпустил его. А что я еще мог сделать? Во всяком случае, он и так уже был на заметке, этот мятежный еврей, который по тайным причинам оставался в университете. Но я держал его в поле зрения. Четверть подходила к концу, скоро должны были начаться летние каникулы. Три дня спустя, на совещании по подведению итогов четверти, он показал свою грозную откровенность. Он беспокоил людей, знаете, в его присутствии все умолкали. Четверть закончилась, и Дитер уехал, даже не попрощавшись. Я думал, что никогда больше его не увижу.

Прошло полгода. Я отправился к своим друзьям в Дрезден, родной город Дитера, и приехал на вокзал на полчаса раньше. Чем слоняться по перрону, я решил немного прогуляться. В двухстах метрах от вокзала стоял высокий мрачного вида дом, построенный в семнадцатом веке. Перед домом был дворик, огражденный частой решеткой с воротами из кованого железа. По-видимому, он был переделан во временную тюрьму. Группы заключенных, мужчин и женщин с бритыми головами, прогуливались по кругу вдоль стен. В середине двора стояли два охранника с автоматами. Вдруг я увидел знакомый силуэт, выделяющийся на фоне других. В нем я узнал Дитера. Прихрамывая, он старался не отставать. Трость у него отобрали.

Впоследствии мне пришло в голову, что гестапо не арестовало бы, конечно же, самого популярного студента посреди учебного года. Пропустив свой поезд, я вернулся в город и принялся искать в справочнике адрес родителей Дитера. Я знал, что его отец врач, и мне было нетрудно найти их адрес. Я отправился туда. Дома осталась одна мать. Отец умер в концентрационном лагере. У нее почти не было желания говорить о Дитере, тем не менее я узнал, что он заключен не в тюрьме для евреев, а в обычной, просто для так называемого «исправления». Мать надеялась его увидеть где-то через три месяца. Я оставил ему записку, написав, что у меня есть некоторые его книги и что я их с удовольствием ему верну, если он объявится.

События 1939 года поглотили меня настолько, что в этом году я ни разу не вспомнил о Дитере. После моего отъезда из Дрездена департамент приказал мне вернуться в Англию. В двадцать четыре часа я собрался и выехал. Я застал Лондон в лихорадке. Мне доверили новый пост, требующий подготовки навыка и постоянных встреч с людьми. Я должен был немедленно возвратиться в Европу и поддерживать деятельность неопытных агентов, завербованных в Германии, учитывая приближение войны. Я выучил на память дюжину имен и адресов. Вы можете представить мою реакцию: среди них было имя Дитера Фрея.

Из его досье я узнал, что, в сущности, он завербовался сам, ворвавшись в консульство в Дрездене и требуя, чтобы ему сказали, почему никто палец о палец не ударит, чтобы прекратить преследование евреев. (Смайли рассмеялся.) Дитер был щедро одарен способностью побуждать людей к действию. (Он посмотрел на Менделя, потом на Гиллэма. Оба внимательно его слушали.) Первой моей реакцией было раздражение. Я всегда считал его школьником и никогда не думал, что он способен стать настоящим агентом. Что этот сумасшедший в Лондоне замышлял? Меня встревожила мысль, что у меня в руках эта бочка с

порохом, импульсивный характер которой мог подвергнуть мою жизнь, да и не только мою, опасности. Несмотря на кое-какие изменения в моей внешности и новое прикрытие, под которым я действовал, из-за Дитера у меня могли случиться наихудшие неприятности, поскольку рано или поздно он обнаружил бы, что я и есть Джордж Смайли, бывший преподаватель университета. Все началось плохо, и я уже было решил организовать сеть агентов без него. С моей стороны это оказалось заблуждением. Дитер был первоклассным агентом.

Он не пытался сделаться незаметным. Он использовал свою экстравагантность как нечто вроде двойного обмана. Из-за недуга его не взяли в армию, но он нашел себе место служащего в управлении железной дороги. Он очень быстро достиг значительной должности, и количество информации, которую он добывал, было фантастическим. Точное расписание эшелонов с войсками, с боеприпасами, их назначение, даты… У него была гениальная способность к организации, и думаю, это его и спасло. Он отлично делал свою работу на железной дороге, доказав свою необходимость, работая днем и ночью, и стал почти неприкосновенным. Его даже представили к награде, и гестапо вынуждено было добровольно отложить его досье. У Дитера была чисто фаустовская теория: отдельные мысли не имеют никакой ценности. Надо действовать, чтобы они стали эффективными. По его мнению, наибольшим человеческим заблуждением было отделение рассудка от тела: приказа нет, если ему не подчиняться. Дитер часто цитировал Клейста: «Если бы мои глаза были из голубого стекла и все белое казалось бы мне голубым, то никто бы этого не заметил» или что-то в этом роде.

Это был замечательный агент. Он даже доходил до того, что умудрялся отправлять поезда в ночь, удачную для бомбардировок. Он выдумал многочисленные собственные хитрости – он был шпион от Бога. Мы не надеялись, что это будет длиться бесконечно, но наши бомбардировки имели такой радиус действия, что фашисты вряд ли стали бы приписывать наши успехи измене одного-единственного работника, а тем более такого заметного, как Дитер.

Что касается его, моя задача была проста. Дитер много ездил, у него был специальный пропуск. С ним, в отличие от других агентов, было проще связаться. Время от времени мы встречались с ним в кафе или же он приезжал за мной на машине министерства, и мы проезжали сотню километров по автостраде. Но чаще всего мы ездили в одном поезде и в коридоре обменивались портфелями; или же ходили в театр. Каждый приносил с собой пакет, а потом мы обменивались номерками от раздевалки. Он никогда не приносил мне готовых донесений; чаще всего это были машинописные копии распоряжений об отправке поездов.

В сорок третьем году меня отозвали. Мое прикрытие стало ненадежным, и меня могли засветить.

Он умолк и взял протянутую Гиллэмом сигарету.

– Да, Дитер был моим лучшим агентом, но единственным. Работать с Дитером было сплошным удовольствием по сравнению с хлопотами, которые мне причиняли другие агенты. Война закончилась, и я попытался узнать, что же случилось с Дитером и остальными. Многие обосновались в Канаде и Австралии, другие вернулись на развалины родных городов. А Дитер, думаю, колебался. Русские заняли Дрезден, и он, наверное, взвешивал возможность вернуться туда. В конце концов он туда уехал. Он не мог не поехать из-за своей матери. К тому же он ненавидел американцев и, конечно же, был социалистом. Потом я узнал, что там он сделал карьеру. Навыки руководителя, которые он приобрел во время войны, помогли ему занять официальный пост в ГДР. Я думаю, что репутация бунтаря и перенесенные его семьей страдания открыли ему дорогу. Должно быть, он нашел себе место под солнцем.

– Почему? – спросил Мендель.

– Месяц назад он был еще здесь, в Англии, в качестве директора представительства Восточногерманской сталелитейной компании.

– И это еще не все, – живо вмешался Гиллэм. – В случае, если вы думаете, Мендель, что ваша чаша переполнена, позвольте мне сказать, что я избавил вас от еще одного визита в Вэйбридж и что я ходил к Элизабет Пиджен по совету Джорджа. (Он повернулся к Смайли.) Эта девчонка что-то вроде Моби Дика, не так ли? Белый кит-людоед.

– Ну и что? – спросил Мендель.

– Я показал ей фото этого молодого дипломата, Мундта, которое они оставили после себя разорванным в клочья. Элизабет сразу же узнала очаровательного молодого человека, который приходил за нотной папкой Эльзы Феннан. Хороший ход, правда?

– Но…

– Я знаю, что вы хотите спросить, маленький хитрец: вы хотите узнать, узнал ли его Джордж. Да. Это мерзкий господин, который пытался затянуть Джорджа в его собственный дом на Байсуотер-стрит. Он везде поспевает, а?

Мендель и Смайли поехали в Митчем. Смайли умирал от усталости. Было холодно. Снова шел дождь. Смайли, закутавшись в свое длинное пальто, несмотря на усталость, с удовольствием спокойно наблюдал за проходящими в ночи жителями Лондона. Он всегда любил путешествовать. Даже сейчас, если бы у него был выбор, он отдал бы предпочтение поезду или кораблю, но не самолету, чтобы отправиться во Францию. Он до сих пор вспоминал магические звуки ночного путешествия по Европе, непривычный шум чужого города, французские голоса, вырывавшие его из английских снов.

Энн все это тоже нравилось, и они два раза разделяли сомнительную радость этой утомительной прогулки.

Как только они приехали, Смайли сразу же улегся в постель, а Мендель начал заваривать чай. Чай они пили в комнате Смайли.

– Какая программа на данный момент? – спросил Мендель.

– Я думаю поехать завтра в Уоллистон.

– Вам еще нужен постельный режим. Что вы там собираетесь делать?

– Повидаться с Эльзой Феннан.

– Одному вам туда ехать небезопасно. Давайте я поеду с вами. Пока вы будете болтать, я посижу в машине. Она еврейка, да?

Смайли утвердительно кивнул головой.

– Мой отец тоже был евреем. И он никогда этого не скрывал.

Глава двенадцатая
Мечта на продажу

Она открыла дверь и мгновение молча смотрела на него.

– Вы могли бы предупредить меня о вашем приходе, – сказала она.

– Я подумал, что это было бы неосторожным.

Она вновь помолчала. Затем произнесла:

– Я не понимаю, что вы хотите этим сказать.

Казалось, что фраза стоила ей больших усилий.

– Я могу войти? – спросил Смайли. – У нас мало времени.

Она выглядела постаревшей и усталой и, может быть, еще более подавленной. Она провела его в гостиную и с этакой покорностью судьбе указала на стул.

Смайли предложил ей сигарету и сам тоже закурил. Эльза Феннан стояла у окна. Глядя на нее, отмечая про себя ее прерывистое дыхание, круги под глазами, Смайли понял, что она потеряла почти всякую способность к самозащите. Он заговорил спокойно и примирительно. Для Эльзы Феннан этот голос, должно быть, был таким, каким она хотела его слышать – вселяющим силы, поддержку, сочувствие, безопасность. Медленно она отошла от окна, и ее правая рука, которой она опиралась на подоконник, рассеянно соскользнула, затем покорно опустилась вдоль тела. Она села напротив Смайли, и ее глаза смотрели на него с полным доверием. Так смотрят любовницы.

– Вы, должно быть, чувствуете себя ужасно одинокой, – произнес Смайли. – Никто не может выносить этого постоянно. Это требует мужества, но как тяжело быть отважным, когда ты один. Они этого никогда не поймут. Они никогда не знали, сколько сил отбирает ложь, вынужденное притворство, жизнь в стороне от обычных людей. Они полагают, что вы можете работать на их топливе, черпать силы в их знаменах и музыке. Но если вы одна, вам необходимо другое горючее, не так ли? Вам нужна ненависть, но никто не в силах постоянно ненавидеть. А то, что вы любите, так туманно и недостижимо.

Он умолк. Вскоре ваши нервы не выдержат, подумал он. Смайли страстно желал, чтобы она приняла его поддержку. Он посмотрел на нее. Скоро она сломается.

– Я сказал, что время не терпит. Вы понимаете, что я имею в виду?

Она сложила руки на коленях и опустила глаза. Он видел темные корни ее светлых волос и думал, почему же, черт возьми, она красит волосы. Казалось, она не слышала вопроса.

– Месяц назад, после того, как я побывал у вас, я возвращался на машине в Лондон. Какой-то человек пытался меня убить. В тот вечер ему это почти удалось. Он ударил меня три или четыре раза по голове. Я только что вышел из больницы. Мне повезло. Совсем недавно речная полиция выловила в Темзе труп владельца гаража, который давал тому человеку напрокат автомобиль. На нем не было следов насилия, просто он был накачан виски. До сих пор не ясно, что же произошло. Уже много лет он и близко к воде не подходил. Но мы имеем дело с человеком, который знает свою работу. С профессиональным убийцей. Кажется, он старается ликвидировать всех, кто может установить связь между ним и Сэмюэлом Феннаном. Или же между ним и его женой. И к тому же эта молодая блондинка из Вэйбриджского театра…

– Что вы говорите? – прошептала Эльза. – К чему вы ведете?

У Смайли внезапно возникло желание причинить ей боль, уничтожить последние следы ее воли, измотать ее силы так, как если бы она была противником.

Она неотступно преследовала его, пока он беспомощно валялся в постели, она являлась для него загадкой, и это придавало ему силы.

– По-вашему, какую игру вы вели вдвоем? Неужели вы думали, что сможете хитрить с такой мощной системой, давая им лишь часть, но далеко не все? Неужели вы думали, что сможете остановить карусель, обуздать силу, которую сами же им даете? Какие мечты вы взлееяли, если миру в них отводится столь ничтожная роль?

Она закрыла лицо руками, и Смайли увидел проступившие между пальцами слезы.

– Нет, я думала только о нем. У него была мечта, да… Светлая мечта. (Она продолжала отчаянно плакать, полупристыженный, полуликующий Смайли ждал, пока она снова заговорит). – Внезапно она подняла на Смайли мокрые от слез глаза. – Посмотрите на меня, – сказала она. – Какие мечты они мне оставили? Я мечтала о длинных золотистых волосах, а мне обрили голову. Я мечтала о великолепном теле, а его разрушили голодом. Я увидела, что такое человек. Как же я могу после этого верить, что люди могут жить по какой-то формуле? Я говорила ему, я тысячу раз говорила: «Не пишите законов, не надо красивых теорий, не выносите приговоров, и люди смогут любить. Но стоит им дать теорию, выдумать лозунг, и снова начнется игра». Я говорила ему обо всем этом, мы разговаривали ночи напролет. Так нет же, этот ребенок черпал силы в своей мечте, и если новый мир должен был возникнуть, то

его архиепископом был бы Сэмюэл Феннан. Я говорила ему: «Послушай, они дали тебе все, чем ты располагаешь: очаг, деньги, их доверие. Почему ты так с ними поступаешь?» А он отвечал: «Я действую для них. Я хирург, и однажды они поймут». Это был ребенок, мистер Смайли, и его провели, как ребенка. Он не осмелился заговорить.

– Пять лет назад он встретил этого Дитера. В каком-то горном швейцарском поселке возле Гармиша. Позже Фрейтаг нам сказал, что встречу подстроил Дитер. Во всяком случае, он не мог кататься на лыжах из-за ноги. В то время все было каким-то ненастоящим. В действительности этого человека зовут не Фрейтаг[7]. Сэмюэл назвал его так в честь Пятницы Робинзона Крузо. Дитер нашел это забавным, и впоследствии мы говорили о Дитере и об этом парне только как о Робинзоне и Пятнице. (Она замолчала и смотрела на Смайли со слабой улыбкой.) Извините меня, я неясно выражаюсь.

– Я понимаю, – ответил Смайли.

– Эта девушка… Что вы говорили о ней?

– Она жива, не волнуйтесь. Продолжайте.

– Знаете, что вы очень нравились Сэмюэлу. Фрейтаг пытался вас убить… Почему?

– Несомненно, из-за того, что я вернулся сюда, а также из-за того, что я спрашивал вас о звонке в восемь тридцать. Вы ему сказали об этом?

– О… Боже мой! – воскликнула она, прикрывая рот рукой.

– Вы звонили ему, не правда ли? Сразу же после моего ухода?

– Да-да, я боялась. Я хотела убедить его уехать. Его и Дитера. И никогда не возвращаться. Я знала, что в конце концов вы узнаете правду. Почему они отказались оставить меня в покое? Они боялись меня, поскольку знали о моем единственном желании: сохранить Сэмюэла целым и невредимым, чтобы любить и лелеять его. Они на это рассчитывали.

Смайли мучила головная боль.

– Итак, вы ему позвонили. Сначала вы пытались дозвониться по номеру «Примроз», но он не отвечал?

– Да, – сказала она туманно. – Да, это было так. Но оба номера начинаются с «Примроз».

– Тогда вы позвонили по запасному номеру…

Она снова подошла к окну, внезапно изнуренная и обессиленная; она казалась более счастливой и удовлетворенной. Буря миновала ее.

– Да, Фрейтаг – гений по части запасных вариантов.

– Какой второй номер? – настаивал Смайли.

Он с мучительным беспокойством наблюдал за ней, тогда как она смотрела в окно на темный сад.

– Зачем он вам?

Он встал и подошел к ней, изучая ее лицо. Его голос стал внезапно резким и энергичным.

– Я сказал, что с этой девушкой еще ничего не произошло. Мы с вами также еще живы. Но не думайте, что это будет долго продолжаться.

Она посмотрела на него тревожным взглядом, рассматривала мгновение и опустила голову. Смайли взял ее за руку и подвел к столу. Он подумал, что надо бы ей дать выпить чего-нибудь горячего. Она машинально села почти с безразличием помешанной.

– Второй номер 97-47.

– Адрес? У вас есть адрес?

– Нет. Ничего, кроме номеров телефонов. Эквилибристика по телефону. Без адресов, – повторила она с такой настойчивостью, что Смайли посмотрел на нее взволнованно. В голову ему пришла мысль: воспоминание о ловкости, с которой Дитер налаживал контакты.

– Фрейтаг не видел вас в тот вечер, когда погиб Феннан? Не так ли? Он не пришел в театр?

– Нет.

– Это в первый раз он вас подвел? Вы испугались и ушли задолго до конца спектакля?

– Нет… Да, да, я испугалась.

– Это неправда. Вы ушли раньше из-за того, что вам надо было это сделать. Это было условлено между вами. Так почему вы ушли раньше? Почему?

Она закрыла лицо руками.

– Вы все еще не в себе, – пробормотал Смайли. – Вы считаете себя еще способной управлять событиями, которые вы начали. Фрейтаг вас убьет. Он убьет также и девчонку. Он не перестанет убивать. Кого вы пытаетесь защитить – девушку или убийцу?

Она молча плакала.

Смайли присел на корточки возле нее и продолжал в том же тоне:

– Я скажу вам, почему вы ушли задолго до конца спектакля. Да, я скажу, что думаю. Вы хотели успеть к последней выемке писем из почтовых ящиков Вэйбриджа. Он не пришел. Вы не обменялись номерками. Тогда вы, подчиняясь инструкциям, послали ему билет. А значит, у вас есть адрес. Вы его не записывали, но запомнили навсегда. «Если что-то помешает и я не приду, вот адрес…» Ведь он так говорил? Адрес, который никогда не должен быть использован и упомянут, адрес, забытый и одновременно отложившийся в памяти навсегда? Ведь так, скажите?

Она поднялась, не глядя на Смайли, подошла к столу, нашла клочок бумаги и карандаш. Слезы струились по ее лицу. С неторопливой безнадежностью она написала адрес дрожащей рукой, останавливаясь почти после каждого слова.

Смайли взял листок, тщательно сложил его вдвое и положил в портфель. А сейчас он приготовит чай.

У нее был вид робкого ребенка, которого только что спасли от утопления. Она села на край дивана, держа чашку хрупкими руками, ссутулившись, сжав ноги. Смайли, глядя на нее, почти почувствовал, что в ней оборвалось что-то, к чему он даже не притрагивался, таким оно было хрупким.

Он показался себе грубым животным, которому не удавалось компенсировать свою оплошность, предлагая в качестве ничтожного утешения чашку чая своей жертве. Он не знал, что сказать. Через некоторое время она произнесла:

– Вы знаете, вы ему очень нравились. Да, вы ему очень нравились… Он говорил, что вы умный человек. В устах Сэмюэла это был редчайший комплимент. (Она медленно покачала головой. Может быть, это его реакция заставила ее улыбнуться?) Он часто говорил, что в мире существуют две силы: положительная и отрицательная. «Что мне делать? – спрашивал он меня. – Уничтожить их жатву, потому что они мне дали кусок хлеба? Созидание, прогресс, власть, все будущее человечества ждет перед их дверью: надо ли ему запрещать войти?» Я отвечала ему: «Сэмюэл, может быть, люди могут быть счастливыми, и не обладая всем этим?» Хотя вы знаете, что он так не думал. Я не могла его остановить. Знаете, что было самым странным в нем? Несмотря на все его размышления, на все его разглагольствования, его решение давно созрело. Все остальное было декорацией. Я всегда повторяла, что ему не хватает последовательности в суждениях…

– И несмотря на это, вы ему помогали, – сказал Смайли.

– Да, я ему помогала. Он нуждался в человеческом участии, и я ему помогала. Он был всей моей жизнью.

– Я понимаю.

– Я была неправа. Это был маленький мальчик, понимаете? Он был забывчив, как ребенок. И так тщеславен. Он решил заниматься этой работой и выполнял ее так плохо. Он думал не так, как мы. Он смотрел на вещи совсем не так. Это была его работа, вот и все. Это началось так просто… Однажды вечером он принес черновик телеграммы и показал мне. Он сказал: «Я думаю, что Дитер должен увидеть это». Ни слова больше. Я не могла поверить… что он занимается шпионажем. Ведь он не был шпионом? Но постепенно я в этом убедилась. Они стали требовать секретные сведения. В папке для нот, которую мне передавал Фрейтаг, были распоряжения, а иногда и деньги. Я говорила ему: «Смотри, что они тебе посылают! Это то, что ты хочешь?» Мы не знали, что делать с деньгами. В конце концов мы отдали почти все. Дитер вышел из себя, когда той зимой я сказала ему об этом.

– Какой зимой? – спросил Смайли.

– На второй год знакомства с Дитером, в 1956 году в Моррене. Мы познакомились с ним в январе пятьдесят пятого года. Тогда все и началось. Не знаю, будет ли это для вас новостью. Венгерские события не произвели никакого впечатления на Сэмюэля абсолютно никакого, Я знала, что Дитера это обеспокоило. Фрейтаг сказал мне об этом, когда Сэмюэл попросил меня отнести кое-что в Вэйбридж в ноябре. Я чуть не сошла с ума. Я кричала Сэмюэлу: «Неужели ты не понимаешь, что это в точности напоминает? Те же пушки, те же убитые дети на улицах. Только мечта изменилась, а кровь все того же цвета. Это то, чего ты добиваешься?» Я сказала ему: «А для немцев ты бы это сделал? А обо мне ты подумал?!» Но он просто ответил: «Нет, Эльза, ситуация иная». И я продолжала носить папку для нот, понимаете?

– Не знаю, может быть, да.

– Сэмюэл был для меня всем. Он был моей жизнью. Я думала, что защищаю самое себя, но вскоре я стала сообщницей и уже не смогла вернуться назад. А потом, вы знаете, – прошептала она, – были моменты, когда я чувствовала себя счастливой и когда человечество, казалось, аплодировало тому, что делал Сэмюэль. Новая Германия вызывала у нас смутное чувство тревоги. Воскрешались старые имена, которые наводили на нас ужас в детстве. Снова вернулась отвратительная надменная спесь. Это было заметно даже на фотографиях. Феннан также чувствовал это, но, слава Богу, он не видел того, что мне пришлось увидеть. Мы находились в лагере в окрестностях Дрездена, где жили раньше. Мой отец был парализован. Больше всего ему не хватало табака, и я привыкла сворачивать для него сигареты из всякой дряни, которую только могла найти в лагере. Просто для того, чтобы у него была иллюзия… Однажды часовой увидел, как он курит, и принялся хохотать. Подошел еще один, и они хохотали уже оба. Мой отец держал сигарету в парализованной руке, она обжигала ему пальцы. Он этого не чувствовал, понимаете? Да, когда немцам вновь дали деньги и униформу, случалось, что иногда меня утешало то, что делал Феннан. Мы ведь евреи, и поэтому…

– Да, я знаю, я вас понимаю. Я также был очевидцем кое-чего.

– Дитер говорил об этом.

– Он говорил?

– Да. Фрейтагу. Он говорил ему, что вы очень умный человек. Однажды перед войной вы обманули Дитера, и он узнал правду спустя много лет. Он говорил, что вы лучший из агентов, которых он когда-либо знал.

– Когда Фрейтаг говорил это?

Она долго смотрела на него. Никогда он не видел выражения такого отчаяния. Он вспомнил то, что она недавно сказала ему: «Дети моего горя умерли». Сейчас он понял и услышал эти слова в ее голосе, когда она наконец снова заговорила:

– А ведь верно… Он это сказал не просто так. В тот вечер, когда он убил Сэмюэла. Это, должно быть, самое комичное в этой истории, мистер Смайли. В тот самый момент, когда Сэмюэл мог так много сделать для них, не от случая к случаю, а постоянно, – представьте себе, сколько могло быть таких папок, – страх за свою шкуру погубил их, превратил в животных и

заставил уничтожить то, что они сами создали. Сэмюэл всегда говорил: «Одни победят, потому что „знают‟, а остальные погибнут, потому что „не знают‟; люди, которые работают для осуществления мечты, никогда не перестанут работать». Так он говорил. Но я знала их мечту. Я знала, что она нас уничтожит. Ведь нет мечты, которая не уничтожала бы? Даже мечта Христа.

– Это Дитер видел меня в парке с Феннаном?

– Да.

– И он подумал…

– Да, и он подумал, что Сэмюэл его предал. И приказал Фрейтагу его убить.

– А анонимное письмо?

– Я не знаю. Я не знаю, кто его написал. Я полагаю, кто-то из тех, кто знал Сэмюэла, может быть, кто-то из его учреждения, кто следил за ним и был в курсе. Или же кто-то из Оксфорда, принятый в партию. Я не знаю, и Сэмюэл тоже не знал.

– А последнее письмо…

Она посмотрела на него; лицо ее исказилось. Она почти плакала.

– Это я его написала. Фрейтаг принес лист бумаги, и я его написала. Подпись там уже была. Подпись Сэмюэла.

Смайли подошел к дивану, сел рядом с ней и взял за руку. Она повернулась и прорычала, как фурия;

– Не трогайте меня! Думаете, что я буду вашей, так как им не принадлежу? Убирайтесь прочь! Убирайтесь убивать Фрейтага и Дитера, продолжайте игру, мистер Смайли, но не думайте, что я буду на вашей стороне, слышите вы! Так как я вечный жид, нейтральная зона, поле битвы ваших оловянных солдатиков. Вы можете меня топтать, бить ногами, но никогда не прикасайтесь ко мне, никогда! Никогда не говорите мне, что вы сожалеете, вы слышите? А сейчас – вон! Идите убивать!

Она осталась сидеть, дрожа, словно от холода. Подойдя к двери, Смайли оглянулся. Его глаза были сухими.

Мендель ждал его в машине.

Глава тринадцатая

Некомпетентность Сэмюэла Феннана

Они приехали в Митчем, когда было время обеда. Питер Гиллэм спокойно ждал их в машине.

– Ну как, детки? Какие новости?

Смайли вынул из своего портфеля клочок бумаги.

– Его запасной номер: «Примроз 97-47». Вам лучше проверить его, но я не особо надеюсь, что это верный след.

Питер исчез в прихожей. Слышно было, как он снял телефонную трубку. Мендель принес из кухни поднос с пивом, хлебом и сыром. Пришел Гиллэм и, не говоря ни слова, сел. Казалось, он был озабочен.

– Ну что? – наконец спросил он. – Что она сказала, Джордж?

* * *

Мендель убирал со стола, а Смайли заканчивал рассказывать о своем утреннем разговоре.

– Понятно, – заключил Гиллэм. – Это очень досадно. Джордж, мне надо будет изложить все это в письменном виде, а потом сразу же сходить к Мастону. Охота за мертвым шпионом действительно малопривлекательна и причиняет много бед.

– Были ли у него на руках важные документы из Форейн Офис?

– В последнее время были. Поэтому и решили открыть небезызвестное дело.

– В частности, что это за документы?

– Пока не знаю. До недавнего времени он занимался азиатскими вопросами, но его новая работа была другой.

– Американские вопросы, если мне не изменяет память, – сказал Смайли. – Питер…

– Что?

– Питер, вам не приходил в голову вопрос, почему они решили во что бы то ни стало убрать Феннана? Я хочу сказать, что если допустить, что он их предал, по их мнению, тогда зачем его убивать? Это ни к чему бы не привело.

– Нет, конечно, нет. Если над этим поразмыслить, это не объяснило бы… разве что… Допустим, что их предали бы Фукс или Маклин. Я думаю, что бы тогда произошло. Допустим, что у них были причины бояться цепной реакции не только здесь, но и в Америке, и во всем мире. Не посчитали ли они необходимым убить его, чтобы предотвратить это? Есть также множество вещей, которые мы никогда не выясним.

– Как и эту историю со звонком из центральной на восемь тридцать? – сказал Смайли.

– Да. Не побудете ли вы здесь, пока я не позвоню? Мастон, конечно же, захочет вас увидеть. Они забегают по коридорам, как только я им сообщу эту хорошую новость. Я буду вынужден продемонстрировать ту особую улыбку, которую я приберегаю, чтобы сообщить о настоящей катастрофе.

Мендель проводил его до дверей, затем вернулся в гостиную.

– Самое лучшее, что вы можете сделать, так это лечь спать, – сказал он. – У вас ужасная физиономия.

«Мундт здесь или нет? – думал Смайли, лежа на кровати в рубашке, заложив руки за голову. – Если нет, то игра закончена. Что делать с Эльзой Феннан – решать Мастону. Хотя я чувствую, он ничего с ней не сделает.

Если Мундт здесь, то по одной из трех причин:

А. Потому что Дитер ему приказал оставаться здесь, чтобы посмотреть, как дальше будут разворачиваться события.

Б. Потому что он попал под подозрение и боится возвращаться.

В. Потому что он еще не выполнил задание.

„А“ не проходит, потому что не в характере Дитера подвергаться ненужному риску. Во всяком случае, это не лучшее предположение.

„Б“ тоже не подходит, потому что если даже Мундт боится Дитера, то он не меньше боится, что его обвинят в убийстве в Великобритании. Наиболее разумным для него было бы уехать за границу.

„В“ более правдоподобно. Если бы я был на месте Дитера, я бы поволновался из-за Эльзы Феннан. Малышка Пиджен не играет никакой роли, она не представляет опасности, если Эльза будет молчать. Она не принимает никакого участия в заговоре и у нее нет никаких причин вспоминать спутника Эльзы в театре. Нет, только Эльза представляет реальную опасность».

Была еще одна возможность, о которой Смайли не мог сказать ничего конкретного: возможность, что Дитер осуществлял надзор за другими агентами через Мундта. Он отбрасывал ее, хотя Питер все равно бы высказал такое предположение. Нет, это не выдерживает критики. Это нелогично. Он решил начать сначала.

Что мы знаем? Он поднялся, чтобы найти карандаш и бумагу, но его охватил страшный приступ мигрени. Упрямо он встал с кровати и взял во внутреннем кармане пиджака карандаш. Блокнот был в его чемодане. Он снова лег, взбив подушку, затем принял четыре таблетки аспирина и устроился поудобнее, вытянув свои короткие ноги. Он начал писать. Почерком прилежного ученика написал заголовок, подчеркнул:

ЧТО МЫ ЗНАЕМ?

Потом, этап за этапом, как можно быстрей объективно попытался восстановить прошедшие события:

«В понедельник, второго января, Дитер Фрей видел меня в парке с одним из своих агентов, и из этого он сделал вывод… Да, какой вывод мог сделать из этого Дитер? Что Феннан признался? Или что собирался признаться? Или что он был моим агентом?.. И по до сих пор неизвестным причинам он сделал вывод, что Феннан опасен. В следующий вечер, это был первый вторник месяца, Эльза Феннан принесла в нотной папке документы своего мужа в Вэйбриджский театр согласно установленному порядку и оставила ее в раздевалке, где ей дали номерок. Мундт должен был принести такую же папку и сделать с ней то же. Потом, во время представления, они обменялись номерками. Эльза воспользовалась экстренным вариантом; она отнесла номерок по известному ей адресу после того, как покинула театр до конца спектакля, чтобы успеть к последней выемке корреспонденции из почтовых ящиков Вэйбриджа. Затем она вернулась к себе, где ее ждал Мундт, который только что убил Феннана, скорее всего по приказу Дитера. Он его застрелил в упор, как только Феннан открыл дверь. Зная Дитера, я предполагаю, что он давно предусмотрительно оставил в Лондоне несколько чистых листов бумаги с подлинной или подделанной подписью Сэма Феннана на случай, если нужно будет его скомпрометировать или шантажировать. Тогда, если я не ошибаюсь, Мундт должен был принести один из таких листков, чтобы напечатать письмо о самоубийстве на пишущей машинке самого Феннана. Во время той ужасной сцены, которая разыгралась сразу после прихода Эльзы, Мундт понял, что Дитер неправильно истолковал встречу Феннан – Смайли, но он рассчитывал на Эльзу, чтобы сохранить репутацию убитого, тем более что Эльза невольно стала соучастницей. Следовательно, Мундту нечего было бояться. Он попросил Эльзу, чтобы она сама напечатала письмо, возможно, потому, что боялся сделать ошибки в английском.

Возможно, что Мундт требовал вернуть нотную папку, за которой он не пришел. Эльза ему ответила, что, следуя полученным инструкциям, она отослала номерок от гардероба по определенному адресу в Хэмпстед и оставила нотную папку в театре. Мундт отреагировал характерным образом: он заставил Эльзу позвонить в театр, для того чтобы он смог пойти за папкой в этот вечер по дороге в Лондон.

Следовательно, или же адрес, по которому был отправлен билет, уже не работал, или же Мундту надо было забрать номерок и папку в этот же вечер, поскольку утром он (вероятно) собирался уезжать.

В среду утром, четвертого января, Смайли отправляется в Уоллистон и в ходе своей первой беседы узнает о вызове на восемь тридцать из центральной, который (очень возможно) Феннан заказывал в семь пятьдесят пять накануне вечером. ЗАЧЕМ?

Позже этим же утром Смайли возвращается к Эльзе Феннан, чтобы спросить ее насчет звонка в восемь тридцать, который, а она это знала (по ее собственным словам), должен был меня обеспокоить. (Конечно же, лестное описание моих способностей Мундтом произвело на нее впечатление.) Рассказав Смайли нескладную историю об отсутствии у нее памяти, она теряет голову и звонит Мундту. Мундт, очевидно, снабженный фотографиями или получивший от Дитера приметы Смайли, решает его ликвидировать (по приказу Дитера?). И чуть позже, в тот же вечер, ему это почти удается. (Заметка: Мундт вернул машину в гараж Скарра только четвертого ночью, что совершенно не доказывает, что он не собирался улетать на самолете в

ближайшее время. Если он хотел улететь утром, он вполне мог бы пригнать машину Скарру заблаговременно и добраться до аэродрома на автобусе.)

Кажется совершенно очевидным, что Мундт изменил свои планы после звонка Эльзы. Но совсем необязательно, что он изменил их из-за этого звонка.

Действительно ли Мундт поддался панике? Настолько, что остался в Англии и убил Адама Скарра?»

В передней зазвонил телефон.

– Джордж? Это Питер. С адресом и номером телефона абсолютный ноль. Везде тупик. Я к этому и был готов. И адрес, и номер телефона нас приводят в одно место – квартиру в Хайгэйт Виллэдж.

– Ну и что?

– Квартиру снимает какой-то летчик из «Люфтевропы». Пятого января он оплатил два месяца своего пребывания и с тех пор не возвращался.

– А, черт возьми!

– Хозяйка квартиры прекрасно помнит Мундта. Друга пилота. Очень вежливый, очень любезный для немца джентльмен. И очень щедрый. Часто он спал на диване.

– Господи!

– Я прочесал всю комнату вдоль и поперек. В углу стоит письменный стол. Все ящики пусты, кроме одного, где находится номерок от раздевалки. Откуда он мог взяться?.. Кстати…

– Да?

– Я заглянул на квартиру Дитера. Там тоже ни черта нет. Он уехал четвертого января. Даже не предупредив молочницу.

– А его корреспонденция?

– Он не получал ничего, кроме счетов. Я также взглянул на гнездышко товарища Мундта: две комнаты над бюро представительства компании. Мебель уехала вместе со всеми. Печально.

– Понятно.

– Тем не менее я собираюсь вам сказать, Джордж, кое-что странное. Я надеялся добиться у полиции, чтобы мне доверили личные вещи Феннана: бумажник, записную книжку и тому подобное… Помните? Я как-то вам говорил…

– Да.

– Так вот, они у меня. В его записной книжке я нашел имя Дитера Фрея в разделе «Адреса». А рядом – номер телефона представительства. Чертовски смело.

– Это даже не смелость, это сумасшествие, черт возьми!

– Затем в разделе «4 января»: «Смайли. Позвонить в 8.30», что подкреплено записью на странице «3 января»: «Заказать вызов на среду, утро». Вот ваш таинственный звонок из центральной.

– Не менее необъяснимый.

Тишина.

– Джордж, я послал Феликса Тавернера в Форейн Офис кое-что поискать. С одной стороны, это превосходит наши худшие опасения, с другой – более утешительно.

– Как это?

– Да так: Тавернер изучил журнал, где занесены все документы, полученные за последних два года. Он смог определить, какими досье занималась служба Феннана. Если документ специально запрашивался службой, то заполнялась соответствующая форма запроса; эти запросы сохранились.

– Я слушаю.

– Феликс заметил, что три или четыре досье были выданы Феннану в пятницу после обеда, а возвращал он их во вторник, из чего можно сделать вывод, что эти бумажки он относил на выходные домой.

– О, черт возьми!

– Но что наиболее интересно – в течение последних шести месяцев, то есть со времени его назначения на новый пост, он приносил домой зарегистрированные документы, которые никого не могли заинтересовать.

– Но ведь в течение последних месяцев он начал заниматься секретными досье. Он мог относить к себе все, что хотел.

– Знаю, но он этого не делал. По правде говоря, может показаться, что действовал он с умыслом. Он брал бумаги, не представляющие важности и никак не связанные с его повседневной работой. Его коллеги не могут ничего понять даже сейчас, когда они обратили внимание. Он даже брал документы, не имеющие никакого отношения к его службе.

– И незарегистрированные?

– И не представляющие никакого интереса с точки зрения шпионажа.

– А раньше, до того, как его назначили на новую должность? Какие документы он тогда приносил?

– Обычные. Документы, вводящие его в курс происходящих событий, политики и тому подобное.

– Секретные?

– Некоторые да, некоторые нет, без разбора.

– Но ничего неожиданного? Никаких щекотливых или касающихся его документов?

– Нет, ничего. У него была сотня удобных случаев, чтобы их принести, но он этого не сделал. Я думал, он боялся.

– Это очень естественно, если учесть, что он в своем блокноте записал имя резидента…

– А что вы скажете на это: он похлопотал, чтобы взять выходной на четвертое – следующий день после его смерти. С его стороны – поразительная вещь, если учесть, что у него было полно работы, как кажется.

– Чем занимается Мастон? – спросил после недолгого молчания Смайли.

– Сейчас он наводит справки по документам и подскакивает ко мне каждую минуту, чтобы задавать идиотские вопросы. Я думаю, он растерялся перед лицом неопровержимых фактов.

– О, не беспокойтесь, Питер, ему удастся их уничтожить.

– Он уже начал говорить, что все обвинения, выдвинутые против Феннана, держатся на заявлении какой-то ненормальной.

– Спасибо, что позвонили, Питер.

– До скорого, старина, и будьте осторожны.

Смайли, положив трубку, спрашивал себя, где Мендель. На столе в передней он нашел вечернюю газету с бросающимся в глаза заголовком: «Евреи протестуют против линчевания». В статье шла речь о самосуде над одним евреем-лавочником в Дюссельдорфе. Смайли открыл дверь в гостиную. Менделя там не было. Потом он заметил его через окно. В своей шапке садовника и с топором в руках Мендель с дикой ожесточенностью нападал на пень перед домом. Смайли смотрел на него некоторое время, потом пошел к себе. Не успел он подняться по лестнице, как зазвонил телефон.

– Джордж, извините, что я снова вас беспокою. Это по поводу Мундта.

– Да?

– Он уехал вчера вечером в Берлин самолетом компании Б.Е.А. Он летел под другим именем, но стюардесса его легко опознала. Вот. Неудача, старина.

Смайли подержал нажатым рычаг телефона, попросил затем Уоллистон 29-44. Он услышал гудок на другом конце провода, потом его прервал голос Эльзы Феннан.

– Алло! Алло! Алло…

Он медленно опустил трубку. Она была жива. Но почему сейчас? Почему Мундт возвращался в Германию сейчас, семь недель спустя после убийства Феннана, три недели после Скарра? Почему он устранил наименьшую опасность – Скарра и оставил жить Эльзу Феннан, истеричную, озлобленную, способную в любой момент выдать свой секрет и все рассказать? Та ужасная ночь могла бы вызвать любую реакцию у этой женщины. Как Дитер мог доверять человеку, на которого теперь он имел такое слабое влияние? Репутация ее мужа не могла быть больше сохранена. Разве Эльза Феннан из-за мести или угрызения совести не могла выложить всю правду? Конечно, нужно было, чтобы прошло какое-то время между убийством Феннана и его жены, но какие события, новости или опасения заставили Мундта вернуться в Германию вчерашней ночью?

Возможно, выполнение безжалостного и тщательно подготовленного плана, имеющего целью сохранить в тайне измену Феннана, было остановлено? Какие события, о которых пронюхал Мундт, произошли накануне? Или же его отъезд был простой случайностью? Смайли не мог в это поверить. Если бы после двух убийств и одного покушения Мундт и остался в Англии, то только под принуждением и стал бы ждать любой возможности уехать. Он не остался бы ни на минуту дольше, чем нужно. Однако что он делал после смерти Скарра? Он забился в какую-то уединенную комнату, сторонясь людей и дневного света. Тогда почему он так поспешно вернулся в свою страну?

А Феннан? Кем был этот шпион, выбиравший для своих шефов лишь не представлявшую ценности информацию, в то время как под рукой у него были золотые россыпи? Может, он поменял взгляды? Ослабел? Тогда почему он не говорил об этом со своей женой, для которой его измена была постоянным кошмаром и которая была бы рада, если бы он вышел из игры? Теперь было очевидным, что Феннан никогда не отдавал предпочтения секретным документам, он просто приносил к себе документы, касающиеся его текущей работы. Предательство с его стороны объяснило бы, конечно, странную встречу в Марлоу и тот факт, что Дитер в этом предательстве не сомневался. А кто же написал анонимное письмо?

Все это не выдерживало критики. Все. Видно, сам Феннан, красноречивый, блистательный, лгал с такой ловкостью! А Смайли нашел его симпатичным. Тогда почему этот специалист по обману сделал неслыханный промах, написав имя Дитера в своем блокноте, и проявил так мало интереса или же компетентности в выборе информации для вражеской разведки?

Смайли пошел за вещами, которые Мендель привез с Байсуотер-стрит. А что ему еще было делать?

Глава четырнадцатая

Дрезденские статуэтки

Стоя на лестничной площадке, он поставил свой чемодан и принялся искать ключ. Открывая дверь, он вспомнил появление Мундта на пороге, его бледно-голубой расчетливый взгляд, устремленный на него. Ему было трудно поверить, что Мундт – ученик Дитера. Мундт действовал с непреклонностью наемника – хорошо тренированного, компетентного, ограниченного. Его техника не отличалась оригинальностью, и к тому же он был только тенью своего учителя. Можно было подумать, что восхитительные находки Дитера были собраны в учебнике, который Мундт выучил наизусть. Из осторожности Смайли не сказал на почте, чтобы ему пересылали письма, и теперь они лежали стопкой на коврике. Он собрал их и положил на столик в прихожей, потом начал открывать двери, оглядываясь вокруг со смущенным и

растерянным видом. Дом показался ему пустым и холодным; он отдавал затхлостью. Медленно переходя из одной комнаты в другую, он впервые осознал всю пустоту своего существования.

Он поискал спички, чтобы зажечь газовый отопитель, и не нашел. Он сел в кресло в гостиной; его глаза блуждали по книжным полкам и по различным предметам, которые он собирал во время своих поездок. После отъезда Энн он тщательно уничтожил все следы ее пребывания. Он даже избавился от ее книг. Но понемногу он позволил нескольким символам их совместной жизни занять свое прежнее место – свадебным подаркам от лучших друзей, слишком дорогим, чтобы их выбрасывать. Эскиз Ватто, подаренный Питером Гиллэмом, фарфоровые статуэтки от Стид-Эспри. Он поднялся и приблизился к ним. Поставил их на буфет. Он любил восхищаться красотой этих человечков – маленькой куртизанки в стиле рококо в костюме пастушки, которая протягивала руки к одному из своих поклонников, повернув голову к другому. Он чувствовал себя так же неловко перед хрупким совершенством этих фигурок, как в то время, когда добивался привязанности Энн, повергая в изумление лондонское общество. В какой-то мере эти маленькие фигурки придавали ему силы; просить Энн быть верной было так же напрасно, как требовать постоянства от этой пастушки под стеклянным колпаком. Стид-Эспри купил эти фигурки в Дрездене перед войной. Хотя они и были главным достоянием его коллекции, он подарил их молодоженам. Может быть, он почувствовал, что Смайли придется по душе простая философия этой композиции.

Из всех немецких городов Смайли больше всего любил Дрезден. Он любил его архитектуру, эту любопытную смесь средневековых и классических зданий, которые напоминали иногда Оксфорд; его купола, башни, колокольни и бронзовые крыши, сверкающие на солнце. Его название означает «город лесных жителей». Это в нем Венчеслав Богемский осыпал подарками и привилегиями менестрелей. Смайли вспомнил последний визит туда к профессору философии, с которым он познакомился в Англии. Во время той поездки он и заметил Дитера Фрея, с трудом поспевающего за остальными заключенными. Он снова возник в его памяти – стройный, непокоренный, с бритой головой, казавшийся слишком крупным для этой маленькой тюрьмы. Там же, в Дрездене, родилась Эльза. Смайли смотрел ее бумаги в министерстве. Эльза, урожденная Фрейман, родилась в 1917 году в Дрездене. Немка. Родители – немцы. Выросла в Дрездене. Была в тюрьме с 1938 по 1945 год. Он пытался ее представить в семейном кругу в патриархальной немецкой семье, осыпаемой оскорблениями и подвергавшейся преследованиям. «Я мечтала о длинных светлых волосах, а мне обрили голову». Он понял с мучительной ясностью, почему она молчала. Она, должно быть, была бы похожа на эту пастушку – красивую, полногрудую. Но ее тело, разрушенное голодом, стало хрупким и некрасивым, как скелет маленькой птички. Он мог себе представить, как в ту ужасную ночь она обнаружила убийцу своего мужа рядом с трупом. Он слышал, как она объясняет задыхающимся, прерывающимся от рыданий голосом, почему Феннан прогуливался в парке со Смайли. Он также мог представить Мундта, равнодушного, сомневающегося и возражающего и в конце концов заставившего ее принять участие, помимо ее воли, в самом ужасном и бесполезном из преступлений, тащившего ее к телефону, заставившего ее позвонить в театр и, наконец, оставившего ее, обессиленную и измученную, защищаться от следствия, которое обязательно последует; она также должна была напечатать письмо о самоубийстве Феннана. Все это было невероятно жестоко, подумал Смайли. Мундт подвергал себя громадному риску. Конечно, она уже представила доказательства своих способностей, она проявила хладнокровие, и – любопытная вещь! – она проявила большую ловкость, чем Феннан, в качестве шпиона. Черт возьми, если учесть, что она провела подобную ночь, ее поведение во время первого разговора со Смайли было очень естественным.

В то время, когда он созерцал маленькую пастушку, навечно застывшую между двумя своими кавалерами, он понял с каким-то безразличием, что существует совершенно иное решение в деле Сэмюэла Феннана, решение, которое объясняет все до мельчайших подробностей и которое примиряет очевидные противоречия в характере Феннана. Вначале

это решение обрело форму академической задачи, без связи с индивидуальностью; Смайли переставлял участников, как части головоломки, пытаясь найти верную комбинацию, для того чтобы сложить их в стройную конструкцию установленных фактов.

Вдруг, в одно мгновение, решение предстало перед ним с такой ясностью, что никакой задачи будто бы и не было.

Сердце Смайли забилось сильнее, когда он с нарастающим удивлением рассказывал себе самому всю историю, восстановив все картины и эпизоды своего открытия. Теперь он знал, почему Мундт уехал из Англии в тот день, почему Феннан выбирал документы, не представляющие интереса для Дитера, почему он заказал вызов на восемь тридцать и из-за чего его жена избежала хладнокровной расправы Мундта. Он также знал, кто написал анонимное письмо. Он понял, какую шутку с ним сыграли его собственные чувства, как его ввела в заблуждение сила собственного интеллекта.

Он снял трубку и набрал номер Менделя. Поговорив с ним, он позвонил Питеру Гиллэму. Затем надел пальто и шляпу и направился на Слоун Сквер. В небольшом магазине он купил почтовую открытку с изображением Вестминстерского аббатства. Он доехал на метро до Хайгэйта. На главпочтамте он купил марку и написал по европейской привычке, прописными буквами адрес Эльзы Феннан. На месте, отведенном для текста, он добавил неровным почерком: «Жаль, что вас здесь нет». Он бросил письмо в ящик, отметил время, затем вернулся на Слоун Сквер. Ничего другого он больше сделать не мог.

Этой ночью он спал глубоким сном. Проснувшись очень рано на следующий день, а это была суббота, он купил булочку и кофе. Он приготовил полный кофейник и, устроившись на кухне, читал «Таймс», не переставая есть. Он чувствовал себя удивительно спокойно. Внезапно зазвонил телефон. Смайли аккуратно сложил газету перед тем, как пойти ответить.

– Джордж? Это Питер. (Голос был взволнованный, почти ликующий.) Джордж, она клюнула. Я могу поклясться в этом!

– Что случилось?

– Почта пришла ровно в восемь тридцать пять. В девять тридцать она быстро спустилась по аллее. Она пошла прямо на вокзал и села в девять пятьдесят две на поезд, прибывающий на вокзал Виктория. Я посадил Менделя в поезд, а сам поехал на машине, но я не смог приехать одновременно с ними.

– Каким образом вы связались?

– Я дал ему номер телефона в отеле Гроссвенор, откуда я и звоню. Как только представится случай, он позвонит мне, и я поеду к нему.

– Питер, вы будете действовать аккуратно, не так ли?

– Комар носа не подточит. Я полагаю, что она потеряла голову. Она неслась, как борзая.

Смайли положил трубку. Он опять взял «Таймс» и принялся изучать театральную колонку. Он оказался прав. Он не мог ошибиться.

Утро прошло мучительно медленно. Время от времени Смайли, засунув руки в карманы, располагался у окна и рассматривал девчонок со стройными ногами, прогуливающихся со своими молодыми людьми, одетыми в бледно-голубые свитера, или же наблюдал за рабочими дорожной службы, которые суетились у домов, ожидая, пока наступит время пойти выпить первую субботнюю кружку пива. Наконец (ему показалось, что прошла вечность) он услышал звонок в дверь. Вошли Мендель и Гиллэм, голодные и улыбающиеся.

– Она на крючке! – сказал Гиллэм. – Мендель сейчас вам все расскажет… Он сделал почти всю грязную работу. Я пришел, когда почти все уже было сделано.

Мендель пунктуально и ясно ввел Смайли в курс дела, глядя прямо перед собой, наклонив голову.

– Она села в поезд, отправляющийся в 9.52 и прибывающий на вокзал Виктория. В поезде я следил за ней издалека, когда она выходила. Она взяла такси до Хаммерсмит.

– Такси! – прервал Смайли. – Она, должно быть, сошла с ума!

– Она сдрейфила. Во всяком случае, она шла очень быстро для женщины, чуть ли не бежала по бульвару. Выйдя на Бродвее, она направилась к театру Шерридан. Она хотела открыть двери кассы предварительной продажи билетов, но они были заперты. Поколебавшись мгновение, она пошла назад и зашла в бистро в сотне метров. Она взяла кофе и сразу же расплатилась. Спустя сорок минут она вернулась в Шерридан. Касса была открыта. Я встал в очередь за ней. Она купила два билета в середине зала на следующий четверг, ряд Т, места 27-28. Выходя из театра, она положила один из билетов в конверт, который потом запечатала и отправила. Я не смог прочесть адрес, но там была марка за шесть пенсов[8].

Смайли сидел неподвижно.

– Я думаю, придет ли он? – сказал Смайли.

– Я нашел Менделя в Шерридан, – начал свой рассказ Гиллэм. – Когда он увидел, что миссис Феннан зашла в кафе, он позвонил мне, а сам последовал за ней.

– Я тоже хотел выпить кофе, – сказал Мендель. – Гиллэм присоединился ко мне. Я оставил его в очереди перед театром, поэтому он вышел из бистро немного позже. Все прошло без сучка, без задоринки. Я уверен, она боялась. Но она ничего не заподозрила.

– Что она потом делала? – спросил Смайли.

– Она вернулась на вокзал. Мы ее там и оставили.

После небольшой паузы Мендель спросил:

– А что сейчас будем делать?

Смайли, моргнув глазами, серьезно посмотрел на посеревшее лицо Менделя.

– Мы должны купить билеты на четверг в Шерридан.

Они ушли, и он вновь остался один. Он еще не успел разобрать обильную корреспонденцию, собравшуюся за время его отсутствия. Циркуляры, перечни, счета, проспекты, несколько личных писем все еще лежали грудой на столике в прихожей. Смайли перенес все в гостиную и первым делом начал просматривать письма. Одно письмо было от Мастона, которое он прочел с чувством некоторого смущения.

«Дорогой Джордж!

Я был глубоко опечален, узнав от Гиллэма, что с вами произошел несчастный случай, и надеюсь, что сейчас вы уже полностью оправились. Может быть, вы помните, что сгоряча послали мне письмо об отставке, и, конечно же, я не воспринял его всерьез. Случается, что, как только мы становимся жертвами обстоятельств, мы теряем чувство меры и здравый смысл. Но мы, старая гвардия, не собираемся складывать оружие. Надеюсь, что вы будете нас иногда навещать, и мы по-прежнему будем считать вас преданным работником.»

Смайли отложил письмо и взял следующее. Сначала он не узнал почерк; он внимательно смотрел на швейцарскую марку и изящный конверт с названием гостиницы. Вдруг он почувствовал отвращение; все поплыло у него перед глазами, и он едва не порвал конверт.

Чего она от него хочет? Если денег, то она может забрать все. Это его деньги, и он может их тратить по своему усмотрению. Если захочет растратить их на Энн – он это сделает. Ему больше нечего ей дать, остальное она уже забрала. Она отняла у него мужество, любовь, сострадание и с легким сердцем увезла их с собой в шкатулке для драгоценностей, чтобы перебирать их по случаю после обеда под жарким кубинским солнцем, когда время, кажется, останавливается, чтобы выставлять их напоказ перед глазами своего любовника для того,

чтобы сравнить их с такими же безделушками, полученными в дар от других и после замужества.

«Милый Джордж!

Я хочу тебе сделать предложение, которое не примет ни один уважающий себя мужчина.

Я хотела бы вернуться к тебе.

Я остановилась в Бор-о-Лак в Цюрихе, до конца месяца. Жду ответа.

Энн.»

Смайли взял конверт и посмотрел на обратную сторону. «Мадам Хуан Альведа». Нет, ни один мужчина не смог бы принять такой «подарок». Никакая мечта не смогла бы пережить день, когда Энн уехала со своим приторным кубинцем, чья улыбка наводила на мысль о рекламе зубной пасты. Однажды Смайли собственными глазами видел гонку, выигранную Альведой в Монте-Карло. Наиболее отвратительным в этом человеке – Смайли помнил об этом до сих пор – были его волосатые руки. В темных очках, в пятнах бензина, с причудливым лавровым венком, он в точности напоминал человекообразную обезьяну, упавшую с дерева. На нем была белая рубашка с коротким рукавом, чудом оставшаяся безукоризненно чистой после гонки, и эту отвратительную чистоту подчеркивали его черные руки гориллы.

В этом была вся Энн. «Жду ответа». Верни старое, посмотри, можно ли все начать сначала, и ответь мне. Я бросила своего любовника, любовник бросил меня. Позволь мне снова взбудоражить твой мир: мой мне надоел. Я хотела бы вернуться к тебе… Я хотела бы… Хотела бы…

Смайли встал, все еще держа в руке письмо. Он снова подошел к фарфоровым фигуркам. Он оставался там несколько минут, глядя на маленькую пастушку. Она была такой прекрасной.

Глава пятнадцатая

Последнее действие

Театр Шерридан, где играли «Эдуарда Второго», был набит до отказа. Гиллэм и Мендель сидели рядом на боковых местах с левой стороны зала. Партер образовывал перед сценой полукруг, и отсюда они могли видеть задние ряды. Несколько пустых мест отделяли Гиллэма от группы молодых студентов, ерзающих от нетерпения. Оба задумчиво смотрели на подвижное море голов, оживляемое бесконечными колебаниями, когда опоздавшие занимали свои места. Это зрелище напоминало Гиллэму один восточный танец, где неуловимые движения рук и ног контрастировали с неподвижным туловищем. Время от времени он бросал взгляд на кресла в глубине зала, но ни Эльзы Феннан, ни ее спутника не было.

Записанная на диск увертюра закончилась, и он снова украдкой взглянул на два кресла в заднем ряду. Сердце его екнуло: он увидел тонкий неподвижный силуэт Эльзы Феннан, которая пристально разглядывала зал, как ребенок, изучающий хорошие манеры. Место справа от нее, возле прохода, еще пустовало.

А на улице, перед входом в театр, выстраивались ряды такси и очаровательные представители высшего и среднего сословий спешно давали шоферам слишком щедрые чаевые и теряли еще пять минут в поисках своих билетов. Такси, в котором ехал Смайли, миновав театр, остановилось у отеля «Кларендон», и он пошел в бар.

– С минуты на минуту я жду телефонного звонка, – сказал он. – Мое имя Сэвидж. Вы позовете меня?

Бармен повернулся к стоящему за ним телефону и что-то сказал телефонистке.

– И, пожалуйста, маленький виски с содовой. Выпьете со мной?

– Спасибо, я не пью.

Над слабо освещенной сценой поднялся занавес, и Гиллэм, уставившись в глубь зала, сперва тщетно старался проникнуть взглядом сквозь внезапные сумерки. Мало-помалу его

глаза привыкли к слабому огоньку аварийной лампочки, и ему удалось различить Эльзу в полумраке; место рядом с ней оставалось незанятым.

Лишь низенькая перегородка отделяла кресла от прохода, огибавшего зал сзади; позади нее было множество дверей, ведущих в фойе, бар и раздевалку. Вдруг одна из них открылась, и, словно нарочно, косой луч света упал на Эльзу Феннан, освещая одну сторону лица, обрисовывая ее черты. Она слегка наклонила голову, как бы прислушиваясь к чему-то позади себя, привстала, вновь села, приняв прежнюю позу.

Гиллэм почувствовал, как Мендель дотронулся до его руки, оглянулся и увидел худое лицо своего спутника, который сидел, подавшись вперед. Проследив за направлением взгляда Менделя, он рассмотрел первые ряды: высокий силуэт медленно двигался в глубину зала. Это было впечатляющее зрелище: красивый, очень стройный мужчина со спадающей на лоб прядью черных волос. Мендель с восхищением рассматривал высокого красавца, поднимавшегося, прихрамывая, по проходу. В нем было что-то особенное, что-то поразительное, даже беспокоящее. Гиллэм, сквозь очки наблюдавший его медленные и величественные движения, любовался грацией и гармонией его неровной походки. Это был особый человек, один из тех, которые оставляют глубокий отпечаток в памяти, которые одинаково свободно чувствуют себя в любом обществе; для Гиллэма он был олицетворением романтического героя. Он представил его на мостике корабля рядом с Конрадом; представил путешествующим с Байроном по Греции, вместе с Гете спускающимся во мрак средневекового ада.

Он шел, выбрасывая вперед здоровую ногу, и его вызывающий властный вид не мог остаться незамеченным. Гиллэм отметил, что все повернули головы к нему и провожали его взглядом, как загипнотизированные.

Гиллэм встал и быстро пошел к запасному выходу. Затем он прошел по проходу, спустился на несколько пролетов и наконец вошел в фойе. Касса была закрыта, но там еще сидела молодая кассирша, склонившись над схемой, где были отмечены проданные места.

– Извините, – обратился к ней Гиллэм, – мне надо позвонить по вашему телефону. Срочно… Вы разрешите?

– Тсс…

Не поднимая головы, она быстро водила карандашом. У нее были бесцветные волосы, жирная кожа, выдававшая долгие часы бессонницы и наспех проглоченные завтраки. Гиллэм подождал несколько секунд, размышляя, сколько времени ей понадобится, чтобы связать воедино частокол цифр, стопку билетов и кучу монет в кассе.

– Послушайте, – повторил он, – я инспектор полиции. Там, наверху, находятся два героя, которые мечтают о ваших деньгах. Ну что, дадите мне позвонить?

– О Господи, – сказала она устало, в первый раз взглянув на Гиллэма. (Она носила очки, и ее лицо было некрасивым.) Она не казалась ни встревоженной, ни взволнованной. – Пусть забирают эти чертовы деньги. С этими счетами можно сойти с ума.

Она отложила сложенные перед ней бумаги, открыла дверцу своей кабинки, и Гиллэм пробрался внутрь.

– Тесновато, да? – заметила она, лукаво улыбаясь.

У нее была почти культурная речь – безусловно, студентка из Лондона, зарабатывающая себе на карманные расходы, отметил Гиллэм. Он позвонил в «Кларендон» и попросил мистера Сэвиджа.

Почти сразу же он услышал голос Смайли.

– Он здесь, – сказал Гиллэм. – Здесь с самого начала. Должно быть, он взял дополнительный билет; он сел впереди. Мендель сразу увидел, как он, прихрамывая, поднимался по проходу.

– Прихрамывая?

– Да, это не Мундт. Это тот, Дитер.

Смайли ничего не ответил, и после нескольких секунд тишины Гиллэм спросил:

– Джордж… Вы слушаете?

– Боюсь, что нас обманули. Против Фрея у нас ничего нет. Скажите своим людям, чтобы они уходили. Мундта сегодня вечером не будет. Первое действие закончилось?

– Почти.

– Я буду через двадцать минут. Не упускайте из виду Эльзу. Если они выйдут из зала и разойдутся, пусть Мендель сядет на хвост Дитеру. Оставайтесь в фойе во время последнего действия на случай, если они уйдут раньше.

Гиллэм положил трубку, повернулся к девушке.

– Благодарю вас, – сказал он, положив четыре пенса на стол.

Она спешно взяла их и решительно вложила в руку Гиллэма.

– Ради Бога, – сказала она, – не усложняйте мне жизнь.

Гиллэм вышел на улицу и сказал несколько слов полицейскому в штатском, стоящему на тротуаре. Потом он поспешил занять свое место рядом с Менделем.

Занавес опустился. Закончилось первое действие.

Эльза и Дитер сидели рядом, о чем-то весело болтая. Дитер смеялся, Эльза дергалась, как картонный паяц, послушный рукам хозяина. Мендель как загипнотизированный смотрел на них. Слова Дитера ее смешили. Она наклонилась вперед и положила ладонь на его руку. Ее тонкие пальцы выделялись на фоне темного смокинга. Мендель увидел, как Дитер, наклонившись к ней, прошептал что-то, что снова ее рассмешило. Затем свет постепенно погас, и зал затих в ожидании второго действия.

Смайли вышел из отеля и медленно направился к театру. Он подумал, что не случайно Дитер пришел в театр сам; посылать Мундта было бы безумием. Сколько времени понадобится Дитеру и Эльзе, чтобы выяснить, что открытку написал кто-то другой? Важно было не упустить этот момент. Все, чего он желал, – это еще раз побеседовать с Эльзой.

Несколько минут спустя он молча сел в пустое кресло возле Гиллэма. Он очень давно не видел Дитера.

Тот не изменился. Он остался тем же обворожительным, обаятельным героем, незабываемой личностью, с несгибаемой волей и безграничной выдержкой, боровшейся среди руин Германии. В тот вечер в клубе Смайли сказал неправду; Дитер не был соизмерим с другими людьми: его коварство, его тщеславие, его сила и его мечта – все это было больше, чем жизнь, и не поддавалось нивелирующему влиянию опыта.

Это был человек, думающий и действующий абсолютными категориями, которому терпение и компромиссы были чужды.

К Смайли снова пришли воспоминания, когда он, сидя в темном театре, наблюдал за Дитером поверх массы неподвижных лиц; воспоминания об опасности, которой вместе подвергались, взаимном доверии, когда жизнь Смайли зависела от Дитера, и наоборот. Смайли спросил себя, заметил ли его Дитер, и в какое-то мгновение ему показалось, что тот пристально смотрит на него из темноты.

Когда занавес опустился, Смайли быстро направился к боковому проходу и стал спокойно ждать в коридоре звонка, объявляющего третье действие. Мендель присоединился к нему перед самым окончанием антракта, а Гиллэм прошел перед ними, чтобы занять свой пост в фойе.

– Что-то происходит, – объявил Мендель. – Они спорят. У нее взволнованный вид. Она постоянно что-то повторяет, а он лишь кивает головой. Она в панике, а Дитер, кажется, чем-

то обеспокоен. Он оглядывается вокруг, как будто попал в западню; он осматривает зал, как бы намечая пути к отступлению. Один раз он посмотрел на место, где вы сидели.

– Он не отпустит ее одну, – сказал Смайли. – Он подождет, чтобы ускользнуть с толпой. И поэтому будет ждать окончания спектакля. Скорее всего, он понял, что окружен, и постарается утереть нам нос, оставив внезапно в толпе Эльзу, попросту бросив ее.

– Так чего же мы ждем? Почему бы не пойти туда и не арестовать их?

– Мы ждем; правда, я не знаю, чего. У нас нет никаких доказательств. Ни того, что они убийцы, ни того, что они шпионы. Да и Мастон ничего не знает. Но помните: Дитер не подозревает о наших колебаниях. Если Эльза нервничает, а Дитер обеспокоен, значит, они собираются что-то предпринять, это точно. Пока они думают, что игра окончена, у нас есть шанс на успех. Они начнут нервничать, попытаются убежать или еще что-нибудь. Главное – заставить их действовать.

Театр снова погрузился в темноту, но краешком глаза Смайли видел, как Дитер наклонился к Эльзе и что-то тихо сказал ей на ухо. Он держал ее за руку, как бы стараясь в чем-то убедить или успокоить.

А пьеса продолжалась. Рычание солдат и безумные крики короля наполняли зал; затем последовала тягостная сцена его ужасной смерти. Над рядами пронесся вздох. Дитер обнял Эльзу и набросил ей на плечи меховой воротник, поддерживая ее, как спящего ребенка. Так они и сидели до самого занавеса. Ни он, ни она не аплодировали. Дитер взял сумку Эльзы и, сказав ей что-то ободряющее, положил ей на колени. Она слегка наклонила голову. Раздалась барабанная дробь; все встали, зазвучал национальный гимн. Смайли тоже машинально встал, с удивлением отметив, что Мендель куда-то исчез. Дитер не спеша поднялся, и Смайли понял, что что-то произошло. Эльза осталась сидеть, хотя Дитер настойчиво теребил ее за рукав. В ее позе было что-то странное и неестественное.

Начался последний куплет гимна, когда Смайли бросился к дверям и, пробежав по коридору, спустился по каменным ступенькам, ведущим в фойе. Он пришел слишком поздно: у входа уже толпились зрители, чтобы поймать такси. Он растерянно посмотрел в толпу в надежде увидеть Дитера, но понял, что зря теряет время. Дитер сделал то, что сделал бы он сам: выскользнул в один из двенадцати запасных выходов.

Коренастая фигура Смайли несмело прокладывала себе путь в толпе, чтобы пробраться к выходу у сцены. Он увидел Гиллэма на краю человеческого потока как раз в то время, когда, лавируя, пробивал себе дорогу среди выходящих людей. Гиллэм тоже безуспешно искал Дитера и Эльзу. Смайли позвал его, и тот сразу же оглянулся.

Продолжая с трудом пробиваться, Смайли достиг низенькой перегородки и увидел Эльзу Феннан. Она сидела неподвижно, хотя все вокруг шевелилось. Мужчины вставали, женщины возились со своими пальто и сумочками.

И тут он услышал крик. Внезапный крик; крик ужаса и отвращения. Какая-то девушка, стоя в проходе, смотрела на Эльзу. Она была молодой и очень красивой. Она стояла, зажав рукой рот, и ее лицо было мертвенно бледным. За ней стоял ее отец, высокий хмурый мужчина. Он схватил ее за плечи и быстро увлек назад, увидев ужасную картину впереди. Воротник Эльзы упал с плеч, голова склонилась на грудь.

Смайли оказался прав. «Пусть они запаникуют, побегут, все, что угодно, лишь бы они раскрылись». И вот результат их паники: безобразное безжизненное тело.

– Будет лучше, если вы вызовете полицию, Питер. Я поеду к себе. Не впутывайте меня в эту историю. Вы знаете, где меня найти. (Он кивнул головой и как бы для себя добавил.) Я возвращаюсь к себе.

На Фулхэм Палас Роуд, куда Мендель ринулся в погоню за Дитером, был туман и мелкий дождь. Вдруг из сырого мрака в двадцати метрах от него вынырнули фары машины. То и дело раздавался визг тормозов: водители нервничали, двигаясь почти ощупью. Ему пришлось преследовать Дитера по пятам. Их разделяло не более десяти метров. Кафе и кинотеатры уже были закрыты, но у баров и варьете еще толпились люди. Дитер шел прихрамывая. Его фигура время от времени четко вырисовывалась в свете уличных фонарей. Он шел быстро, несмотря на больную ногу. Когда он ускорял шаг, его хромота становилась более заметной, и при этом казалось, что он выбрасывает левую ногу вперед, помогая себе всем телом.

На лице Менделя не было ненависти и непреклонной воли; лишь отвращение. Высокий профессионализм Дитера-разведчика его не интересовал. Перед ним был просто убийца во всей своей гнусности, трус, плативший другим, чтобы они убивали вместо него. Когда Дитер как бы невзначай отделился от толпы и направился к запасному выходу, Мендель увидел то, что и ожидал увидеть: повадки обычного преступника. Это было ему хорошо знакомо. Для Менделя все они были одинаковыми: от карманных воришек до крупных акул, жонглирующих капиталами акционерных обществ. Все они были вне закона, и Мендель считал своей задачей – неприятной, но необходимой – упрятать их в надежное местечко. По воле случая этот оказался немцем.

Туман сгущался, приобретая желтоватый оттенок. Оба были без пальто. Мендель задавался вопросом, что собирается делать Эльза Феннан. Гиллэм позаботится о ней. Она даже не посмотрела вслед уходящему Дитеру. Странная женщина. Только кожа да кости. Глядя на нее, можно подумать, что она питается сухарями и супом из порошка.

Внезапно Дитер повернул направо, в боковую улочку, а потом налево. Они шли уже около часа, но он, казалось, не чувствовал усталости. Улица была пустынной. Мендель слышал только их шаги, короткие и ясные, эхо которых тонуло в тумане. Они находились на узенькой улочке с домами в викторианском стиле, с массивным крытым входом и раздвижными рамами. Мендель догадался, что они где-то возле Фулхэм Бродвей. Может, даже дальше – по соседству с Кингз Роуд. Дитер не замедлял шаги, его несуразная тень все так же скользила в тумане. Он шел, как человек, который знает, куда идти, и который решил дойти туда во что бы то ни стало.

Когда они приблизились к магистрали, Мендель снова услышал шорох машин за пеленой тумана. Затем они прошли под фонарем, и бледно-желтый круг его света был четким и правильным, как радужный ореол вокруг зимнего солнца. Секунду Дитер в замешательстве стоял на тротуаре, затем, рискованно лавируя среди машин, которые, как призраки, появлялись из ниоткуда, он перешел дорогу и нырнул в один из многочисленных переулков. Мендель был уверен, что он идет к реке.

Одежда на Менделе промокла, мелкие капли дождя струились по лицу. Темза, похоже, была уже недалеко; он чувствовал запах гудрона и кокса и почти ощутил холод черной воды. Какое-то мгновение ему казалось, что Дитер исчез. Он зашагал быстрее, споткнулся о тротуар и увидел перед собой поручни набережной. Ступеньки привели к парапету с приоткрытой калиткой. Мендель подошел и, опустив голову, посмотрел на воду. Внизу виднелся массивный пешеходный мостик из дерева, и Мендель услышал беспорядочное эхо: это Дитер под прикрытием тумана шел вдоль реки, следуя одному ему известным путем. Мендель подождал, потом осторожно, не делая лишнего шума, ступил на мостик. Это была солидная конструкция с массивными перилами. Нижний край ее упирался в длинный паром, сделанный из досок и бочек из-под масла. Три полуразвалившиеся яхты сталкивались в тумане, спокойно покачиваясь на волнах. Мендель тихо проскользнул на паром и осмотрел каждую яхту. Две из них стояли совсем рядом и были соединены трапом. Третья стояла на якоре в пяти метрах; внутри нее горел свет. Мендель вернулся на набережную, аккуратно прикрыв за собой железную калитку. Он медленно спустился по улице, не осознавая, где находится. Через пять минут тротуар резко повернул направо, и дорога пошла в гору. Мендель догадался, что идет

по мосту. Он зажег зажигалку, и длинное пламя осветило каменную стену справа. Он поводил зажигалкой и наконец увидел мокрую и грязную металлическую табличку с надписью «Бэттерси Бридж». Он снова вернулся к железной калитке и, постояв неподвижно, точно сориентировался благодаря этой находке.

Где-то справа от него возвышались четыре скрытые в тумане массивные трубы Фулхэмской электростанции. Слева был Чейнуок со своими элегантными рядами лодок, протянувшимися до Бэттерси Бридж. Место, где он находился, представляло собой демаркационную линию между фешенебельными и бедными кварталам. Место, где Чейнуок встречается с Лоте Роуд, одно из самых зловещих в Лондоне. Южная сторона состоит из обширных складов, вокзальных платформ и заводов, а северная представляет собой нескончаемые ряды серых типичных переулков Фулхэма.

Вот где, в тени труб, в каких-то двадцати метрах от Чейнуок, нашел себе убежище Дитер Фрей. Да, Мендель хорошо знал это место. Это было всего в двухстах метрах вверх по течению от места, где из цепких рук Темзы вырвали бренные останки Адама Скарра.

Глава шестнадцатая
Эхо в тумане

Было уже далеко за полночь, когда у Смайли зазвонил телефон. Он встал с кресла, стоящего возле газового отопителя, и тяжело поднялся по лестнице, крепко держась за поручни. Скорее всего это Питер или полиция, и тогда ему придется давать свидетельские показания. А может быть, это даже пресса. Преступление было совершено как раз в такое время, когда утренняя печать уже сможет о нем написать, но, к счастью, слишком поздно для последнего информационного выпуска. Какой же заголовок будет в газете? «Таинственное убийство в театре»? «Убийца затаился в зале»? Смайли ненавидел прессу так же, как ненавидел рекламу и телевидение. Он терпеть не мог «средства массовой информации», характерное для двадцатого века навязывание народу лозунгов и идей. Все, что он любил, что обожал, было порождено диким индивидуализмом. Вот почему сейчас он, как никогда, ненавидел Дитера и все то, что Дитер олицетворял: эту неслыханную дерзость, заключавшуюся в приношении индивидуума в жертву массе. Разве философия коллективизма когда-нибудь порождала мудрость или благодеяния? Дитера абсолютно не волновала человеческая жизнь; он мечтал только об армии людей без лиц, приведенных к самому низкому общему знаменателю. Он производил таких бездушных роботов, как Мундт. Мундт был безликим, как и вся армия Дитера, натренированным убийцей, олицетворяющим самую мерзкую расу убийц.

Он поднял телефонную трубку и назвал свой номер. Звонил Мендель.

– Где вы?

– Возле набережной Челси. Бистро под названием «Балло» на Лоте Роуд. Здешний хозяин – мой приятель. Мне пришлось его разбудить. Послушайте, друг Эльзы скрывается на яхте возле мукомольного завода. Туман его ничуть не смутил. Он нашел дорогу с закрытыми глазами.

– Кто?

– Ее друг, который провожал ее в театр. Проснитесь, мистер Смайли, что с вами?

– Вы следили за Дитером?

– Конечно. Ведь вы об этом просили Гиллэма, да? Что слышно от Гиллэма? Куда потом пошла Эльза?

– Она никуда не пошла. Когда Дитер ушел, она уже была мертва. Мендель, вы слушаете? Послушайте, как мне, черт возьми, вас найти? Где эта яхта? В полицию сообщать или не надо?

– Да, скажите им, что Дитер находится в старом корыте под названием «Сантес Хэвен». Яхта пришвартована с восточной стороны набережной между мукомольней и Фулхэмской электростанцией. Они найдут, но пусть имеют в виду, что там сплошной туман.

– Как вас можно найти?

– Идите прямо к реке, я вас встречу прямо у моста Бэтттерси на северном берегу.

– Я выхожу, только позвоню Гиллэму.

У него где-то был спрятан пистолет, и мгновение он подумал, не взять ли его. Потом решил, что не нужно. Более того, хмуро подумал он, если я им воспользуюсь, из этого раздуют целую историю. Он позвонил Гиллэму и рассказал ему о звонке Менделя.

– …И еще, Питер: они должны следить за всеми портами и аэропортами. Прикажите им наблюдать специально за речным сообщением и за кораблями, направляющимися к морю. Они знают, какие отдать распоряжения.

Он надел старый плащ и кожаные перчатки, затем быстро вышел.

Мендель ждал его возле моста. Они кивнули друг другу, и Мендель быстро увлек его за собой по набережной, проходя вдоль парапета мимо деревьев. Внезапно Мендель остановился и схватил Смайли за руку. Они замерли, прислушиваясь. Затем Смайли тоже услышал глухое неровное шарканье по деревянным доскам, как будто бы шел хромой. Они услышали, как скрипнула, а затем хлопнула железная дверь, и вновь шаги по мостовой, более отчетливые, приближающиеся к ним. Они не шевелились. Подойдя к ним почти вплотную, человек в нерешительности остановился. Смайли затаив дыхание безуспешно пытался разглядеть его в тумане.

Тот появился неожиданно, одним прыжком поравнялся с ними, растолкал, как детей, и побежал, оставляя за собой лишь отзвук неровных шагов.

Они развернулись и бросились за ним. Смайли изо всех сил старался не отставать. В его сознании отпечатался Дитер, бросившийся на них из туманной мглы с пистолетом в руке. Тень Менделя внезапно повернула направо, и Смайли слепо последовал за ним. В этот момент стук каблуков сменился шумом борьбы. Смайли побежал, затем услышал до боли знакомый звук удара тяжелым предметом по человеческому черепу. Смайли приблизился к ним. Дитер наклонился над лежащим Менделем, замахнулся, собираясь снова ударить рукояткой автоматического пистолета. Смайли задыхался. Едкий горький туман жег ему грудь. Во рту у него пересохло, и он ощутил привкус крови. Отдышавшись, он отчаянно закричал:

– Дитер!

Фрей посмотрел на него, опустил голову и сказал:

– Сервус, Джордж, – затем безжалостно ударил Менделя пистолетом.

Он опустил пистолет, медленно выпрямился и двумя руками взвел курок.

Смайли безрассудно бросился на него, забыв и те немногие правила поединка, которые еще помнил, размахивая руками, нанося удары ладонями. Его голова находилась напротив груди Дитера, он толкнул его и начал бить по спине и по бокам. Он был разъярен и чувствовал в себе бешеную энергию. Он оттеснил противника к парапету, и Дитер оказался в невыгодном положении из-за своей больной ноги. Смайли чувствовал, что Дитер бьет его, но решающего удара не было. Он хрипел: «Мерзавец! Сволочь!» И поскольку Дитер начал отступать, он снова по-детски неловко стал бить его по лицу. Дитер наклонился назад, и Смайли увидел ясные очертания его шеи и подбородок. В этот момент Смайли поднял руку, его пальцы изо всех сил сжали челюсть Дитера, и он снова его толкнул. Дитер отшатнулся назад и, повинуясь инстинкту самосохранения, ухватился за воротник Смайли. Смайли неистово ударил по державшим его рукам, пальцы Дитера разжались, и он упал в туман под мост. Наступила тишина. Ни крика, ни шума. Он исчез, принесенный в жертву лондонскому туману и темной грязной реке.

Смайли склонился над парапетом. У него пылала голова, из носа струилась кровь. Ему казалось, что пальцы на его правой руке сломаны. Перчатки он потерял. Он вглядывался в туман и ничего не видел.

– Дитер! – позвал он пронзительным голосом. – Дитер!

Он снова позвал, но его голос оборвался, и слезы подступили к глазам. Боже мой, что я сделал! Дитер, почему ты помешал мне себя убить? Почему не ударил меня оружием, почему не выстрелил? Он прижал судорожно сжатые руки к лицу, чувствуя соленый привкус крови, смешанной со слезами. Прислонившись к парапету, он плакал, как ребенок. А где-то внизу несчастный обессиленный калека барахтался в грязной воде, неотвратимо погружаясь в бездонный мрак.

Проснувшись, Смайли увидел у кровати Питера Гиллэма с чашкой чая в руке.

– Салют, Джордж! Рад вас снова видеть дома.

– А утром?

– Утром вы, старина, с товарищем Менделем веселились на мосту Бэттерси.

– Как он?.. Ну, Мендель…

– Он смущен и пристыжен. Он чувствует себя намного лучше.

– А Дитер?

– Мертв.

Гиллэм протянул ему чай и ромовое печенье.

– Сколько времени вы здесь, Питер?

– Мы попали сюда в результате сложных тактических маневров. Сначала вам в больнице Чесли зализали раны и дали успокоительное. Затем мы приехали сюда, и я уложил вас спать. Что за профессия! Потом я позвонил кое-куда и, если хотите, прошелся с метлой по квартире. Время от времени я заходил посмотреть на вас. Вы или спали как сурок, или цитировали Вебстера[9].

– О Господи!

– По-моему, что-то из «Герцогини Амальфийской»: «Я просила тебя, когда рассудок мой помутился, убить моего самого близкого друга, и ты сделал это!» Вы несли всякую околесицу.

– Как полиция нашла меня и Менделя?

– Джордж, может быть, вы не знаете, но вы кричали оскорбления Дитеру, как будто…

– Да, конечно. Вы слышали?

– Мы слышали.

– А Мастон? Что он сказал обо всем этом?

– По-моему, он хочет вас видеть. Он просил, чтобы вы зашли к нему, как только почувствуете себя лучше. Я не знаю, что он думает об этой истории. Скорее всего, ничего.

– Что вы хотите сказать?

Гиллэм налил ему чаю.

– Раскиньте мозгами, Джордж. Трех основных персонажей этой волшебной сказки съел волк. За последних полгода не была разглашена никакая секретная информация. Неужели вы серьезно думаете, что Мастон будет останавливаться на подробностях? Думаете, ему не терпится сообщить хорошие новости в Форейн Офис и тем самым признать, что если мы и ловим шпионов, то лишь тогда, когда спотыкаемся о его труп?

Позвонили в дверь, и Гиллэм пошел открывать. Немного взволнованный, Смайли слушал, как он щелкает замком. На лестнице послышались голоса. Мастон постучался и вошел. У него в руке был большой букет. Он выглядел так, как будто только что вернулся с пикника. Смайли

вспомнил, что сегодня пятница и он наверняка собирается провести уик-энд в Хэнли. Он иронически улыбался. Он, должно быть, улыбался все время, пока шел по лестнице.

– Итак, Джордж, вы снова пострадали!

– Боюсь, что да. Снова несчастный случай.

Мастон сел на край кровати и оперся на руку. После паузы он спросил:

– Вы получили мою записку, Джордж?

– Да.

Снова молчание.

– У нас создается новая служба. Мы (ваш отдел, я хочу сказать) думаем, что должны приложить больше энергии в области технических изысканий, обращая особое внимание на работу со странами-сателлитами. Можно с удовлетворением отметить, что МИД того же мнения. Мы заручились поддержкой Гиллэма. Я вот думаю, не поручить ли это вам. Вы будете руководить отделом, то есть получите соответствующее повышение и будете продолжать работать и после того, как наступит день вашей официальной отставки.

– Благодарю… Вы разрешите мне подумать?

– Конечно… Конечно… (Мастон казался немного обескураженным.) Когда вы дадите ответ? Ведь уже сейчас надо думать о кадрах и помещении. Подумайте над этим в выходные и сообщите мне в понедельник. Министерство полностью согласно с тем, чтобы вы…

– Да. Я поставлю вас в известность. Я вам очень благодарен.

– Не за что. Вы же знаете, Джордж, что я всего лишь советник. Решение было принято выше. Я всего лишь принес хорошую новость, Джордж. Я выполнил свою обычную миссию посланника.

Он пристально посмотрел на Смайли некоторое время и, поколебавшись, сказал:

– Я поставил кабинет в известность… до определенной степени. Мы обсуждали, что предстоит сделать. Министр внутренних дел также присутствовал.

– Когда это было?

– Сегодня утром. Возникли серьезные проблемы. Мы обсуждали вопрос о том, чтобы направить ноту протеста Восточной Германии и потребовать выдачи этого Мундта.

– Но мы ведь официально не признаем Восточную Германию?

– Вот именно. В этом вся трудность. Можно, конечно, послать протест через посредника.

– Россию, например?

– Да, к примеру, Россию. Но некоторые факторы не позволяют так поступить. У нас сложилось впечатление, что широкая огласка в итоге повредит нашей стране. Перевооружение Западной Германии уже вызвало здесь значительную враждебность. Эта враждебность может еще увеличиться, если будет доказано, что мы ведем дела с немцами, не важно, в пользу русских или нет. Вы понимаете, ничто не доказывает, что Фрей работал на русских. Можно внушить общественности, что он действовал по своей инициативе в интересах единой Германии.

– Я понимаю.

– До настоящего времени очень мало людей находится в курсе событий. И это шанс. Что касается полиции, то министерство внутренних дел согласилось на то, чтобы она, по возможности, замяла дело. Кстати, что из себя представляет этот Мендель? Ему можно доверять?

Вопрос вызвал у Смайли раздражение.

– Да, – ответил он.

Мастон встал.

– Ну что ж, мне надо уходить. Вам нужно что-нибудь? Быть может, я могу быть вам чем-нибудь полезным?

– Нет, благодарю. Гиллэм прекрасная нянька.

Мастон направился к двери.

– Счастливо, Джордж. И соглашайтесь занять пост, если можете.

Он произнес эти слова быстро, глухим голосом, с любезной улыбкой, как будто это было для него очень важно.

– Спасибо за цветы, – сказал Смайли.

Дитер мертв, и убил его он. Сломанные пальцы правой руки, тяжесть во всем теле, страшная головная боль, тошнота – все это доказывало его вину. А Дитер не сопротивлялся, не выстрелил. Он помнил об их дружбе, а Смайли забыл. Они боролись, словно в облаках, в бурном потоке, в дремучем лесу. Дитер помнил, а Смайли забыл. Они пришли с разных полюсов ночи, логика мысли и действий в их мирах тоже была разной. Дитер, находчивый, непримиримый, боролся за создание цивилизации. А рационалист Смайли пытался ему помешать. О Господи! – воскликнул Смайли. – Кто же из нас оказался джентльменом?

Он тяжело поднялся и оделся. Встав, он почувствовал себя лучше.

Глава семнадцатая

Уважаемый советник

«Уважаемый советник!

Наконец я в состоянии вам ответить на сделанное мне предложение занять более высокий пост в управлении. Я очень сожалею, что отвечаю вам так поздно, но, как вы знаете, я себя плохо чувствовал и, кроме того, мне нужно было также решить некоторые личные проблемы.

Так как я не совсем оправился от перенесенной болезни, я думаю, что с моей стороны было бы неосторожно принимать это предложение. Прошу передать мой ответ начальнику отдела кадров.

Я уверен, что вы поймете.

Искренне ваш, Джордж Смайли.»

«Уважаемый Питер!

Прилагаю отчет о деле Феннана. Это единственный экземпляр. Передайте его, пожалуйста, Мастону, как только прочтете. Я подумал, что изложить события все-таки стоит, даже если официально считается, что их не было.

С дружеским приветом, Джордж.»

ДЕЛО ФЕННАНА

В понедельник, второго января, я беседовал с Сэмюэлом Артуром Феннаном, сотрудником Форейн Офис, чтобы уточнить некоторые сведения против него, содержащиеся в анонимном письме. Беседа в обычном порядке была согласована с министерством иностранных дел. У нас к Феннану не было никаких претензий, разве что симпатии к коммунистам, когда он учился в Оксфорде, в тридцатые годы. Но мы не придавали этому особого значения. Разговор был в какой-то мере простой формальностью.

Кабинет Феннана в Форейн Офис был мало приспособлен для такого рода бесед, поэтому мы решили пойти в Сент-Джеймс парк, тем более что стояла прекрасная погода.

Как потом оказалось, нас опознал агент восточногерманской разведки, с которым я сотрудничал во время войны. Я не знаю, выследил ли он Феннана или же его присутствие в парке было случайным.

Ночью третьего января полиция Саррэя сообщила, что Феннан покончил с собой. В отпечатанном на машинке послании с подписью Феннана говорилось, что его преследовала служба безопасности.

Тем не менее следствие вскрыло следующие факты, из которых можно сделать вывод о преступлении:

1. В девятнадцать пятьдесят пять в тот вечер, когда его нашли мертвым, Феннан попросил в центральной Уоллистона позвонить ему в 8.30 следующим утром.

2. Феннан сварил себе какао незадолго перед смертью, но так его и не выпил.

3. Предположительно он пустил себе пулю в лоб в передней, у лестницы. Послание было возле него.

4. Представляется странным, что он напечатал свое последнее письмо на машинке, – так как пользовался ею очень редко, и еще более подозрительно, что он спустился в холл, чтобы застрелиться.

5. В день смерти он отправил письмо с предложением как можно быстрее встретиться со мной в Марлоу на следующий день.

6. Немного позже стало известно, что Феннан взял выходной на 4 января. Очевидно, он об этом не говорил своей жене.

7. Мы обратили внимание, что письмо, подтверждающее самоубийство, было напечатано на собственной машинке Феннана и что по особенностям шрифта оно напоминает анонимное письмо. Экспертиза установила, что эти два письма отпечатаны не одной и той же рукой, хотя и на одной машинке.

Миссис Феннан, которая была в театре в день смерти мужа, я попросил объяснить звонок из центральной в 8.30, и она сказала, что заказывала его сама, что не соответствует действительности. Это подтвердили сотрудники центральной. Кроме того, миссис Феннан заявила, что после разговора со мной ее муж казался взволнованным и подавленным, что подтверждается письмом.

Четвертого января днем, побывав у миссис Феннан, я вернулся к себе в Кенсингтон. Заметив кого-то в окне, я позвонил в дверь. Мне открыл незнакомый человек. Позже оказалось, что это агент восточногерманской разведки. Он пригласил меня войти, но я отказался и вернулся к своей машине, запомнив номера всех стоявших рядом автомобилей.

В этот вечер я отправился в небольшой гараж в Бэттерси, чтобы проверить одну из ранее упомянутых машин. Она числилась за хозяином этого гаража. Там я подвергся нападению неизвестного и был оглушен. Спустя три недели труп владельца гаража Адама Скарра был найден в Темзе возле Бэттерси Бридж. В момент смерти он был в состоянии алкогольного опьянения. На теле не было никаких следов насилия, к тому же было известно, что Скарр злоупотреблял алкоголем.

Интересно отметить, что последних четыре года неизвестный иностранец брал напрокат машину Скарра за щедрое вознаграждение. Он заботился о том, чтобы Скарр даже не знал его имени. Скарр знал его под именем Блонди, и с ним можно было связаться, лишь позвонив по определенному номеру. Это довольно важное звено: этот номер принадлежал представительству Восточногерманской сталелитейной компании.

Между тем, проверяя алиби миссис Феннан на вечер преступления, мы обнаружили следующее:

1. Миссис Феннан два раза в месяц ходила в Вэйбриджский театр, каждый первый и третий вторник. (Примечание: клиент Адама Скарра приходил за машиной каждый первый и третий вторник месяца.)

2. У нее при себе всегда была нотная папка, которую она оставляла в гардеробе.

3. В театре она всегда сидела рядом с человеком, приметы которого совпадают с приметами того, кто на меня напал, и клиентом Скарра. Один из работников театра даже сделал неправильный вывод, что это Сэмюэл Феннан. У этого мужчины тоже была нотная папка, которую он оставлял в гардеробе.

4. В вечер убийства миссис Феннан покинула театр раньше; ее приятель не пришел, и она забыла в гардеробе свою папку. Позже, вечером она позвонила в театр, чтобы узнать, можно ли забрать папку, если она потеряла номерок. Папку забрал все тот же знакомый миссис Феннан.

Мы узнали, что этот иностранец работает в представительстве Восточногерманской сталелитейной компании и фамилия его Мундт. Директором представительства был герр Дитер Фрей, который сотрудничал с нашими спецслужбами во время войны и имел огромный опыт тайного агента. После войны он поступил на правительственную службу в советской зоне Германии. Я должен уточнить, что Фрей работал во время войны со мной на вражеской территории и что он выполнял свою работу в высшей степени профессионально.

Тогда я решил встретиться с миссис Феннан в третий раз. Она призналась, что выполняла функции связного при своем муже, завербованном пять лет назад Фреем во время поездки в горы. Она работала против своей воли, частично из лояльности к мужу, частично, чтобы подстраховать его, поскольку он проявлял недопустимую небрежность при выполнении заданий. Фрей видел меня с ним в парке. Думая, что я все еще работаю в разведке, он сделал вывод, что Феннан «под колпаком» или двойной агент. Он приказал Мундту его убрать, а миссис Феннан вынуждена была молчать из-за своей причастности к делу. Она даже напечатала текст последнего письма Феннана на листке бумаги с его подписью.

Следует отметить способ, которым она передавала Мундту сведения, собранные мужем. Она вкладывала отчеты и копии документов в нотную папку и приносила ее в театр. У Мундта была точно такая же папка, но с деньгами и инструкциями, и так же, как миссис Феннан, он оставлял ее в гардеробе. А потом они всего-навсего менялись номерками. Мундт в тот вечер в театр не пришел, и миссис Феннан, следуя полученным инструкциям, отослала номерок по адресу в Хайгэнт. Она рано ушла из театра, чтобы не опоздать к последней выемке корреспонденции в Вэйбридже. Когда же Мундт вечером пришел за папкой, она сказала ему, как она поступила. Мундт настоял на том, чтобы забрать папку в тот же вечер, ибо не хотел снова возвращаться в Вэйбридж.

Во время моего разговора с миссис Феннан на следующее утро один мой вопрос (по поводу звонка в восемь тридцать) встревожил ее настолько, что она позвонила Мундту. Этим объясняется нападение на меня в тот же вечер.

Миссис Феннан сообщила мне адрес и номер телефона, по которому она связывалась с Мундтом. Его она знала под псевдонимом Фрейтаг. Адрес и номер принадлежали одному летчику «Люфтевропы», часто принимавшему Мундта и предоставлявшему ему в случае необходимости ночлег. Летчик (возможно, агент восточногерманских спецслужб) не возвращался в Англию с пятого января.

Такими были в общих чертах признания миссис Феннан, и в каком-то смысле они нас ни к чему не привели. Шпион был убит, а его убийца исчез. Осталось только оценить величину ущерба. Форейн Офис был официально поставлен в известность, и мистер Феликс Тавернер получил приказ определить, подняв досье министерства, какие сведения были оглашены. Для этого понадобилось составить список всех документов, к которым Феннан имел доступ со времени его вербовки Фреем. Характерно, что Феннан не собирал секретной информации и не брал никаких документов, кроме касающихся его работы. В последние полгода, когда он получил доступ к особо секретным документам, он не взял ни одного. Те, что он брал в этот период, не представляют особого интереса, а некоторые касались вещей, не относящихся к его ведомству. Если Феннан был шпионом, это было необъяснимо. Можно было, конечно, предположить, что он разочаровался в своей роли, и, возможно, его намерение поговорить со

мной было первым шагом на пути к признанию. Если его душевное состояние было таким, он, конечно, мог написать анонимное письмо, чтобы вступить в контакт с управлением.

В этой связи нужно упомянуть еще два факта: под вымышленным именем и с фальшивым паспортом Мундт улетел из страны после того, как миссис Феннан мне призналась. Работникам аэропорта он ничем не запомнился, но впоследствии его опознала стюардесса. Во-вторых, в записной книжке Феннана было полное имя и номер служебного телефона Дитера Фрея – явное нарушение элементарных правил конспирации.

Трудно понять, чего Мундт ждал три недели в Англии, убив Скарра, и еще труднее увязать ту деятельность Феннана, о которой рассказывала его жена, с очевидным отсутствием у него какой-либо системы в отборе секретных документов. Рассмотрев еще раз факты, мы пришли к следующему заключению: единственным доказательством шпионской деятельности Феннана является заявление его жены. Если все было так, как она утверждала, как случилось, что и Мундт, и Фрей оставили ее в живых, хотя без колебаний убирали всех, кто знал слишком много?

С другой стороны, почему бы не предположить, что шпионом была она?

Это объяснило бы дату отъезда Мундта. Он уехал, как только миссис Феннан убедила его, что я поверил ее тщательно продуманному признанию. Это объяснило бы адрес, найденный в блокноте Феннана: они отдыхали вместе с Фреем, и тот случайно завернул в Уоллистон. Это объяснило бы, почему Феннан выбирал документы именно так. Если он брал только документы, не представляющие никакого интереса, хотя его работа и была секретной, его поведение может быть истолковано только так: он подозревал жену. Отсюда приглашение в Марлоу как естественное продолжение нашей встречи накануне. Феннан решил мне сообщить о своих опасениях и для этого попросил один выходной, о чем его жена не знала. Так же объясняется и анонимное письмо, где он оговаривал сам себя. Он хотел войти в контакт с нами, прежде чем выдать свою жену.

В подтверждение этой гипотезы можно добавить, что по части шпионажа именно миссис Феннан проявила большую компетентность, нежели ее муж. Техника, которую применяли она и Мундт, напоминала методы, применявшиеся Фреем во время войны. В случае, если бы встреча не состоялась, необходимо было отослать номерок по условленному адресу, и это доказывало, что у них был тщательно разработанный план. Создавалось впечатление, что миссис Феннан действовала с точностью, мало совместимой с ее утверждениями, согласно которым она помогала мужу под угрозой и принуждением.

Хотя, по логике вещей, миссис Феннан можно было подозревать в шпионаже, не существовало никаких причин полагать, что она исказила события, которые произошли в ночь убийства Феннана. Если бы она знала о намерении Мундта убить ее мужа, она бы не принесла в театр нотную папку и вряд ли бы отослала номерок. Выдвинуть обвинения против нее можно было только в том случае, если бы она возобновила связь с резидентом. Во время войны Фрей изобрел остороумный способ срочной связи с помощью фотографий и иллюстрированных почтовых открыток. Сюжет иллюстрации был содержанием послания. Религиозный сюжет – например, мадонна или церковь – обозначал, что нужно как можно быстрее встретиться. Адресат отвечал совершенно нейтральным, но датированным письмом. Встреча осуществлялась в условном месте и в назначенный час спустя пять дней после даты, указанной в письме.

Возможно, что Фрей, деятельность которого почти не изменилась с конца войны, продолжал использовать эту систему, впрочем, лишь от случая к случаю.

Исходя из этой гипотезы, я послал Эльзе Феннан открытку с изображением церкви. На открытке был штемпель Хайгэйта. У меня была слабая надежда, что Эльза Феннан подумает, что это послание от Фрея. Однако она сразу же отреагировала, отослав кому-то за границу билет на спектакль, который должен был состояться через пять дней. Фрей получил его и расценил как срочный вызов. Зная, что Мундт скомпрометирован «признанием» миссис Феннан, он решил прийти сам.

Они встретились в театре Шерридан на Хаммер-стрит в четверг, пятнадцатого февраля.

Сначала каждый из них думал, что инициатива встречи исходит от партнера, но как только Фрей догадался, что их разыграли, он принял чрезвычайные меры. Возможно, он начал подозревать, что миссис Феннан завлекла его в ловушку, возможно, он предполагал, что за ним следят. Мы этого никогда не узнаем. Как бы там ни было, Эльзу Феннан он убил.

Способ, которым он воспользовался, изложен в отчете судебно-медицинского эксперта: вследствие сдавления гортани, в частности щитовидного хряща, наступила мгновенная смерть. Складывается впечатление, что убийца миссис Феннан не был в этом деле новичком.

За Фреем шли до яхты, стоявшей на якоре возле Чейнук, и, ожесточенно сопротивляясь во время ареста, он упал в реку. Впоследствии его тело было обнаружено.

Глава восемнадцатая

Между двух миров

Скромный клуб, членом которого являлся Смайли, по воскресеньям обычно пустовал. Но миссис Стеджен не закрывала двери на случай, если кто-нибудь из «этих джентльменов» захочет прийти. Она относилась к «этим джентльменам» властно и ревниво, как в те времена, когда была квартирной хозяйкой в Оксфорде и внушала своим жильцам-студентам больше почтения, чем вся армия воспитателей и инспекторов. Она прощала все, но каждый раз давала понять, что проявляет такое снисхождение в последний раз. Однажды она заставила Стид-Эспри пожертвовать десять шиллингов для бедных за то, что он без предупреждения пригласил десятерых друзей на ужин, после чего устроила для них пир, о котором еще долго говорили.

Они сидели за тем же столиком, что и в тот раз. Мендель казался немного более бледным и постаревшим. Он почти не разговаривал во время еды и управлялся с ножом и вилкой с присущей ему педантичностью. Лишь Гиллэм поддерживал беседу, так как Смайли тоже был менее разговорчивым, чем обычно. В компании друг друга они чувствовали себя непринужденно, и не было никакой надобности говорить.

– Почему она это делала? – внезапно спросил Мендель.

Смайли медленно опустил голову.

– Я думаю, что знаю, но это только предположение. Наверное, она мечтала об обществе без конфликтов, защищенном и упорядоченном новой религией. Вы знаете, однажды я привел ее в бешенство, и она мне крикнула: «Я вечный жид, нейтральная полоса, поле сражения для ваших оловянных солдатиков». Когда она увидела, что новая Германия строится по подобию старой и снова возрождаются надменность и спесь, как она говорила, то, я думаю, она не смогла этого перенести. Она, должно быть, думала о бессмысленности своих страданий и о процветании своих преследователей. И она восстала. Пять лет назад она и ее муж встретили Дитера на немецком лыжном курорте. В то время Германия уже становилась могущественной западной державой.

– Она была коммунисткой?

– Я не думаю, что она любила ярлыки. Я полагаю, она хотела помочь построить общество, которое могло бы жить без войны, ведь слово «мир» сейчас не в моде. А она, я думаю, хотела мира.

– А Дитер? – спросил Мендель.

– Черт его знает, чего он хотел. Славы, я думаю, и всеобщего социализма. (Смайли пожал плечами.) Они мечтали о мире и свободе, а сейчас это убийцы и шпионы.

– Боже мой! – воскликнул Мендель.

Смайли вновь умолк, глядя на стакан. Он закончил словами:

– Я не могу требовать, чтобы вы поняли. Вы ведь видели лишь конец Дитера. А я видел начало. Он прошел весь круг. Я думаю, что он не мог себе простить, что был предателем во

время войны, и хотел это исправить. Он был одним из этих устроителей мира, которым удается только разрушать, вот и все.

Гиллэм тактично прервал:

– А этот звонок на восемь тридцать?

– Я думаю, что это согласовывается с нашими предположениями. Феннан хотел встретиться со мной в Марлоу, для этого он взял выходной. Он не сказал Эльзе, что возьмет выходной, в противном случае она постаралась бы солгать мне что-нибудь, чтобы объяснить это. Он заказал вызов для того, чтобы иметь повод уехать в Марлоу. Во всяком случае, я так думаю.

В большом камине потрескивали дрова.

В полночь Смайли сел на самолет, вылетающий в Цюрих. Была прекрасная ночь, и в иллюминатор он созерцал серое крыло, неподвижное на фоне звездного неба. Часть вечности между двумя мирами. Эта картина успокоила его, рассеяла опасения, сомнения, наполнила его фатализмом по отношению к непостижимым путям вселенной. Патетические поиски любви, возвращение к одиночеству – все казалось ему в этот миг незначительным.

Вскоре на горизонте показались огни французского берега. Глядя на них, он по-новому ощутил размеренную жизнь, протекающую внизу: терпкий запах французских сигарет, чеснока и хорошей кухни, громкие голоса в кафе. Мастон, с его запутанными бумагами и накрахмаленными «политиками», остался там, за миллион километров.

Пассажиры с любопытством посматривали на Смайли: маленький полный человечек, меланхоличный, заказывающий виски, улыбающийся ни с того, ни с сего… Сидевший рядом с ним молодой человек неодобрительно покосился на него. Он видел таких людей. Мелкий чиновник, едущий за границу развлекаться. «Неприятный тип», подумал он.

Примечания

1

Английский поэт-романтик

2

«Фортнамс и Мэйсон», один из самых престижных районов Лондона.

3

Foreign Office – Министерство иностранных дел Великобритании (прим. ред. FB2)

4

Джеймс Кейр Харди (1856–1915), английский профсоюзный лидер

5

Фактотум (лат. fac totum – делай всё) – доверенное лицо, выполняющее всяческие поручения (прим. ред. FB2)

6

Светский справочник

7

«Фрейтаг» – пятница (нем.)

8

Марка для отправки писем за границу

9

Английский актер и драматург XVII века.